

Александра Тлен
Богиня



Annotation

Раз в десять тысяч лет Посланник выбирает двенадцать мужчин и женщин для работы Хранителями (Богами) на следующий срок. Роман от первого лица Богини Любви.

Часть первая

“Поздравляю тебя, Любовь Николаевна», — вздохнув, произнесла я и легонько стукнула бокалом о горлышко бутылки. Раздался тонкий хрустальный звон. Я подождала, пока последние звуки растворятся в тишине комнаты, и добавила «С пятидесятилетием». Вино скользнуло по пищеводу внутрь и оставило терпкое пряное послевкусие на языке. Я огляделась. Моя маленькая однокомнатная, но такая милая и уютная квартирка готовилась ко сну. Стихли звуки, обычно доносящиеся из коридора многоэтажного дома, сквозь стены от соседей, из окна. Остановился теперь уже окончательно лифт. Даже во дворе разошлись последние компании, все наши жители оставили машины на стоянке и заглушили двигатели. На часах начало первого ночи... Журнальный столик с бутербродами, откупоренная бутылка красного полусухого вина, греческий салат. Две зажженные свечи. И тишина... Уютная, родная, домашняя. С ней мы большие давние друзья, нам есть что вспомнить. Я хотела отметить свой праздник сегодня одна, дома, наедине со своими мыслями и воспоминаниями. Завтра приедут подруги, будут подарки, поздравления, смех шум и гам. Это будет завтра... А сегодня...

Пятьдесят лет. Большая часть жизни позади. В ней было много всего. Много счастья, много любви, много боли и страданий. Сейчас, спустя столько лет, я могу сказать с уверенностью — вся она была пронизана любовью, как ярким солнечным светом. Я сильно любила, меня любили, и пусть каждый раз период светлого счастья сменялся темной беспросветной полосой горя, я по-прежнему говорю и буду говорить — ради этого стоит жить! Даже, если бы в моей жизни был один день, один час беззаветной любви — мне этого хватит, я прожила жизнь не зря...

Мне иногда казалось, что моя жизнь была похожа на американские горки. Высокие головокружительные взлеты вверх и такие же падения в бездну...

Судьба начала меня испытывать на прочность, наверное, сразу после моего рождения. И потом только закаляла... Нет, мне неплохо жилось в детдоме. Там работали хорошие добрые люди, воспитанные и интеллигентные. Воспитатели, нянечки любили детей, имели крепкие нервы и доброе отзывчивое сердце, иначе здесь было не выжить. Когда на тебя смотрят десятки маленьких глаз, и каждый ребенок спрашивает, где его мама и папа, очень трудно не сойти с ума. Теперь я это понимаю...

Помню я себя лет этак с пяти. Самым ярким воспоминанием почему-то была драка. Я взяла куклу, самую красивую (как мне казалось на тот момент) и стояла, рассматривая ее возле окна. Две ручки, две ножки, голова, платице. Наверное, впервые я осознала, что вот он — маленький, похожий на меня человечек в моих руках. Мое подобие. Я удивленно и как то замороженно уставилась на ее длинные волосы, как ко мне подскочила какая-то девочка и вырвала куклу из рук. «Моя!» — закричала она и сильно толкнула меня в грудь. Я упала и больно ударилась о пол. С такой непонятной злобой я сталкивалась впервые и не понимала, зачем было толкать. Попросила бы меня, я бы отдала куклу. Мне не жалко. Я размазывала слезы по лицу, а дети во главе с той девочкой окружили меня и обзывали «Плаксой, ревой, нюней». Мне было ужасно больно, обидно и стыдно, но потом пришла наша нянечка и разогнала толпу...

Мы все были одинокими бездомными котятками, взъерошенными, царапающимися и кусающимися. Мы просто хотели ласки и любви, и эти, так называемые, драки за место под солнцем были еще одним способом привлечь к себе внимание, пусть таким корявым и неумелым...

Я была тихим спокойным ребенком, не конфликтным и молчаливым. Меня даже прозвали воспитатели с легкой подачи Марии Павловны — «мечтательницей». Пока другие дети выясняли свои «важные» отношения, дрались за право играть с игрушечными солдатиками или куклой Лизой (кстати, единственной в нашей группе), я сидела у окна и смотрела на проплывающие облака. Дорисовывала им крылья, носы и уши. Над нашими садовыми деревьями плыли слоники, зайчики и гигантские гусеницы. Они медленно уплывали вдаль, за горизонт, туда, где жили мои родители, туда, где шумел огромный яркий мир, наполненный чудесами.

В детдоме нас не обижали. Все воспитатели и учителя любили детей, иногда даже нам перепадало ласковое прикосновение и теплая улыбка. Но этих крох были так до обидного мало маленьким детям. И мы додумывали для себя свою персональную, личную «любовь».

В приюте, я выдумала родителей. Я их действительно искренне и беззаветно любила, они были для меня самыми лучшими. Не одна я была такая, в детдоме у всех были родители, у кого настоящие, у кого придуманные, как у меня. Но только я все сочинила до мелочей. Внешность, имена, цвет волос, рост, характер, куда они ездят отдыхать и что они любят на завтрак. Нам не говорили воспитатели, как мы сюда попали, это было табу еще похлеще драк и вранья. Я свято верила, что папа и мама меня просто потеряли. Ну, бывает же такое — или случайно забыли в магазине, или украли, или я пошла в парк гулять очень маленькой, отстала от мамы и заблудилась. Или еще что... И теперь они меня ищут и плачут от потери... И, рано или поздно, конечно найдут, и мы будем счастливы...

Эта незыблемая уверенность в чуде помогала мне всю жизнь. Наверное, еще тогда, в юном возрасте я начала строить из любви (сначала придуманной и вымышленной, потом реальной) свой внутренний мир, свою крепость, свою нерушимую твердыню. Веру в лучшее, веру в счастье. И потом всю жизнь только убеждалась в правильности своего выбора, выбора любви — как единственной сверх ценности на свете.

Когда нас начали обучать вместе с мальчиками, я ужасно стеснялась и переживала. Уроки я любила, и учеба давалась мне с легкостью. Но моя болезненная стеснительность часто вредила. Я пряталась на последних партах и не поднимала глаз от тетрадки. Но однажды ко мне подсел худой светловолосый мальчик и решительно представился — «Андрей». Я пробормотала, не поднимая головы — «Люба». Оказалось, что он давным-давно обратил на меня внимание, и просто не решался ко мне подойти. Так началась наша дружба, а впоследствии и любовь. Теперь я была не одна. У меня был Защитник. Такой же, как и я, одинокий брошенный котенок, мой ровесник. Родителей он помнил, они отдали его в приют в семь лет, сами были больны. Тогда я не знала, что такое слово «СПИД». И просто тихонько завидовала Андрею, что он хотя бы видел и помнит их лица, знает их имена.

Моя первая прекрасная девичья любовь. Мы были неразлучны. Даже воспитатели ласково смотрели на наши сцепленные руки и улыбались. А дразнилки «Тили-тили тесто, жених и невеста» от ребят нас не задевали ни капельки. У нас был свой собственный мир, такой же, как мои персональные облака — волшебный и прекрасный. Он мне решал задачки по геометрии, я ему писала сочинения. Он был таким смышленным и сообразительным, добродушным и очаровательным, мой Андрей, а я... Так и осталась робкой, неуверенной в себе девушкой Любой...

В приюте мне начали сниться сны. Помню лет этак с десяти-двенадцати... Иногда страшные до дрожи, иногда непонятные и тревожащие. Иногда веселые и развлекающие. Разноцветными картинками передо мной проносились события, в моих снах жили люди, выросли дети. Нарезанная мелкими кусочками чья-то жизнь... Сначала я ничего не понимала и плакала, просыпаясь. Меня несколько раз водили к детскому психологу, но никаких отклонений не нашли. Списали все на тоску по родителям и яркую фантазию... Потом, после успокоительных и долгого лечения от нервного расстройства я просто перестала говорить о снах нянечкам и врачам. Это была моя тайна. А сны по-прежнему снились мне почти каждую ночь...

Иногда мне казалось, что я со стороны наблюдаю за чьими-то жизнями. А особенной чертой всего этого было то, что многие люди из снов были в необычных нарядах, которые я видела только на картинках в книжках. Они странно разговаривали на непонятных языках, жили в диких домах, в незнакомых городах. Там не было высоких домов, электричество не освещало дороги, и лошади ходили по улицам.

По началу людей было так много, что я почти никого не запоминала, все лица сливались в один мелькающий поток. Кусочки детства, юности. Мальчики, которые в молодом возрасте учились драться на мечах (у нас были игрушечные в приюте, я видела, что это такое), девочки в широких платьях до пола жеманничали перед зеркалом... Иногда я видела страшные наказания, непонятные мне, пугающие до дрожи. После того, как во сне мне показали, как выпороли кнутом красивого светловолосого мальчика и у того вся спина была в крови, я в истерике рыдала целое утро и никто не мог меня успокоить. Постепенно, с течением времени я выросла, и дети в моих снах выросли вместе со мной. Сны снились почти каждую ночь, и постепенно я привыкла к ним, как любой человек привыкает к неизбежному...

Со временем людей во снах становилось меньше и начала даже их узнавать. Сны стали более предметные и замедлились. Одни и те же юноши и девушки могли по несколько раз за месяц появляться в моем сне, то на минутку, то на несколько мгновений. Теперь можно было просмотреть пусть коротенько, но почти логичный цельный кусочек жизни кого-то одного. Час жизни одного мальчика, десять минут жизни другого, полчаса времяпровождения девочки-жеманницы или какого-то взрослого грозного мужчины. Мне даже становилось интересно. Как в кино... Пусть я видела, естественно, не всю жизнь, потому что, людей по-прежнему оставалось еще очень много. Я их путала, забывала лица, иногда проходило несколько месяцев между появлениями моих «любимчиков»... Помню мне очень понравилась одна красивая девочка, она жила в каком-то большом людном городе около моря. Она так была похожа на меня, такая же белокурая и худенькая. Любила мечтать и сидеть у окна, смотреть на небо и читать книги. Правда у нее были папа и мама, и я восхищенно вздыхала, когда мне удавалось подсмотреть за их «идеальной» (по моему мнению) жизнью. Ей дарили подарки, куклы и игрушечные домики украшали ее спальню. Родители возили ее в зоопарк и на пляж. У нее был маленький смешной щенок, лохматый и игривый. Я тихонько завидовала ее жизни, счастливой и беззаботной, мне так нравилось подсматривать за ней... Но однажды, когда мне было около семнадцати, она пропала из моих снов и больше никогда не вернулась...

В семнадцать лет я стала вести дневник. Это было модно среди наших девушек, и я не стала исключением. Туда я записывала свои признания в любви Андрею, свои мечты и, конечно же, сны. Не знаю, почему это показалось мне важным. Сначала людей во снах было так много, что я едва успевала каждому выделить по одному предложению.

«Блондин сбежал сегодня из дома. Его поймали, и отец собственноручно выпорол и запер в комнате».

«Актриса с родинкой сегодня впервые выступила на сцене в театре. Провал».

«Мальчик с длинными волосами придумал своей маме подарок — лак для ногтей, который можно один раз нанести и менять цвет хоть десять раз на дню, дотрагиваясь кисточкой определенного цвета до ногтя».

И так далее... Но после того как я исписала две толстые тетрадки и ни разу не повторился персонаж, я поняла, что это бесполезно — их слишком много, и забросила записи...

В восемнадцать лет нас выпустили из приюта во взрослый мир. Я ужасно боялась и нервничала, ничего не знала и не понимала в жизни. Но Андрей успокаивал — у него уже был план. Я во всем положила на своего парня. Мы решили, как только получим паспорта — тут же поженимся. Но сначала нужно было что-то делать с учебой. Андрей всегда хотел стать строителем. Он завороченно смотрел на высокие дома, стрелы кранов, окружающих новостройку, огромные бетонные плиты вокруг. И решил поступать в архитектурно-строительный институт.

Я же мечтала стать врачом. Я представляла, как я спасаю жизни, делаю операции, принимаю роды. Мечты. Мечты... Конечно, у нас, детдомовцев была льгота для поступления в институт, но увы, не медицинский. Так что мне пришлось довольствоваться училищем, и то, мне крупно повезло. Даже в медицинское училище был «блат» и принимали за большие деньги, которых у нас не было.

Государство нам дало стипендию и по маленькой комнатке в коммуналке и за это ему огромное спасибо. Мы с Андреем подали заявление в ЗАГС и стали искать обмен двух коммуналок на отдельную квартиру.

Я помню нашу веселую студенческую свадьбу. Гости в основном были наши, детдомовские и одноклассники из строительного института Андрея. Увы... В мед училище на меня смотрели, как на отребье и за человека не считали. Парни еще кое-как. Были и приглашения в кафе, погулять и заигрывания и комплименты... Я шарахалась от них, как от чумы, показывая тоненькое серебряное кольцо на пальце, а они только смеялись... Непонятно... Девушки же просто не замечали меня, сплетничали за спиной и поливали презрением. Мои стоптанные черные сапоги, коричневое пальтишко и вязаный серый берет, вызывали у них стойкое отвращение. Но я не унывала. Презрительные взгляды и едкие насмешки «детдомовка» не могли пробить мою уже окрепшую броню из светлого безграничного счастья, моей бесконечной любви к мужу. Я летала, как на крыльях. Вот оно — то, о чем я всегда мечтала. У меня есть семья! Маленькая тесная пустая квартирка на окраине, но наша, собственная, отдельная! Мой любимый мужчина, теплый и ласковый, сильный и решительный. Он целует меня каждое утро, когда мы просыпаемся, и благодарит за завтрак. Он носит меня на руках в ванную и вешает постиранное белье на балкон. Он приносит сумки из магазина и собирает мне букет из осенних листьев, когда мы гуляем по парку, сцепив ладони. Сжимает в объятиях, найдя укромный уголок, где нет прохожих. Нежно целует в нос и говорит «Счастье мое»... Он бесконечно нежен со мной ночью и я таю, как мороженное у него на губах... Мы учились любви вместе, совершали открытия, удивительные и грандиозные... И нам все было ни по чем... И то, что ели мы овсяную кашу на завтрак, а гречку с курицей на ужин, почти каждый день. Одевались в секонд-хенде и спали на железной кровати... «Все у нас будет» — уверял меня Андрей, — «Я обещаю тебе, ты будешь самой счастливой на свете». «Я и так самая счастливая» — отвечала я...

Я светила мягким светом от любви, и прохожие смотрели мне вслед, улыбаясь.

Училище я закончила раньше своего мужа на пару лет и стала работать медсестрой в неотложке. Появились деньги... Не много, но после стипендии это был существенный прирост благосостояния. Андрей постоянно подрабатывал на стройке, его уже там хорошо знали и уважали. Пока обычным рабочим — месил цемент, таскал стройматериалы,

разгружал машины. Он смеялся, что должен узнать все стадии строительства здания. От чертежа на бумаге до рытья фундамента. И когда он, наконец, окончил институт его тут же взяли сначала арматурщиком, а потом и инженером-строителем на ту стройку нового микрорайона, где он подрабатывал.

Деревянную свадьбу мы уже отметили в отремонтированной и обставленной квартире. Муж сам штукатурил стены и укладывал паркет. Мы купили шикарную деревянную кровать и шкаф-купе. Жизнь заиграла новыми красками. Появились те вещи, которые раньше мы не могли себе позволить — хорошая одежда, заморские фрукты, кафе иногда по вечерам, букет цветов неожиданным сюрпризом от любимого мужа, красивый галстук ему на праздник. Хотя я по прежнему была нерешительна и робка, терялась с незнакомыми людьми и смотрела в пол, но Андрей говорил, что это остатки детдомовского прошлого и совсем скоро я стану уверенной в себе и смелой девушкой.

Когда мы решили завести ребенка, Андрей уже занимал должность прораба, а мне исполнилось двадцать четыре. Год назад мы взяли в кредит двухкомнатную квартиру в новостройке и купили подержанную машину. Все было прекрасно. Мое счастье росло во мне теплым крохотным комочком. А второе носило меня на руках и нежно целовало по утрам в щечку, уходя на работу.

Мы ехали вечером из больницы, была зима, было ужасно скользко не то, что ехать, но и ходить. Андрей медленно и аккуратно, со скоростью сорок километров в час двигался по самой крайней правой полосе, когда большой грузовик, не справившись с управлением, врезался в нашу машину слева. Потом мне сказали, что со стороны водителя ничего не осталось — только исковерканный металл. Меня же зажало и сплющило так, что пришлось вырезать сваркой из покореженного автомобиля... И когда я очнулась через месяц в палате — живот у меня был плоским... Только однажды я видела своего ребенка — на УЗИ, шестимесячным комочком, плавающим у меня внутри в животе. Врачи сказали, что мне крупно повезло. После таких травм не выживают, переломы нескольких ребер, обеих ног, сильное сотрясение с комой, внутренние разрывы и кровотечения. Ну, да, еще и потеря ребенка на позднем сроке... И заключительный вердикт, как гранитная могильная плита — у меня больше никогда не будет детей....

Несколько месяцев я провела в больнице. Сначала в той неотложке, в которой работала, потом перевели в обычную районную. Начался долгий период реабилитации. У меня никого не было, только иногда друзья приходили в больницу и навещали коллеги Андрея. Голова постоянно пребывала в густом душном оцепении. Я не реагировала на слова, вздрагивала от прикосновений и почти не поднимала глаза от пола. Горе... Огромное, непереносимое неподъемной тяжестью прижимало к земле и не давало вздохнуть. Я все время молчала, и врачи даже решили, что у меня от стресса пропал голос. Назначили кучу дополнительных исследований, но с горлом было все в порядке. Я как механическая кукла ходила на процедуры и запихивала в себя больничную постную еду... На каком-то диком, животном уровне тело хотело жить дальше, и пусть душа была полумертвая, но основные первобытные инстинкты не давали умереть.

За время моего пребывания в больнице банк за неуплату по кредиту отобрал квартиру и вместо наших двухкомнатных отремонтированных хором, я взамен получила маленькую коммуналку на окраине. Мне было все-равно... Наверное, нужно было спорить, доказывать, что за первый взнос мы отдали нашу однокомнатную квартиру и плюс еще год выплачивали кредит, но тогда в больнице меня меньше всего волновало, как я буду жить дальше... И где...

И через почти полгода после аварии я впервые зашла в свое новое одинокое жилье. Все мои вещи были свалены в кучу, одежда вперемешку с кастрюлями и фотоальбомами, зеркало, два стула и маленький диван... Ключи мне отдали друзья Андрея (огромное спасибо им за то, что побеспокоились за новый замок и за сохранность моих вещей)... Денег не было, я то уже почти год не работала. Друзья принесли продукты, забили холодильник и оставили меня наедине с собой. Марина порывалась остаться... Та девочка из детдома, которая меня толкала и обзывала в детстве, стала мне самой близкой подругой. Даже была нашей свидетельницей на свадьбе. Сама бойкая и озорная, она дополняла меня своей неумной энергией и оптимизмом. Но сейчас они мне были не к чему. И я попросила ее уйти...

Нужно было решать, как жить дальше. И первое, что я сделала — пошла на кладбище. Мне необходимо было проститься с Андреем, просто необходимо было увидеть его могилу, принять и понять его смерть, его уход, заплакать, наконец. Расстаться навсегда со своей первой любовью.

Потом, позже, читая психологическую литературу и несколько раз побывав у психотерапевта, я поняла, что прошла все классические стадии горя. Шок, отрицание, оцепение. Потом боль и чувство вины... Почему мы поехали в машине — ведь можно же было на метро! Почему вечером, нужно было утром! И все в таком роде... Гнев на себя, горечь, обида на судьбу. Как Бог мог допустить, чтобы мой прекрасный, честный, добрый Андрей погиб? Как Бог мог допустить смерть моего не родившегося ребенка? Что же это за Бог такой? ... А потом... Потом смирение...

Я опять пошла в неотложку просить работу. Кризис, мест в больнице не было и меня взяли на скорую медсестрой. Тяжелый выматывающий труд. Всю ночь в машине, огнестрельные и ножевые ранения, преждевременные роды, сердечные приступы, вонючие бомжи и буйные алкоголики. К концу смены я уже ничего не соображала. Механически, не задумываясь, делала перевязки и ставила уколы. Наверное, тогда это был лучший труд для меня, до отупения и состояния робота-автомата. Контраст этого кошмара помог справиться с моим горем, помог потихоньку выкарабкаться из той раковины, в которую я себя замуровала.

Прошло два года и боль растворилась в тяжелой каторжной работе, ежедневных проблемах, приходах друзей, посиделках с бутылочкой вина, маленьких крошечных радостях. Больше всего я любила принимать роды, когда мы не успевали привести роженицу в больницу, приходилось останавливаться и прямо в машине готовить операцию. Появление на свет нового человека — это всегда чудо. Великое и грандиозное... Я просто застывала в ошеломлении, слыша первый громкий крик младенца, видя его первый вздох. И даже если мать была не очень добродетельна или не трезва, в этот момент я любила и ее. Любила за это рождение, за этот дар миру новой жизни.

Мне исполнилось двадцать восемь... Я жила в своей коммуналке и работала медсестрой. Теперь я уже понимала, что вряд ли я стану настоящим врачом, не было денег, чтобы закончить мединститут, да и все время отнимала работа. За мной потихоньку начали ухаживать мужчины. Приглашать в кафе, кино, в театры. Иногда коллеги, иногда пациенты... Было странно...

Почему-то, я всегда привлекала мужское внимание. Даже удивительно, потому что никогда к этому не стремилась... Я ведь не была писаной красавицей, и ноги у меня не от ушей, и грудь не пятого размера. Симпатичная, но и только. Стройная, небольшого роста натуральная блондинка, с тонкими чертами лица. Овальное личико, пухлые губы, голубые глаза — ничего особенного... Ах, да... Еще длинные белокурые волосы. Рядом работали более яркие и привлекательные девушки, сексапильные и обворожительные. Они заразительно хохотали и шикарно одевались, вызываясь красились и были в курсе всех сплетен и модных событий. Но мужчины приглашали на свидания почему-то меня. Чем я их привлекала? Не знаю... Возможно своим спокойствием, бесконфликтностью, или уступчивостью и мягкостью?.. Для меня всегда это было загадкой.

Марина частенько обвиняла меня в бесхарактерности. По-дружески, шутя и ругая мою нерешительность. Сама она уже два раза побывала замужем и решила не останавливаться на достигнутом. Я только улыбалась в ответ на ее дружеские подначки. Отвечала, что вода тоже мягкая и ласковая, но гранитные глыбы точит лучше профессионального скульптора, делая гладкими и круглыми.

— Люб, прости меня, но ты дурочка, — мы сидим с ней в летнем кафе в парке и пьем сладкий безалкогольный коктейль через трубочку (мне еще на работу в ночную смену).

— Почему? — на Маринку было сложно обижаться, она всегда говорила, что думала и выражения не выбирала.

— Если бы ты хоть раз подняла глаза с пола и посмотрела вокруг, то увидела бы — все

мужчины смотрят только на тебя, — я удивленно подняла глаза и украдкой окинула взглядом кафе — ничего такого, — возмущенно произнесла я.

— Ну да, сейчас тут только мы и та мамаша с детьми, — фыркнула Маринка, — я иносказательно. Иногда я тебе завидую черной завистью. Тебе бы прийти в любой респектабельный ресторан и в тот же вечер ты оттуда бы ушла с миллионером. — Марина давно безуспешно пыталась подцепить на крючок богатого «папочку», но пока в ее активе были только менеджеры среднего звена и один мелкий чиновник.

— И ничего я не делаю такого, — буркнула я...

— Вот именно! — указательный наманикюренный палец подруги ткнулся мне в грудь. — Не делаешь. Потому, что тебе ничего не нужно... Эх, ну почему это бешеное обаяние досталось не мне, — притворно вздохнула Маринка. Она все же немного лукавила. Природа не обделила мою подругу. Ей досталась яркая внешность, умело подчеркнутая макияжем, неумная энергия фонтанировала безудержным потоком, она заразительно смеялась и смешно рассказывала анекдоты (чем я похвастаться никогда не могла), многие мужчины увивались вокруг нее. Она уже два раза побывала замужем, но все по-прежнему была в поиске. А работала Марина в салоне красоты парикмахером, она еще с детства любила причесывать кукол и стричь им волосы (это объясняло ее пристальное внимание к длинноволосым Барби, из-за которой у нас и произошла первая ссора).

— Ну, хватит уже, — попыталась образумить ее я, мне всегда было не по себе, когда она начинала меня подначивать и задирать, — ты же знаешь меня.

— Вот именно, — вдруг сказала Маринка, и, помолчав, непривычно серьезно добавила, — наверное, этот призрак детдома все время будет висеть над нами дамокловым мечем.

— Да нет, — начала я и тут же была перебита.

— Да-да! Посмотри на себя... — тяжело вздохнула она, — ты прекрасный добрый человек, светлая душа, у тебя просто обязана быть счастливая крепкая семья, ты создана для этого. Ты бы видела себя со стороны пять лет назад, — она на секунду замолчала, как будто бы не хотела напоминать мне утрату, — ты сияла. Это было твое... Это я не создана для семьи, а ты... — Марина вдруг подсела на мою сторону и крепко обняла за плечи, — Если бы не детдом, ты бы уже нашла кого-то, была бы открыта и жизнерадостна, а не смотрела в пол, как ты делаешь пятьдесят процентов времени. Ты была бы прекрасной дочерью и женой, великолепной матерью... А сейчас что?

— Что? — спросила безнадежно...

— Ты прячешь глаза, бегаешь от мужчин как от черт от ладана. Твоя робость и неуверенность в себе переходит все границы... Когда ты смеялась последний раз? Когда пела, танцевала? Твой характер ведь совсем другой... Это все приют...

— Нет, — прошептала я, — не только...

— Не только, — согласилась она, — но он первый наложил свой отпечаток.

Мы помолчали... Я была не согласна. Точнее не совсем согласна с Мариной. Нельзя во всем обвинять приют. Да, то, что у нас не было родителей, или они умерли, или отдали нас, повлияло на наш характер не в лучшую сторону. Я болезненно застенчивая и робкая, всегда пряталась за спину Андрея, выходила «в люди» только с ним, соглашалась с его проектами и идеями, была послушной и безынициативной. Возможно, даже слишком. Марина. Ее неспособность остановиться на одном мужчине, постоянный безуспешный поиск идеала, постоянная неудовлетворенность собой и мужчинами ее окружающими.

— Почему ты не заведешь ребенка? — вдруг спросила ее я, — ладно я не могу, но ты то. Неясная тоска тоненько царапнула коготком, и сразу же отступила назад в темноту, туда, куда я загнала свои счастливые воспоминания о прошлом...

— С кем? — возмущенно уставилась на меня Марина...

— Было бы желание, а мужчина найдется, — улыбнулась я, — да хотя бы с этим твоим... Василием Павловичем... Я думала, она сейчас начнет опять куражиться и шутить, а она вдруг серьезно и как то непривычно для себя ответила.

— Милая моя подруга. И это тоже страх, который остался от детдома. Вдруг со мной что случится, авария (она с сожалением посмотрела на меня, как будто извиняясь за напоминание), смертельная болезнь, еще что. У меня никого нет, ни родителей, ни братьев, ни сестер. И моему ребенку светит только приют. Я не хочу ему такой судьбы.

— Нельзя же так! — воскликнула я, — если будешь постоянно об этом думать — что за жизнь тебя ждет!

— Да, — она встрепенулась и ярко улыбнулась мне, — но ведь это ты у нас женщина, созданная для семьи, замужества, материнства. А я никогда к этому не стремилась. Ну, хватит хандрить! — заявила вдруг Марина и поднялась со стула. — Если мы решили, что ты у нас роковая женщина, — я вытаращила на нее круглые глаза, — значит, придется мне тебе показать, как ты действуешь на мужчин, если ты сама этого не видишь.

— О, нет, — простонала я. — мне еще на работу сегодня в ночь.

— Твоя смена начинается в одиннадцать, значит у нас еще куча времени. Тем более, это просто эксперимент, ничего пока я серьезного не планирую с тобой делать. — И потащила меня прочь из кафе.

Это было ужасно. Сначала она повела ради «проверки» в супермаркет, купить бутылку воды. При этом потребовала не опускать глаза и хоть иногда смотреть по сторонам. Я не знала, что она задумала, пока не стало слишком поздно... Мы подошли к кассе, Маринка специально подобрала одну из касс, где стояли почти одни мужчины... Потом вдруг вскрикнула, что мы забыли деньги, а моя подруга (кивнула на меня) теряет сознание от жажды... Когда все окружающие мужчины подскочили, чтобы заплатить нам за воду, я чуть не провалилась на месте. А потом еще долго на выходе из супермаркета отбивалась от настойчивых предложений подвести домой меня, а то вдруг мне станет плохо по дороге. Я, красная как рак, тащила Марину прочь от магазина. Она только посмеивалась.

— Нет, ну ты видела! — не унималась она, — и это при том, что у двоих из них я заметила обручальные кольца!.. Я не знала, куда себя девать от смущения.

Мы шли по центральной улице нашего города и смеялись. И вдруг, забывшись, я зацепилась за восхищенный взгляд мужчины, идущего навстречу. Один, второй, третий даже остановился и спросил который час. Маринка не унималась.

— Ты заметила? — толкнула она меня в бок.

— Может это на тебя они обращают внимание, — попыталась отмазаться я. — смотри, как ты одета, макияж, прическа.

— Нет, ну действительно, дура, — заявила подруга, — ты просто слепа. Ну ладно раньше ты никого не замечала — сначала Андрей, потом авария, а теперь то что? Столько лет уже прошло.

— Не знаю, — вздохнула я, — мне страшно... Опять...

— Ты же сама мне недавно говорила, что нельзя все время бояться! — вернула мне Маринка мои же слова... и припечатала, — думаю, ты готова к новой любви. Оглядиись

вокруг и если опять никого не заметишь, придется мне браться за твое воспитание. А ты же знаешь, чем это грозит, — ухмыльнулась она. Я сложила молитвенно руки. «Нет, только не это!»

Мы рассмеялись и распрощались...

Я пока не чувствовала в себе ни сил ни желания опять броситься в этот омут с головой. Слишком еще свежи были не зажившие шрамы и в прямом и в переносном смысле... Головой понимала, а сердце уже потихоньку оживало, чего-то ждало и надеялось. Ждало прихода весны, ждало солнца, света, тепла... И лед тронулся...

Маленький тоненький росток любви пробрался наружу и повернул свою головку к солнцу. Сначала заинтересованные взгляды, частые встречи в коридорах больницы, как будто случайные. Тонкие завуалированные комплименты моему профессионализму, каторжному труду... Ничего неприличного или вульгарного. Когда я сама обратила внимание на нашего главного хирурга Алексея Ивановича Слущкого, тот был уже влюблен в меня по уши (это он мне так сказал после свадьбы).

Приказ главврача о переводе меня в хирургическое отделение мной был воспринят неоднозначно. С одной стороны — самое престижное отделение нашей больницы, «чистая» интересная работа, помощь на операциях (то, о чем я всегда мечтала), с другой — мои друзья в «неотложке», моя необходимость, иногда спасение жизни, это давало мне огромный заряд своей значимости, важности для людей.

Через месяц после перевода меня назначили ассистировать Алексею Ивановичу. Я ужасно переживала и тряслась как осиновый лист, операция была пустяковая — удаление желчного пузыря, но это первая моя операция. Я чувствовала все время его теплую поддержку и одобрение. Он незаметно помогал мне и ненавязчиво руководил. После операции, легонько приобнял меня и сказал.

— Девочка, ты прирожденный врач, — я недоверчиво на него смотрела, — я повидал немало медсестер, но могу сказать с уверенностью — твою чуткость, любовь к пациенту, четкость в движениях, спокойствие и профессионализм не часто встретишь в человеке.

Он был меня старше на шесть лет и уже как год состоял в разводе. Все вокруг шушукались и сплетничали о таком привлекательном и одиноком мужчине, являющимся самым завидным холостяком в больнице. Я же в упор его не замечала, пока сам Алексей не подошел ко мне в столовой, и не пригласил в театр на премьеру знаменитого мюзикла. Сказать, что я опешила — ничего не сказать. Почти три года я жила в своем закрытом, неприветливом мире — дом-работа-опять дом. Никаких мужчин, никаких театров и ресторанов. Никаких развлечений. Иногда с подружками кафе-мороженое. Я растерялась и согласилась.

Алексей мне потом рассказывал, еще давным-давно обратил внимание на маленькую симпатичную тихоню-медсестру, пугливую как воробышек, улыбчивую и очаровательную. «Ты как лучик солнышка проскальзывала через коридоры и освещала все вокруг. Ты была моим персональным светом в угрюмой ежедневной рутине»... Потом обнял меня и добавил, — «Но ты была замкнута и не разговорчива с мужчинами, счастлива в замужестве и совершенно недоступна... У меня уже тогда не ладилось с женой, и я иногда по-доброму завидовал твоему семейному благополучию... Потом авария, ты пропала на долгое время, и когда ко мне пришел Иван Иванович (наш главврач) с твоим резюме посоветоваться — что делать... Ведь время трудное, вакансий нет, я попросил взять тебя на работу»...

Он ухаживал за мной медленно и осторожно, словно боялся спугнуть... Почти два месяца проводов домой после дежурств, ужинов в кафе, совместных походов в кино и обедов в больничной столовой.

Потом он говорил, что так боялся что-то сделать не так, напортчить или поспешить, что даже немного перестарался... Я смеялась. «Да уж...»

Алексей был замечательным. Высокий крупный интересный мужчина. С нежными сильными руками, громким властным голосом и уверенными движениями. Прекрасный хирург от Бога. Я восхищалась им, ассистируя у него на операциях и потом, сидя в кафе, ловила каждое его слово, завороченно уставившись в красивое волевое лицо.

Он был так не похож на Андрея. Каким бы ни был решительным и энергичным мой первый муж, но ему не хватало этой спокойной уверенности в себе, этой харизмы и обаяния... Они были у Алексея в крови, воспитаны с детства любящими родителями, взлелеянные годами, десятилетиями жизни в достатке и спокойствии. Престижная школа, институт, благополучие и успех на профессиональном поприще. Только однажды его подвела судьба — они разошлись с женой после двенадцати лет брака. Я не спрашивала, что произошло. Захочет — расскажет сам, да и сам Алексей не интересовался моей жизнью с первым мужем...

Он дал мне это... Защищенность и умиротворение. Того, чего мне так не хватало. Я была с ним, как за каменной стеной, он окружил меня такой трогательной заботой и вниманием, что я иногда чувствовала себя маленькой девочкой. Покупал шерстяные носки и теплые варежки. Приносил обед в ординаторскую, когда я не успевала прибежать в столовую, легонько целовал меня в щеку, прощаясь возле входной двери подъезда, и пока не позволял себе ничего лишнего. Все уже в больнице давно нас уложили в постель и поженили, а я еще не целовалась с ним в губы.

Даже мне стало это надоедать. Я уже вполне созрела для более тесных отношений и однажды, после того как он в очередной раз подвез меня домой и чмокнул в щеку, просто решительно обняла его за плечи и притянула к себе его крупную взлохмаченную голову.

Его губы были такими, как я и предполагала — сильными, вкусными и упрямыми. Он сразу перехватил инициативу и впился так жадно и настойчиво, что мне оставалось только тихонько всхлипывать и цепляться за его куртку, боясь упасть...

Даже сейчас, спустя почти четверть века, я не могу вспоминать без улыбки ту нашу первую сумасшедшую ночь. Мы дорвались друг до друга, как будто год прожили на необитаемом острове и впервые повстречали человека противоположного пола. Едва дошли до моей комнаты, соседи, наверное, были в восторге — такой шикарный спектакль в коридоре. После того раза, я больше никогда не ночевала в своей коммуналке — Алексей на следующий день решительно перевез мои вещи к себе. А через два месяца мы поженились.

Правда, я попыталась остановить его.

— Зачем свадьба? Я согласна на гражданский брак.

— Нет, — отрезал решительно мужчина, — я хочу, чтобы все было правильно, я безумно люблю тебя, и будешь принадлежать мне на законных основаниях.

— Да ты собственник, — улыбнулась я.

— Еще какой! — чмокнул меня Алексей.

— Ты же знаешь... — я запнулась, — авария... Я не смогу родить тебе детей...

Он ласково обнял меня за плечи и крепко прижал к груди.

— У меня есть двое сыновей от первого брака, наследство, если оно конечно будет, есть, кому оставить... — прошептал он мне в волосы, — я люблю тебя, такую, какая ты есть... И не нужно пытаться находить разные причины, я все равно поведу тебя в ЗАГС.

Я улыбнулась, вспоминая. Моя вторая любовь. Она вспыхнула ярким ослепительным светом, и мир вокруг опять заиграл красками, засияли, заискрились мои глаза, опять я летала как на крыльях, опять прохожие провожали меня глазами и улыбались мне в след. Я вся, каждой клеточкой, каждой мышцей, каждым моим вздохом устремилась к нему, моему прекрасному сильному пылкому мужчине...

Алексей меня многому научил... Если честно, то дожив до двадцати восьми лет, я оставалась по-прежнему маленькой девочкой, только что вышедшей из приюта. Мой второй муж исправил это упущение.

Он учил меня, прежде всего, любить себя. Наслаждаться хорошей одеждой, чувствовать кожей прохладный шелк изысканного белья, привыкать к дорогим французским духам и косметике. У меня появились первые в своей жизни драгоценности, я училась не прятать взгляд в ресторане и на приемах не смотреть в пол. Тихий горячий шепот мужа на ухо «Красавица моя» и ласковые прикосновения давали мне поддержку и уверенность.

«Главное — знать себе цену, — говорил мне Алексей, когда я все же иногда смущалась и робела на какой-либо торжественной встрече... — просто знай, ты — самое мое дорогое сокровище. Ты лучше всех». И я верила ему.

Алексей не жалел для меня денег. Знаменитый на всю область хирург, его приглашали на консультации в столицу, за его операции платили огромные гонорары. У нас в центре города были шикарные четырехкомнатные хоромы и дом за городом, у реки.

Моя жизнь наполнилась новыми радужными красками. Я научилась наслаждаться чувственными удовольствиями. Оказывается, я так много не знала! Не знала, что плотская любовь может быть такая яркая и страстная, горячая и упоительная. Мы занимались любовью в машине на кожаных сидениях, остановившись на обочине пустынной проселочной дороги. Любили друг друга на плаще, расстеленном на мокрой прохладной

траве у пруда. Предавались страсти на крыше небоскреба под россыпью звезд и дома в джакузи в пене из розовых лепестков. Он был самым лучшим наставником, мой муж.

Я научилась любить свое тело, получать удовольствие от сильных ласковых рук Алексея, делающих мне массаж, научилась открыто, без смущения смотреть на себя в зеркало, стоя обнаженной в ванной. Научилась сходить с ума от ощущения его кожи под своими пальцами, от запаха возбужденного мужчины, получать такое же сильное удовольствие, делая ему приятно.

Алексей иногда забирал своих детей к нам на выходные, мы уезжали за город и проводили все время на лоне природы. Я не стала, к сожалению, им второй матерью, да я и не стремилась. Я стала им подружкой, наперсницей их забав и игр. Мы ловили рыбу, копали вместе червей, собирали гербарий для школьного альбома и считали кольца-года у деревьев. Я как будто с головой окунулась в детство, которого у меня не было и наслаждалась этими днями даже больше, чем они. Алексей с улыбкой смотрел на наши безумства, иногда принимал участие, но чаще читал журналы и писал свои научные работы.

Я не бросила свою работу медсестрой, как хотел муж.

— Что я буду делать целыми днями дома? — возмущалась я.

— Найдешь, что, — отвечал Алексей, — я не хочу, чтобы ты видела эту кровь, гниющие раны, ухаживала за бомжами и делала им уколы.

— Это моя работа! — воскликнула я, — я всегда хотела этим заниматься. Я умру со скуки дома одна, — но он уже сам понял, что меня нечем занять — детей то нет. И одиночество вряд ли пойдет мне на пользу.

Я была счастлива тем безоблачным, безграничным счастьем, о котором я так мечтала. Любимый муж рядом, понимающий и поддерживающий во всем, спокойный, уравновешенный, красивый. Любимая работа, дом, друзья. И пусть у нас нет детей — это не мешает моему сердцу быть полным до краев блаженством. Маринка весело подшучивала надо мной — «Я же говорила, что ты создана для любви, для брака»... — повторяла она, улыбаясь.

На мое тридцатилетие муж подарил мне шикарный подарок — выкупил ту двухкомнатную квартиру, которую отобрал у меня банк, когда я лежала в больнице. Не знаю, может на него так подействовал мой рассказ об обмане, может просто хотел сделать мне приятно. Но документы на квартиру с моим именем в договоре купли продажи, теперь лежали у меня в столе.

А через год мы вместе поехали во Францию, Алексея пригласили на конференцию и он взял меня с собой. Пока муж читал лекции, я наслаждалась городом любви. Я влюбилась в узкие тихие улочки Парижа, в маленькие яркие кафе, как колибри, притаившиеся в уголках скверов. В красивые цветочные клумбы, нарядные ухоженные балкончики, изящные деревянные скамейки. После приезда домой я несколько месяцев ходила под впечатлением от сказочного города, а Алексей только улыбался, смотря на меня.

Я налила себе еще один бокал. На часах два ночи. Сейчас, спустя столько лет, вспоминая свое прошлое, я ни о чем не жалею. Жизнь прекрасна и удивительна, как и моя не гаснущая любовь. Шесть чудесных лет, наполненных счастьем, я прожила с Алексеем. Может быть, тогда, в тридцать четыре года, когда я от него ушла, я и совершила ошибку, но я поступила в согласии со своими тогдашними убеждениями и принципами, и не раскаиваюсь в своем решении.

Я так старалась ему угодить, помогать во всем, писала ему доклады к семинарам, помогала собирать материал для диссертации, ассистировала на операциях, дежурила вместе с ним ночами, ухаживала за его тяжелыми пациентами. «Чтобы я без тебя делал, любовь моя» — шептал Алексей, и мое сердце трепетало от любви к мужу.

Я не поехала с Алексеем в очередной раз в Москву на семинар — у меня был напряженный график, медсестер не хватало, кто уволился, кто заболел. Я металась между операционной, палатами реабилитации и ординаторской, засыпая на ходу. Мы сдали мой билет и муж, недовольно пробурчав, что работа мне дороже его, поехал один. Конференция продлилась неделю, за это время главврач взял на работу еще одну медсестру и стало полегче.

Я на уровне женской интуиции почувствовала, что что-то произошло. Еще неясное призрачное предчувствие беды, дуновение сквозняка, легкое как перышко. Но тревожащее и прохладное.

— Твоя рубашка пахнет духами, — мурлыкнула я, обняв его в аэропорту и прижавшись щекой к груди.

— Ага, — засмеялся Алексей, — знаешь, сколько было женщин в самолете! И все стремились ко мне прижаться.

— Ну конечно, — вздохнула притворно я, — ты у нас мужчина нарасхват.

Муж нежно поцеловал меня в губы и крепко прижал к себе «Как я по тебе соскучился, счастье мое».

Ночью я стонала от наслаждения в его объятиях, а его страстный шепот «Ты у меня самая лучшая... Я так тебя люблю» — странным образом насторожил меня. Что значит, самая лучшая? Он что, с кем то сравнивал? Я себя не понимала. Я никогда не думала об изменах. Мне просто в голову это не приходило. Мы так сильно любим друг друга — зачем? А сейчас почему-то я ищу тайный смысл в словах, сказанных в бреду экстаза. «Значит, это со мной что-то не так», — решила я и попыталась выбросить все из головы.

Но через три дня я увидела московский незнакомый номер, высветившийся на экране телефона Алексея. Муж был в ванной, принимал душ. Он только пять минут назад разговаривал со своим коллегой врачом из Москвы, они познакомились на семинаре и, услышав от меня через дверь «Тебе звонят, московский номер», ответил «Возьми трубку, скажи Павлу — я перезвоню».

Только я нажала кнопку «Принять вызов» и открыла рот, как услышала красивый грудной женский голос «Дорогой, это я, Светлана»... — я судорожно выдохнула в трубку, там продолжали «Ты же меня узнал?.. Я уже соскучилась по тебе, когда ты опять приедешь в Москву?».

В ступоре я простояла несколько минут... Мозги отключились, мыслей не было ни

единой. Когда Алексей вышел из ванны, я так и стояла с телефоном в руке, посреди комнаты.

Из трубки давно уже раздавались короткие гудки, а я все не могла прийти в себя.

Муж резко подскочил ко мне, перепугавшись выражения моего лица — «Что случилось? Кто это был? Что сказали?»... Руки обнимали каменную статую. Я повернула к нему лицо и мертвым голосом спросила «Зачем?»... Сначала Алексей как будто удивился и недоуменно уставился на меня. Постепенно на лице начало проступать понимание и осознание.

Он прокашлялся и еще раз повторил внезапно севшим голосом.

— Кто это был?

— Светлана, кажется... — прохрипела я, сев на диван, точнее упав. Словно все мои кости превратились в желе, а позвоночник отказался держать тело. Голос не слушался. Я молча протянула телефон. Алексей просмотрел входящие, несколько минут хмурил брови, наверное, пытаюсь вспомнить номер.

— Любимая, это совсем не то, что ты подумала, — попытался справиться с собой мужчина.

Я криво улыбнулась. Мне все было странно и непонятно. Странно сидеть здесь, рядом с Алексеем, которого я все еще сильно люблю, еще минуту назад самым любимым и дорогим моим человеком. «Да и сейчас самым дорогим. Признайся себе». Сердце еще пытается обмануть мозг, пытается придумать ему оправдания, увертки, еще пытается сказать, что все это тебе послышалось, почудилось, приснилось. Сейчас ты проснешься, и все будет по-прежнему, он по-прежнему тебя любит и по-прежнему тебе верен.

Сознание раздваивалось... Я как будто со стороны, сверху наблюдала за двумя фигурами в незнакомой чужой комнате. За опустившей голову белокурой женщиной в странном оцепенении застывшей на диване, и крупным мужчиной, склонившимся на коленях перед ней.

— Я люблю тебя, — вдруг прохрипел Алексей, — я безумно бесконечно невыносимо люблю тебя.

— Зачем? — выдавила я свой вопрос, на который у меня не было ответа.

— Это было один раз, мы выпили после семинара, было весело... — он запнулся... — я не давал ей своего телефона, я не знаю, откуда она его взяла.

Я подняла на него взгляд. Вид Алексея убивал. Таким я его никогда не видела. Лихорадочный румянец, больные тусклые глаза, искаженное лицо, страдание, глубокое искреннее смотрело на меня из глаз.

— Зачем? — еще раз тупо повторила я... — Тебе чего-то не хватало? — и хрипло добавила, — Тогда скажи мне, чего.

— Ты же врач, Люба. Ты же понимаешь, что это просто физиология... Два тела, физическая разрядка... Все просто... — шептал муж, а широкие, сильные ладони нежно гладили мои пальчики, такие знакомые, такие любимые.

— Нет, не просто... — прошептала я.

— Любимая, ты не будешь сейчас принимать никаких поспешных решений? — дрожащим испуганным голосом произнес Алексей, — да, я оступился... Это было в первый и последний раз... Прости меня, — он ткнулся лбом в мои колени, — я люблю только тебя, всегда любил и буду любить.

Мое сердце разрывалось от боли. Я даже почти не слышала, что он мне шептал, я не могла уместить в голове его ответ «Физиология».

— Я не могу сейчас думать, — тихо произнесла я, — я устала, мне нужно поспать. Мне так плохо.

— Конечно, любимая, — засуетился Алексей, подхватил меня на руки и понес в спальню... Сознание уплывало — мозг пытался защитить меня от шока. Я чувствовала дрожащие руки мужа, раздевающие меня, нежные и ласковые, чувствовала легкие прикосновения губ ко лбу и тихое «Спи, родная»... Свет погас и я отключилась.

Утром я позвонила на работу и сказала, что заболела. Я действительно чувствовала себя больной и разбитой. Как будто вчера по мне проехался каток — болели все косточки и мышцы, в голове пульсировала острая игла, тупо ныло в груди сердце. «Последствия шока», — отметила я, вспомнив лекции по медицине. Я застыла и замерла в своем горе, ждала, когда же мой ум, наконец, освободиться от аффекта и начнет думать.

Алексей остался дома, наверное, боялся, чтобы я не сотворила что-то страшное и безрассудное. Принес мне завтрак на подносе, легонько поцеловал в щеку, прошептал «Доброе утро». На его лице было сумасшедшее ожидание, и иногда мелькал страх. Он боялся меня? Моей непредсказуемости?

Но я уже все для себя решила. Еще ранним утром, только проснувшись, только-только увидев краешек голубого неба в окне, я поняла, что не смогу жить с предательством. Поняла, что я слаба и не смогу простить.

Я оделась и вышла в гостиную. Алексей сидел в кресле перед дверью в спальню и держал в руках какой-то медицинский справочник, но явно не читал. Кто-то сказал «Ожидание смерти подобно». Чтобы не мучить ни себя и ни его, я сразу произнесла.

— Я подаю на развод.

— Нет, — прошептал, не веря Алексей, — какой развод?.. Ты что, любимая?

— Я не смогу простить тебя. Извини, — если ему станет легче, я возьму часть вины на себя.

Он не мог поверить... Все же, что ни говори, он был уверен в своей привлекательности, уверен в моей любви, уверен, что я прощу его. Мой ответ стал для него шоком. Он смотрел на меня потрясенно и ошарашено.

— Люба, что ты такое говоришь? Мы любим друг друга, это ошибка, это было один раз, я был пьян, — он пытался до меня достучаться, объяснить свою мужскую позицию, вложить мне в голову свои взгляды на семейную жизнь, верность, принципы. Но это были не мои принципы. А мои говорили мне — уходи.

— Любовь нужно хранить и беречь, Алексей. Настоящая любовь предусматривает некие жертвы с обеих сторон... — я не хотела быть пафосной и нравоучительной, но пришлось — ты, женившись на мне, взял на себя определенные обязательства, я, выйдя за тебя замуж, так же взяла их... Обязательства любить, заботиться, уступать, быть верным. Ты смухлевал.

— Это было один раз, и я попросил прощения, — он до сих пор не мог понять, что он такого сделал ужасного, чтобы так страдать, — я люблю тебя, ты же знаешь. То, что произошло, ничего для меня не значит. Я понимаю, сейчас ты злишься... — я хмыкнула, слово «Злишься» совершенно не отражает моих теперешних чувств. Алексей разговаривал со мной как с тяжело больной, медленно выговаривая слова, разжевывая их смысл, — Хочешь, я поклянусь тебе, что больше никогда тебе не изменю? — я покачала головой... — Чего же ты хочешь?! — вскрикнул он нервно...

— Я хочу уйти, — устало произнесла я.

— Милая, ну почему же ты такая упрямая? — ласково взял меня за руку и начал поглаживать кисть... — Ведь ты любишь меня, я знаю.

Я только усмехнулась. Я не могу объяснить этого. Не могу объяснить, что простив сейчас, я оставляю крохотное темное грязное пятнышко на чистом белоснежном покрывале

нашей любви, и это пятнышко постоянно будет мне мешать и раздражать... Даже если я его прикрою чем то другим, спрячу, закрою цветами, вышивкой, украшением, оно там останется, и я буду помнить, что оно там есть. Со временем оно будет расти и шириться, сначала закроет четверть полотна, потом треть, потом половину. Придется затягивать, прятать и приукрашивать больше и изощрённее, придумывать что-то новое, ухищряться, изворачиваться. А потом оно закроет всю площадь, оставив только маленький кусочек яркого света, почти незаметный уже ни для кого. Ни для него, не для меня. «Я не допущу этого» — подумала я. Пусть мне будет больно, но я сохраню это белоснежное чувство в своей душе не запятнанным.

Алексей понял по выражению на моем лице, что я тверда в своем решении.

Таким я его еще не видела, он просто обезумел.

— Я никуда тебя не отпущу! — вскочил он с кресла, схватил и притянул меня к себе, прижав со всей силы, — ты останешься со мной, здесь... Если будет нужно, я возьму отпуск и запру тебя в квартире, пока ты не одумаешься, — дрожащий срывающийся голос мужа бил по натянутым нервам. Его широкие горячие ладони, не переставая гладили мое безвольное тело, сжимая в объятиях, губы лихорадочно покрывали поцелуями лицо, шею, плечи.

— Пожалуйста, — шептал нервно Алексей, — Люба, не уходи, пожалуйста... Одумайся, я люблю тебя.

— Прости меня, — сказала я, уткнувшись ему в грудь, — я не могу остаться.

Короткий болезненный рык раненого зверя потряс меня до основания, пробрало до дрожи, до каждой клеточки моего тела. Тело Алексея содрогнулось, и он впился мне в губы с сумасшедшей силой, я почувствовала, как трещат мои ребра, ощутила соленый вкус его слез, всей кожей почувствовала неконтролируемую дрожь мужчины.

Его руки стали стягивать мою одежду. Треск ткани, я упираюсь ладонками в грудь, пытаюсь оттолкнуть, выдавить хриплое «нет» из больного горла. Проще сдвинуть гору. Никогда не думала, что он такой сильный. Безумный вихрь злости, возбуждения, какой-то первобытной страсти охватил Алексея. Он не давал мне сказать ни слова, его губы намертво запечатали мой рот, а руки спеленали крепче канатов. Он утверждал надо мной свое превосходство мужчины, самца, властелина. Сначала я опешила — никогда в мою голову даже мысли не приходило, что муж может меня изнасиловать. Мои слабые потуги отбиться только еще сильнее подогревали его безумие. Жесткий ковер на полу, в голую спину впивается каблук комнатного тапочка. Он не слышит меня. Точнее, не воспринимает умом мои слова «Остановись. Нет, не надо»... Он превратился в голодного зверя, сильного, дикого, свирепого, действующего только на инстинктах. Наброситься, подчинить, пометить, насытиться.

И странно... Это первобытное возбуждение нашло-таки отклик где-то в глубине меня, в самом дальнем уголке, спрятанном ото всех... И пусть я лежала сломанной куклой в его объятиях, внутри меня постепенно начал разгораться огонь похлеще яростного вулкана... Под конец, я уже сама выгибалась дугой и принимала его сильные грубые точки с рычанием похотливой самки. Оказывается во мне есть эта низменная животная страсть?

Я понимала, с медицинской, да и с психологической точки зрения это был просто всплеск адреналина, самоутверждение, попытка привязать меня, задержать, остановить любым способом. Если не получилось уговорами — нужно действовать на животном уровне инстинктов.

Мы лежали на ковре и тяжело дышали.

— Прости, — прошептал мне в ухо Алексей, — я сошел с ума... Как подумаю, что ты можешь уйти...

Я приподнялась и начала выпутываться из объятий. Алексей недоверчиво смотрел снизу вверх.

— Ты не передумала, — утвердительно произнес он.

— Нет.

— Хорошо, делай, как знаешь, — вдруг резко стукнул кулаком по полу Алексей, — возможно нам нужно некоторое время пожить отдельно... Твоя квартира стоит пустая уже четыре года, ключи в шкатулке... Езжай, насладись одиночеством, если его тебе так хочется... — глухой раздраженный обиженный голос мужа, выворачивал наизнанку, искажал смысл. Но если ему так будет легче — хорошо, пусть буду я виновата в разрыве.

— Сколько дать тебе времени? — пристально впился мне в лицо Алексей, — неделю, две?

— Я подам на развод, — упрямо сказала я.

— Ну, хватит! — прикрикнул муж, — заладила — развод, развод! Подумай, поразмышляй, поживи одна. Когда одумаешься, я буду ждать... — у меня было стойкое ощущение, что Алексей ни секунды не сомневается, что я вернусь к нему.

Я собралась быстро, пару чемоданов с одеждой, портфель с документами. Вызвала такси и назвала адрес. Тихая пустая квартира встретила меня настороженно. Я оставила ее на десять лет и теперь вернулась обратно. Тот же темный ламинат, который положил еще Андрей. Тот же шкаф-купе в прихожей. Помню, как мы вдвоем выбирали ванную, плитку на кухню. Воспоминания нахлынули безудержным потоком, и первое время я тупо стояла посреди коридора и пыталась справиться с эмоциями. Они не были болезненными и трагичными, совсем нет. Прошло десять лет, целая эпоха позади. За это время я познала еще одну прекрасную любовь к мужчине, научилась любить жизнь, наслаждаться каждым мгновением, каждой минутой. Прошлое горе забылось, отодвинулось за горизонт, острые углы сгладились и уже не ранили так воспоминания.

Пока я была еще решительно настроена, в тот же день поехала в ЗАГС и подала на развод. Я знала, как бывает, точнее предполагала. Схлынет первый болезненный шок, пройдет время и потом я уже сама начну искать оправдания и причины вернуться назад. Память это такая странная штука. Забывается все плохое и остается только хорошее, а хорошего у нас с Алексеем было очень много. Сердце начнет болеть и тосковать, метаться, искать повод вернуться опять в его теплые нежные объятия, где было так хорошо.

Маринка назвала меня «дурой» вполне серьезно и обидно.

— Люба, ты конечно права, что уехала — нужно его проучить. Но развод?.. Ты соображаешь? Алексей прекрасный человек, красавец, состоятельный, умный, с престижной работой. Да любая бы правую руку отдала, только бы стать его женой. Ну, оступился, ну с кем не бывает! Да все мужчины изменяют, это я тебе как эксперт говорю. Одумайся, иди, заberi заявление, пока не поздно.

— Я не могу, Марин, — прошептала я... Мы сидели у меня на кухне и потягивали, принесенное Маринкой вино... — тогда я изменю своим убеждениям, своим идеалам.

— Да какие идеалы?! — воскликнула подружка, — тебе почти тридцать пять лет, пора бы уже отступить от своих детских идеалов.

— Нет, Марин... Прости, но это значит предать себя.

— Боже! — всплеснула руками она, — ну почему такие шикарные мужчины достаются не мне? Я бы прощала все его измены, если бы жила в его хоромах и ездила на него мерседесе... Ну почему он любит тебя, а не меня?

Это так комично и театрально прозвучало, что я впервые за последние дни заулыбалась. Марина прижалась ко мне и серьезно прошептала.

— Делай, как знаешь, как подсказывает тебе твое сердце, я всегда буду на твоей стороне.

Я написала в больнице заявление на отпуск за свой счет и стала планировать дальнейшую жизнь. Пока Алексей не слишком мне докучал. Покамест он просто присылал мне цветы, и иногда звонил по вечерам, спрашивал как дела, что я делаю. Каждый раз сердце нервно дергалось, слыша его грустный голос.

— Привет, любимая...

— Привет.

— Ты вернешься ко мне?

— Нет...

Я села за телефон искать новую работу. Понятно, что в той больнице, где работает муж я работать уже не смогу. Вакансий было не много, и даже те, которые были, мне не подходили. Точнее я им. Два раза придя на собеседование к главврачу сначала районной больницы, потом местного роддома я получила отворот поворот. На вопрос, почему я ухожу с бывшей работы и, узнав, что я жена Слуцкого, никто не хотел связываться со знаменитым местным хирургом.

Нужно было кардинально менять жизнь. И возможно, переезжать в другой город. А тем временем, Алексей узнал о поданном мной заявлении в ЗАГС. Тем же вечером он встретил меня у подъезда и у нас состоялся мучительный окончательный разговор.

— Ты жестокая женщина.

Я опустила голову в согласии. Пусть думает, что хочет, пусть ругает, как хочет. Пусть сыпятся на мою голову обвинения и укоры.

— И ты никогда меня не любила по-настоящему... — удар ниже пояса.

Я могла бы возразить. Сказать, что любила и сейчас люблю. Безумно, всем сердцем, всей душой, всем телом. Но сказав это, я больше не смогу его прогнать, да он и сам не уйдет. Поэтому я просто промолчала. Ведь молчание — знак согласия?

— Любящая женщина простила бы эту незначительную ошибку.

Это шантаж? Последний довод уязвленного мужчины? Я медленно подняла глаза и посмотрела в его расстроенное хмурое лицо. Руки, сжатые в кулаки, сутулые плечи, закушенная губа, бегающий взгляд. Он казался похудевшим и осунувшимся. Неуместное, чисто женское чувство жалости кольнуло сердце. Я вогнала ногти в свою ладонь, чтобы заглушить ее будоражащий голос. Все доводы закончились, и все слова давно сказаны.

— Прощай, Алексей...

— Нет, Люба, я не прощаюсь с тобой... Ты поймешь рано или поздно... А я буду ждать.

Я вырывала из сердца свою любовь к Алексею с мясом, с жилами, с кровью. Рвались связи, за шесть лет превратившиеся в крепкие толстые канаты. Сердце сочилось сукровицей и болью, но я знала, что если прощу — дальше будет только хуже. Через пять лет, через десять — это произойдет опять, и будет еще больнее, еще тягостнее. Я буду и дальше прощать — ведь если начала так поступать — не свернуть с проторенной колеи. Поэтому нечего на нее и вставать.

В итоге я уволилась. Последний кавалер Марины был агентом по недвижимости, и она свела меня с ним. Паша пообещал мне продать квартиру, как можно дороже и быстрее.

Я же собрав нехитрый багаж, поехала в Москву. Там легче всего будет затеряться. Потому что, Алексей в последнем разговоре сказал, что все-равно меня найдет и вернет... Он даст мне время, возможно год, возможно два, но потом, когда я сравню его с другими мужчинами и пойму, что наша с ним любовь была самой лучшей — он будет меня ждать.

Я больше не вернулась. Я не знаю, что с ним случилось, с моим вторым мужем. Я вычеркнула его из памяти, но не из сердца. В сердце по-прежнему жила любовь, она всегда там живет. Пусть уже другая, трансформировавшаяся в нежное воспоминание, идеальное чувство, я не предала ее, не запятнала и не согласилась на суррогат.

Я опять с головой погрузилась в работу. В Москве я быстро нашла место, у меня был приличный стаж и хорошая трудовая биография. Я была согласная на ночные смены и переработку. На все, только чтобы не думать и не вспоминать.

Я никогда не считала себя идеалом. Иногда в моей голове проносились совсем уже недостойные непрошенные мысли. Иногда я костерила Алексей самыми последними ругательствами, за то, что предал, за то, что изменил, разрушил мое абсолютное доверие к нему. Но настоящего зла не было в моем сердце. Я была не способна на него. Я простила его и отпустила на все четыре стороны.

Паша продал мою квартиру и перевел деньги в банк на карту. Я планировала купить жилье в Москве, и мне почти хватило на однушку в спальном районе. Небольшой кредит — и я москвичка. Марина частенько приезжала в гости, порывалась рассказать об Алексее, я сразу ее обрывала — не хотела беречь рану. Я училась жить одна, училась выживать в этом мире одиноких мужчин и женщин. В этом большом холодном чужом городе вечно спешащих прохожих, которым не для кого нет никакого дела. И это хорошо. Это то, что мне нужно было тогда.

Я полюбила свое одиночество. В нем была своя, какая то изначальная прелесть. Оно в некотором роде очищает, отметаёт налипшую за день шелуху из чужих неприятных взглядов, колкостей и недовольных пациентов. Оно приводит в порядок мысли и чувства, раскладывает по полочкам, собирает воедино и вот опять я — это я... Застывшая тишина квартиры, медленно движущиеся стрелки часов, издали доносится звук глухо бьющегося сердца большого города. Как муха в янтаре я замирала в своем настоящем наедине с собой. И была счастлива по-своему.

Я работала в районной клинической больнице, сначала палатной медсестрой, потом операционной. Зарабатывала вполне прилично, чтобы сделать ремонт в квартирке, а потом и полностью обставить ее мебелью и техникой.

С Сергеем мы познакомились, когда он уже проходил реабилитацию после операции. Эндопротезирование тазобедренного сустава неприятная вещь. Сначала инвалидное кресло. Потом костыли, трость и прием лекарств всю оставшуюся жизнь. И ему еще очень повезло. Серьезная, плохо залеченная травма, полученная в результате падения на горном спуске, трансформировалась в деформирующий артроз и разрушение хрящевой ткани, потом опухоль, дикие непереносимые боли. Как всегда, мужчины терпят до последнего, и привезли Сергея к нам уже на каталке, неспособного передвигаться.

Как-то раз, делая с ним лечебную гимнастику, мое лицо оказалось в такой опасной близости от его, что я почувствовала горячее дыхание пациента на своих губах. Мужчина резко втянул воздух, я, инстинктивно отшатнувшись, обернулась и уткнулась в его напряженный взгляд. Кожа покрылась мурашками. Такое случилось впервые. Я никогда не смешивала работу и личную жизнь. Были в моей практике влюбленные больные, и очень настойчивые в своих ухаживаниях, которые не понимали слова «нет», были и приглашения в ресторан, и сразу в «кровать». Двусмысленные шуточки и достаточно откровенные заявления. Я всегда оставалась корректна и холодна. И никогда не переходила эту грань.

Я не успела ничего понять за долю секунды, как Сергей сильно притянул меня к себе и прижался к моим губам. Мы стояли перед станком, нас разделяла деревянная перекладина, а его рука крепко сжимала мой затылок, не давая отклониться. Этот отчаянный безрассудный поцелуй взбудоражил во мне все, так тщательно спрятанные внутри чувства и желания. Я задыхалась, горела как в огне, его мужской запах, смешанный с больничным антисептиком, ароматом чистой одежды, лосьона для бритья и какого-то смелого, бешеного отчаяния заставил подняться всем волоскам на моей коже. Я всхлипнула и резко оттолкнула его.

— Да что вы... себе позволяете! — воскликнула я дрожащим голосом.

— Как долго я этого хотел, — хрипло простонал мужчина, — это стоит всего... всех мучений и боли.

Я смотрела на него и как будто увидела в первый раз. Впервые я разглядела сквозь больничную одежду не пациента, а человека. Привлекательного молодого мужчину, стройного и худощавого. Он тяжело возбужденно дышал и так же пристально и напряженно смотрел на меня.

— Я не жалею, что произошло... Наконец, я пробился через твою броню и хладнокровие, Любовь Николаевна, — немного иронично произнес он... — Что теперь? Ты опять предпочтешь не замечать меня, как делала последние две недели?

Я нахмурилась... Действительно, я возила его на ЛФК уже почти две недели. И только сейчас заметила, что он мужчина... Опасный мужчина.

— Я не позволю тебе опять смотреть сквозь меня, — нервно вздохнул он и качнулся в мою сторону, тяжело опираясь на костыль. Я вздрогнула и пулей вылетела из кабинета.

Но что-то все-таки произошло за эти десять минут. Что-то серьезное, рискованное, угрожающее моей спокойной тихой жизни. Я уже не могла равнодушно делать ему уколы и заниматься физкультурой. Я вздрагивала от его касаний (а он, как будто специально

постоянно дотрагивался до меня, обнимал за плечи, задевал бедро, цеплял кисть руки, пристально смотрел в глаза, ловя мой бегающий взгляд), я стала думать о нем после работы, что со мной никогда не случалось. Его лицо всплывало перед моими глазами, когда я ложилась в постель. В итоге, я попросила себе замену. А сама перевелась в другую смену.

Сергей выписался из больницы через неделю, а через две я увидела его, стоящим возле приемного покоя. Я всегда через этот выход шла домой, «Наверное, наблюдал за мной, когда лежал здесь» — подумала я, замедляя шаг. Он тяжело опирался о стену и видимо ждал уже давно. В руках я заметила увядший букет ландышей.

— Вам нельзя долго стоять, особенно на холоде, — невозмутимо заявила я, подходя ближе.

— Этого можно избежать, если ты мне скажешь точную дату своего ухода с работы, — произнес Сергей, по-хозяйски забирая сумку и подставляя правую руку. Я усмехнулась — ему же нельзя ничего поднимать тяжелее трех килограммов. Я невесомо оперлась о его руку, и мы пошли к остановке.

Сергею было тридцать девять. У него был небольшой бизнес по ремонту автомобилей. Несколько СТО, ничего особенного, как говорил он. Раньше в молодости, он был профессиональным гонщиком, даже выступал в ралли. Теперь осел в Москве и только иногда позволял себе рискованные всплески адреналина. Вот последний и закончился для него плачевно. А еще у него была дочь от первого брака. Она жила с ним. Пока Сергей был в больнице, девочка была у его матери. Я чувствовала, что он страшно жалеет о своем безрассудстве и лихачестве, ведь если бы он тогда на склоне свернул себе шею — дочь бы осталась сиротой. Все это он рассказал мне, когда провожал домой в первый же вечер. Он был серьезен и сосредоточен. Как будто уже для себя сделал все выводы и вынес окончательное решение. Я же была растеряна и дезориентирована. Уже зайдя в мой подъезд, Сергей тихонько тронул меня за руку, заставляя остановиться.

Видя мое удивление и напряженность, он произнес.

— Ты знаешь, Люба, после травмы я понял одну вещь. Жизнь такая хрупкая и переменчивая. Она в любой момент может прекратиться. Я больше не хочу сомневаться и терпеливо ждать. Извини, но мы уже не в том возрасте, что бы тратить драгоценное время на глупости. Долгие ухаживания, театры, прогулки, кино... разговоры при свечах о прошлом, мимолетные поцелуи на прощанье, если хочешь — это все будет. Но после того как мы поженимся.

Я ошарашенно выдохнула.

— Но мы знакомы только месяц и то... — начала я и остановилась... Конечно признаюсь, что равнодушна к Сергею. Я чувствую обоюдную глубокую симпатию и щекочущее нервы возбуждение, я вдыхаю его запах и чисто по-женски реагирую на красивого сильного мужчину, стоящего так близко. Но эти чувства еще так далеки до той безграничной пылкой любви, которую я испытывала в прошлом. Хотя...

— Если тебе нужны ухаживания — они будут, — тихо произнес мужчина, пододвигаясь ближе, — какие хочешь, с шикарными букетами и дорогими подарками. Но для себя я уже все решил, еще тогда в больнице. Я влюбился как мальчишка в строгую невозмутимую медсестру в белом халате, — его губы прижались к виску, горячее дыхание шевелило волосы, зарождало где-то глубоко внутри ответную дрожь, теплыми волнами расходящуюся по телу, заставляющую ноги подкашиваться и голову плыть в розовом тумане.

Я подняла голову и, встретившись с ним взглядом поняла, что пропала.

В тот вечер он остался у меня. Мы хохотали, как шаловливые дети, пытаясь извернуться и не задеть его сустав. Я как суровая медсестра требовательно вещала, что ему еще нельзя заниматься тяжелым физическим трудом, поэтому он должен лежать бревнышком и не двигаться. Он отвечал, что полежит, если я все сделаю сама, но все равно порывался доминировать и переворачивал меня на спину.

Сергей настаивал на женитьбе. Но я изворачивалась и отбивалась. Так быстро, после месяца с небольшим знакомства, ты ничего обо мне не знаешь и я тоже. Он ненадолго задумался и сказал.

— Хорошо, ты права... Я, возможно, очень тороплюсь... Я как коршун схватил добычу и не хочу выпускать тебя из своих когтей. Я просто очень боюсь, что ты отвернешься от меня, когда узнаешь меня и мою жизнь получше.

Я удивленно посмотрела на мужчину.

— Тогда расскажи все свои неприглядные тайны... А я подумаю, — лукаво добавила я.

— Не расскажи, а покажи, — пробормотал Сергей... — пора тебе познакомиться с моей дочерью.

Я хмыкнула. Ничего страшного в знакомстве с девочкой (точнее девушкой, ей уже было девятнадцать лет) я не видела. Я всегда находила общий язык с детьми, я разговаривала с ними на равных, они чувствовали мой искренний интерес к себе, к их маленьким важным проблемам, и я никогда не отмахивалась от общения с ними. В больнице они были самыми моими любимыми пациентами.

Мы сели в машину и Сергей повез меня к своей матери, в пригород. Девочка жила с бабушкой уже два месяца, пока Сергей лечился. В большом двухэтажном доме, в тридцати километрах от Москвы. Я заставила его заехать в супермаркет, и мы купили разных вкусностей. Я втайне от Игоря купила Маше небольшой подарок от себя — диск с танцевальной популярной музыкой. Девятнадцать лет, прекрасный возраст — поклонники, страсти, студенческие сборища, вечеринки, танцы. Диск так и остался лежать у меня в сумке.

В больнице я научилась прятать любые эмоции и страхи под невозмутимостью и спокойствием. Иногда пациенту оставалось жить считанные месяцы, иногда он умирал у меня на руках — страшные тяжелые случаи от которых никто из медработников не застрахован.

Опыт и жесткий контроль и сейчас помог мне ничем не выдать своего удивления или ошеломления. Я так же искренне улыбалась и пожалала протянутую ладошку девушки, сидящей в инвалидном кресле. У Маши был детский церебральный паралич. Теперь все понятно. Сергей с напряженным лицом наблюдал за мной, словно боялся, что я сейчас брошусь вон из комнаты. Его настроение было очевидно. Ясно теперь, почему он не хотел меня знакомить с дочерью, стал понятен его страх и неуверенность. Я легко и непринужденно выкладывала из сумки разные вкусности, по пути комментируя наши покупки, додумывая походу веселые смешные истории и казусы, произошедшие со мной в разные года в супермаркетах. Мама Игоря ласково улыбалась, радуясь, что мы пришли и озарили светом их скучный грустный быт.

Вечер прошел спокойно и естественно. Маша была умненькой начитанной девушкой. Школьный аттестат она получила дистанционно, почти не выходила на улицу, обучаясь на дому. Я потом, после того как Сергей провел меня домой, возмущенно поинтересовалась, почему он держит ее дома? Почему не позволяет ей учиться со своими сверстниками в институте? Детям нужно общение и социум. Иначе она совсем превратится в замкнутого закрытого неуверенного в себе человека. Сергей рассказал, что она тяжело переживала обидные детские насмешки и обзывания, и он забрал ее из общественной школы. Может он был и не прав, но когда Маша в четырнадцать лет пыталась выпить таблеток, только бы не идти в школу — он решил, что хватит ей школы. Деньги у него были, ей наняли преподавателей, хороших массажистов, лучших врачей. Она даже немного ходит с палочкой и плавает в бассейне. Сейчас к ней приходят учителя, она на отлично сдала экзамены и поступила в Инженерно-строительный институт на архитектурный. Полдня она проводит в своем собственном тренажерном зале на первом этаже, там даже ей оборудовали лифт-подъемник в бассейн.

Сергей рассказывал, как будто оправдывался передо мной за свою дочь. Уверял, что она не будет обузой для нас, с его деньгами. Наверное, раньше в его жизни, женщины так и делали — сбегали от ответственности. Никто не хочет дочь-инвалида.

— Моя бывшая жена, мать Маши, как только узнала, что у дочери ДЦП отказалась от ребенка и пыталась оставить ее в роддоме... Я не позволил... Тогда она подала на развод и сказала, что если мне нужен инвалид — то воспитывай ее сам... — голос мужчины срывался, предательство до сих пор бредило его душу.

— И где она сейчас? — осторожно поинтересовалась я.

— Не знаю, последний раз, когда она просила у меня денег, она собиралась ехать в Италию на ПМЖ. Мне все равно, где она, но Маша иногда спрашивает о матери... — Сергей замолчал.

Странно, я не могу иметь детей, а те, кто может — вот так легко выбрасывают их за борт своей жизни. Несправедливо.

На часах три. На доньшке бутылки осталось лишь немного вина. Неужели я все выпила? На диване лежит альбом с фотографиями. Вот мы вчетвером на пляже в Италии, вот в Карловых Варах. Маша широко улыбается в объектив, сидя в кресле-каталке, мы — Сергей, Наталья Ивановна и я стоим вокруг нее, обнявшись. Хорошее время. Пока мы еще были вчетвером.

Что такое любовь? Думаю, у каждого человека на земле есть свое определение, верное лишь для него одного. И оно, безусловно, правильное. Пусть другие говорят, что он ошибается, что все это субъективно и есть более точные общие формулировки, написанные в справочниках, философских талмудах — не слушайте. Если вы счастливы, то абсолютно все равно, какое определение любви правильное.

Для меня тогда, двенадцать лет назад определение любви звучало, как забота. Забота радостная, открытая, внимательная и бескорыстная. У меня появилась полноценная семья, впервые в жизни. И пусть моей маме было уже семьдесят пять, а дочери девятнадцать, и пусть у нас всех были за спиной и боль, и болезнь и предательство — мы были счастливы.

Я взяла в руки фотографию, где мне сорок пять. Мой день рождения... Маринка, я, Сергей, Наталья Ивановна, Маша, Павел и Саша (друзья Игоря) со своими женами. Это была последняя счастливая фотография. Вскоре после этого дня рождения Сергей заболел. Слабость, быстрая утомляемость, головокружения, боли в животе. Сначала он как обычно отмахивался и сердился на мою настойчивость. Пока я не наорала на него и не потащила в больницу насильно.

Страшное слово «злокачественная опухоль» прогремело, как гром среди ясного неба. Третья стадия, метастазы, процесс почти необратим. Я выходила из кабинета с анализами на руках, как будто шла на плаху. Он же никогда не жаловался. Никогда не ныл и стонал. Ну почему он у меня такой замкнутый и молчаливый!

— Ну что? — весело поинтересовался Сергей, ожидавший меня в коридоре, — буду жить?

Да, — хрипло ответила я, — обязательно будешь. И мысленно пообещала себе, что сделаю все, чтобы жил.

И началась война... Непримируемая, жестокая, с переменными успехами и поражениями..

Война не на жизнь, а на смерть. Операции, лучевая терапия, химиотерапия. Мы продали трехкомнатную квартиру Сергея и поехали на эти деньги в Израиль, лечились у лучших врачей, в лучших клиниках. Я бросила работу, Маша жила с бабушкой за городом. Управление СТО взяли на себя его друзья.

Почти год в Израиле врачи боролись за жизнь моего мужа. Это был самый тяжелый и болезненный период в моей жизни.

Первый раз я не выбирала. Когда произошла авария с Андреем, когда погиб мой единственный ребенок, мое сердце рассекли пополам как скальпелем, резко и молниеносно. Без моего согласия, быстро и кроваво. С Алексеем я сама все решила. Я кропотливо и методично отпиливала тупой пилой кусок души, отделяла себя от Алексея, как будто

собственную руку, медленно и болезненно. Но все равно, это происходило не так тягостно и бесконечно, как в третий. Нет ничего хуже этого затяжного ужасающего угасания. Без надежды, каждый день смотреть в любимое лицо и улыбаться, шутить, читать письма родных, пересказывать смешные истории по телевизору, выдумывать хорошие новости. Все, что угодно, как угодно изворачиваться, только бы вызвать легкую кривую усмешку на его лице. Он умер у меня на руках, ровно через год после моего сорока-пятилетия.

Иногда я думала... За что? Почему так происходит со мной? Чем я заслужила такую судьбу? Не каждый человек выдержит столько, сколько пережила я. Я видела женщин, которые ломались после первого же сильного удара судьбы. Видела их лица, превратившиеся в злобные гримасы, слышала голоса, проклинаящие Бога и ненавидящие все и вся. Я встречала женщин, которые после первой же измены мужа становились яркими феминистками, презирающие мужчин на всю оставшуюся жизнь. Проклинавшие изменников и клянущиеся больше никогда им не верить. Замыкавшиеся в своем горе и больше никогда не познавшие любви. Не открывшие своего сердца новому чувству. Видела мужчин, разочаровавшихся в любимых и так же погрязших в своих проблемах, находящих выход в выпивке или наркотиках.

Я не умела долго страдать. Благо это или проклятье? Не знаю...

Иногда мне казалось, что все — я больше не вынесу, не смогу дальше идти, сломаюсь и растворюсь в небытие. Но проходило время, и я опять начинала любоваться цветами и засматриваться на облака. Опять начинала напевать себе под нос и танцевать в пустой квартире. Рано или поздно, из памяти уходило все плохое, а оставалось только светлое, прекрасное и восхитительное. Моя любовь всегда была со мной.

Я не могла долго предаваться страданиям, на моих руках остались Маша и Наталья Ивановна. Мама Сергея очень сильно сдала за время его болезни. Мы жили вдвоем в их большом доме в пригороде. Я сама делала массаж Маше и занималась с ней физкультурой. Мы со свекровью решили продать бизнес Сергея, все-равно никто из нас не смыслил в машинах. Деньги положили в банк под проценты. На них и жили. Наше женское царство сплотилось в своем горе. Мы пытались жить как раньше, как будто Сергей ушел на работу и вернется вечером. Так же готовили много вкусной еды, так же украшали елку на Новый год, так же покупали журналы об автогонках и оставляли их на журнальном столике. Потом я потихоньку убирала старые и уносила на чердак.

Через год угасла Наталья Ивановна. Ее похоронили рядом с Сергеем, ее любимым единственным сыном. Мы с Машей остались одни.

Моя дорогая замечательная девочка. Дочь, которой у меня никогда не было. Смелая и сильная, она была красавицей, моя Мария Сергеевна. Когда я выходила с ней гулять, везя в кресле-каталке, никто бы не сказал, что под широким палантином скрывается больное изломанное тело. Красивое тонкое лицо с большими серыми глазами и доброй улыбкой, такой она была.

После окончания института она отказалась работать, иногда по интернету делала небольшие заказы, чертила в своих компьютерных программах схемы и модели, но всегда дома, Маша отказывалась выходить «в люди». Сколько раз я ее не уговаривала — все зря... Тот детский страх перед насмешками крепко засел у нее внутри. А если я ее и вывозила в театр или в столичный зоопарк, то только закутанную с ног до головы. И каждый раз она дергалась, замечая жалость и снисходительность во взглядах прохожих.

— Милая. Тебе нужно хоть иногда общаться с своими сверстниками, — в очередной раз я попыталась образумить ее, — не все такие, как ты на воображала, как ты помнишь из детства.

— Зачем, Люба? — непривычная горечь в ее голосе заставила меня напрячься, — ты сейчас скажешь, что мне нужно будет выйти замуж? — я опешила. У меня, естественно была такая мысль, я очень бы хотела, чтобы она полюбила.

— Маша, жизнь не заканчивается болезнью. Кто знает, возможно, ты найдешь себе любимого человека, у тебя будет семья.

— Люба, — девушка перевела взгляд, — я уже взрослая двадцати шестилетняя особа... Кого ты пытаешься обмануть? Я прочитала в интернете все, до чего могла дотянуться про свою болезнь... У меня никогда не будет детей, и долго жить мне тоже не светит.

— Любимая моя девочка, — я приобняла ее за плечи, — не нужно думать, кто сколько живет... Главное — как жить... Главное то, что есть люди, которые тебя любят, и которых любишь ты... Твой папа мне, когда то сказал, в самом начале нашего знакомства, еще до женитьбы, — я улыбнулась, вспоминая... Маша перевела на меня заинтересованный взгляд, — нам не известно, когда наша жизнь прекратиться, может завтра, может через десять-двадцать лет, это знает только Бог. Поэтому не нужно тянуть, сомневаться, бояться жить. Нужно брать от нее все, что можно, здесь и сейчас. Наслаждаться каждым днем, каждой прожитой минутой, секундой... — на мои глаза навернулись слезы, — это было лучшее предложение руки и сердца в моей жизни.

На часах четыре. Еще немного и мой любимый город начнет потихоньку просыпаться. Сначала зашуршат по асфальту редкие машины. Потом первый гул включенного лифта, стук каблучков по лестнице. Проснется дом. Вольется в бурную шумную жизнь города. Встанет в строй. Но до этого еще далеко. Свечи почти оплыли и едва мерцают в темноте комнаты. Может включить ночник? Но так лень вставать с уютного диванчика. Я согрелась и расслабилась, вино ненавязчиво превратило именинный вечер в вечер воспоминаний.

Полтора года назад я похоронила свою дочь на кладбище возле могил Сергея и Натальи Ивановны. Тогда мне показалось, что вместе с ней ушли вся энергия, свет, тепло из моего тела. Все, за что стоит бороться и жить. Казалось, что я больше не выдержу. Почему я живу, когда все мои любимые люди уходят из жизни? Покидают меня, оставляют один на один с моим горем? Если я и молила Бога за что-нибудь, то это тогда, когда просила его за Машу. Только бы она прожила подольше, только бы она была счастлива.

Мне казалось это не они, это я умерла. Я жила в пустом одиноком, брошенном доме, как в склепе, не выходя на улицу, не отвечая на звонки по телефону, заказывая продукты на дом и оплачивая счета по интернету.

Месяц я не выходила во двор, даже не было сил и желания почистить тротуар от упавших листьев, и посыльные из магазинов брели к двери через шуршащие желтые барханы.

Незаметно наступила зима...

Как то утром, проснувшись, я увидела необычный белый серебряный свет, заливший мою спальню. Я удивленно подошла к окну — первый снег. Он накрыл весь мусор, скопившийся во дворе, затянул кружевом кустарники, украсил шапочками деревья. Мой сад превратился в волшебную сказку, яркими разноцветными искрами переливался на солнце, как будто миллионы крошечных бриллиантов рассыпали по двору. Эта дивная природная красота нашла отклик в моей замерзшей душе. Сердце дрогнуло и встрепенулось. Жизнь продолжается и я все еще жива.

Как обычно, после долгого ступора во мне проснулась жажда деятельности. Те огромные Сережины деньги, лежавшие под проценты в банках, давили на меня мертвым грузом. Пока была еще жива Маша, я тратила их на врачей, массажистов, дорогие лекарства, санатории, грязи, воды. Теперь они стали для меня неподъемной гранитной плитой. Я их даже немного боялась. Оставив себе небольшую часть, перевела все интернату для детей с ограниченными возможностями. Им же и отдала оборудованный спортивный зал с тренажерами и бассейном. Дом, где мы жили счастливо восемь лет, сдала в аренду большой многодетной семье. А сама опять переехала в свою однушку. Круг завершился, кольцо замкнулось, я, как и прежде один на один с собой, только в сердце навечно поселились еще несколько чудесных воспоминаний о моем прекрасном счастье с Сережей и его семьей, о дорогих людях, о любви, которую я испытала.

Я иногда жалела, что у меня нет никаких особенных талантов, как у одаренных людей. Я была самая обычная женщина. Я не умела ни рисовать, ни петь. Не лепила из глины, и не перемножала трехзначные цифры в уме. Не умела писать романы и сочинять стихи. Даже ни разу в жизни не собирала марки или открытки. Я умела только любить, отдавая всю себя без остатка.

Насколько еще хватит моего сердца? Сколько там еще места? Мне иногда казалось, что

оно без конца и края, без границы и дна. Как неиссякаемый колодец, в нем всегда найдется сила и способность сопереживать, чувствовать, любить и верить в лучшее.

Весь прошлый год я работала медсестрой в детской поликлинике. Я всегда любила свою работу, но сейчас она обрела для меня особый смысл. Дети — самые лучшие пациенты. Им все интересно, им все нужно потрогать и узнать. Я умела отвлечь ребенка, делая ему, укол и после моих капельниц никогда не было синячков. Родители благодарили меня, но самой лучшей похвалой было выздоровление маленьких пациентов.

Странные сны мне по-прежнему снились, но теперь более осмысленные. С каждым годом персонажей становилось все меньше и меньше, и короче были периоды, между появлениями одних и тех же людей. Пока в итоге не осталось около двух десятков мужчин и столько же женщин. Я даже научилась их узнавать и дала им свои имена.

Многие люди были из нашей эпохи, кто жил в Европе (теперь я узнавала города и языки, на которых они говорили), кто в Америке, кто в Азии. Но некоторые были из эпох, уже закончивших свое существование. Например, юноша, который мне запомнился в детстве (светловолосый хмурый мальчишка, непослушный и дерзкий, которого пороли кнутом на конюшне) должно быть жил толи в девятнадцатом, то-ли в начале двадцатого века, в каком-то каменном доме (наверное, в замке, но полуразрушенном и неухоженном), в северной неприветливой холодной стране. Возможно Шотландия или Скандинавская страна. Я иногда смотрела его глазами за бесконечными ледяными просторами, из окна, и такая беспросветная тоска охватывала меня. Чахлая низкая растительность, грустный хмурый пейзаж — нет, не хотела бы я там жить. Вот и он, только немного подрос — сразу сбежал на войну.

Да и девушка, проводившая все свободное время перед зеркалом и на балах, а потом выступающая на сцене в шикарных длинных платьях ездила по улицам в каретах, и в ее доме горели свечи вместо привычных лампочек.

Я до сих пор, спустя многие десятилетия, не могла понять, что мне снится и зачем. Даже когда я немного выучила английский язык (Алексей настоял в свое время, мы часто разъезжали по заграницам), и стала понемногу разбирать некоторые слова во сне — ничего не прояснилось.

Люди смеялись и плакали. Дрались и убивали. Любили и ненавидели. Иногда между кусками жизни проходили десятилетия, иногда несколько дней. По какому принципу отбирали сны? Не известно.

Светловолосый викинг (как я называла про себя того мальчишку, а во сне он звался Грант) со временем превратился в настоящего воина, жестокого и кровавого. Он достиг невероятных высот в умении убивать. Был и наемником, и офицером, и генералом, и пленным, и заключенным. Я видела его ведущим за собой войска в бой, и сидящим в кресле, неподвижно часами, склонившись над картой. Видела его, прикованного кандалами в темной сырой камере и на допросах. Видела, идущим на плаху. А потом, как он опять нанимается солдатом и мокнет в траншеях под дождем. Он собственноручно расстреливал пленных и казнил своих подчиненных за предательство и ослушание приказов. После того, как он сбежал от властного и жестокого отца, «викинг» служил юнгой на корабле, был и в Индии и в Китае, в Америке и Мексике. Он участвовал в революциях и переворотах, свергал правительства и ставил на трон самозванцев. Его назначали главнокомандующим, дарили титулы и земли. Его военному искусству пели дифирамбы, и прекрасные женщины

бросались ему на шею. А потом объявляли предателем и шпионом, и заковывали в кандалы.

Были еще воины разных эпох, я узнавала фашистскую форму, мундиры российских офицеров, и самурайские мечи. Слышала английскую речь о наступлениях на южные штаты и что-то о Конфедерации. Понимала, что это гражданская война в Америке (что-то я помнила из школы, что-то сама читала). Красивые благородные офицеры в элегантной форме заставляли чаще биться мое сердце. Но почему-то честные, великодушные рыцари куда-то пропадали, а кровавый «Викинг» по прежнему никуда не уходил из моих снов. Больше всего я не любила сны, где убивали и калечили. Где стреляли пушки и взрывались гранаты. После таких «показов» я полдня приходила в себя. Хорошо, что их было немного. В основном мне показывали отрывки обычного, повседневного быта. Мне было стыдно и неудобно подсматривать за личной жизнью этих мужчин и женщин. Если бы я могла, я бы проснулась, когда они целовались со своими избранниками или занимались любовью. Но хроника не выбирала «приятные» или «не приятные» для меня моменты. Все было абсолютно обезличено и документально, как будто кто-то наблюдал со стороны, проматывая пленку. «Викинг», например, никогда не имел жены и детей, все его женщины были кратковременны и не серьезны. Вся его жизнь была война, начиная с детства. Его единственная семья и любовь. А вот «моя актриса» наоборот, много раз влюблялась «до гробовой доски». Мужчины дрались за ее благосклонность друг с другом на дуэлях и к ее ногам бросали состояния. У нее были две очаровательные дочери и красивый особняк на берегу моря (вроде Лазурный берег, но могу и ошибаться.)

Темноволосый «изобретатель» все более погружался в науку и почти не выходил из своего дома. Жена ушла от него, забрав все деньги — он даже не заметил. Он создал себе кухонный агрегат, который сам все делал по дому — и готовил, и стирал, и убирал, и гладил белье. «Эх, мне бы такой» — вздыхала я.

Я так привыкла к своим героям, что когда кто-то из них пропадал (а это все же случалось, пусть не так часто, как раньше, но все-же.) я искренне расстраивалась. Почему пропадают хорошие, добрые люди, а такие как «викинг» злобные и агрессивные остаются?

Но у меня во снах еще было много разнообразной толпы, и мне было интересно, чем же это все закончится? Неужели я до конца своих дней буду смотреть за чужой жизнью?

А три дня назад случилось неприятное событие — меня уволили по сокращению. Петр Петрович сказал, что сейчас тяжелое время, и хоть я и заслуженный работник, опытный и знающий свое дело, но мне до пенсии осталось всего ничего, а у нашей Лидочки, например, вся жизнь впереди. Будто у меня она завтра заканчивается!.. И до пенсии то мне еще пять лет. Но спорить я не стала, молча написала «по собственному» и забрала со стола свои нехитрые пожитки. Молодость... Она так эгоистична и жестока. И нашему главврачу кажется, что он всю жизнь будет молодым тридцатилетним красавцем, а вот в пятьдесят — пора на свалку.

Ничего страшного. Деньги у меня были. В банке еще лежала приличная сумма, оставшаяся от Сергея, но само увольнение больно ударило по самолюбию.

А вчера, выбрасывая утром мусор в контейнер, я нашла свое рыжее чудо. И поняла, что мое сердце еще живо, еще способно любить и сопереживать. В контейнере попискивал котенок, совсем еще маленький, новорожденный, завернутый в полиэтиленовый пакет, но живой и очень энергичный. Улыбка не сходила с моих губ, когда он всеми четырьмя крошечными лапками пытался у меня забрать пипетку с молоком. Наевшись, превратившийся в толстый пушистый шарик малыш заснул на банном полотенце рядом со мной, на диване. Я иногда накрывала ладонью теплое тельце, и ощущала кожей, как часто стучит маленькое сердечко, и такое умиротворение и нежность охватывали меня.

«Нет, все-таки жизнь продолжается, и любовь не умирает... Никогда»... — пробормотала я и взглянула в окно. Горизонт посветлел, неясная серая предрассветная дымка затянула комнату. Свечи погасли, последние полчаса я сидела, откинувшись на диван, в полудреме, балансируя на грани сна и яви. И когда заметила, сидящего в кресле напротив мужчину, я логично предположила, что он мне снится.

Я даже не пошевелилась и молча, отрешенно наблюдала за ним. Так мы и сидели некоторое время, смотря друг на друга... Потом, медленно до меня стало доходить, что он действительно находится в моей квартире, и я бодрствую... Глаза начали округляться... Существо (хотя он и был похож на мужчину, но как то неопределенно. Когда я присмотрелась поближе, то уже склонялась к тому, что это женщина, слишком тонкие черты лица и изящные руки) просто внимательно смотрело на меня и молчало.

— Вы мне снится? — наконец тихим голосом поинтересовалась я.

Посетитель покачал головой в стороны. Удивительно, после бессонной ночи и бутылки вина я стала такая смелая. Совершенно не испугалась и не удивилась. Какое-то умиротворение и спокойствие разлилось внутри.

— Мне что, уже пора? — опять спросила я.

— Да... пора... — прозвучал голос у меня в голове. Его губы не шевельнулись.

— Странно, — опять произнесла я, — я не помню, что болела, или попала в аварию, или отравилась, или меня сбила машина. Я ничего не помню, это всегда так перед смертью? На лице гостя появилось слабое подобие улыбки...

— Не было аварии или болезни, — прозвучало в голове, — просто пора.

Я недоуменно пожала плечами.

— Вы забираете меня?

— Да... Существо вдруг проявилось прямо передо мной, я даже немного вздрогнула, так мгновенно он переместился.

— Но мой Рыжик? Как же он? — Я положила руку на теплую пушистую спинку.

— Если захотите, потом можете взять его с собой, — прозвучало в голове.

— Так я смогу еще сюда вернуться? — я уже ничего не понимала. Но тут же подумала, что умираю то я в первый раз и не знаю, как это бывает. Может все так и происходит?

— Конечно, сможете, — кивнул посетитель, — мне нужно просто познакомить вас с другими и дать инструкции, а потом можете делать, что угодно.

Я была в полном недоумении. Какие другие? Какие инструкции? Так я что, не умираю? Существо с легкой полуулыбкой смотрело на меня и забавлялось... «Он что, читает мои мысли?» — ужаснулась я. Гость кивнул. Я растерялась и смутилась.

— Не переживайте. Все будет хорошо, — прозвучало в голове, — давайте руку.

Я протянула руку и вздрогнула, ощутив, как кисть обхватывают тонкие ледяные пальцы.

«Вот и все», — успело мелькнуть у меня в голове, и я исчезла.

Мы переместились в какое-то странное место. Сначала я думала, что вокруг густой плотный туман, не было видно ни неба, ни пола, ни стен, ничего, что могло бы сойти за ориентир. И меня тут же охватил ужас полной дезориентации. Я изо всей силы вцепилась в ладонь человека рядом, хотя даже его я уже не видела. Потом в голове пронеслось «Простите, я не подумал» и вокруг начали проступать стены, пол и потолок. Голова перестала кружиться, паника постепенно стала уходить. Мы стояли в большой пустой комнате с серыми стенами и темным полом. Стены светились рассеянным теплым светом, воздух был какой-то стерильный, совершенно без каких-либо запахов. Потом в центре начали появляться стулья, самые простенькие, стандартные, дешевые. Стульев было около десяти — пятнадцати (сразу не посчитала), они стояли на расстоянии метра друг от друга четким, почти идеальным полукругом. Существо подвело меня к одному и кивнуло «Садитесь». Я села на крайний справа и замерла, смотреть было не на что, и я крепко зажмурилась, пытаюсь хоть немного прийти в себя. Может я сейчас ущипнуть себя и проснусь? Ой. Больно! Нет, не проснулась.

Я почувствовала какое-то слабое дуновение ветра и открыла глаза. Комната стала наполняться людьми. Постепенно такие-же (по-крайней мере очень похожие на мое) существа приводили женщин, мужчин разных возрастов (в основном пожилых) и садили на стулья. Вскоре почти все стулья были заняты. Я огляделась... Смутно знакомые лица так же очумело, как и я, смотрели друг на друга. Тут мне пришла в голову мысль — «А это же люди из моих снов!». Конечно не все, многих я не помню, но вот этот пожилой угрюмый мужчина — очень похож на «Викинга», а вот эта степенная красивая дама на «актрису»... Я насчитала двенадцать человек. Все они, так же как и я, ничего не понимая ошарашенно оглядывались и бормотали что-то неразборчивое на разных языках.

Полупрозрачные похожие друг на друга как капли воды существа соединились в одно (точно мой ночной гость) и в голове прозвучал голос.

— Успокойтесь... Я вам сейчас всем все объясню... Я сейчас подключу вас к базе знаний всех языков на вашей планете, чтобы вы все друг друга понимали... Потом, после... инструктажа я дам вам другие более расширенные способности, сейчас пока рано для них, будет... путаница...

Существо странно говорило. Перед каждой фразой немного тормозило, как будто бы вспоминало слова, перебирало в памяти возможные синонимы и сравнения.

— Вы избраны из миллионов... миллиардов людей, живущих на вашей планете для одной цели... Вы станете следующими Хранителями... Если вам так удобно, называйте себя Богами... Люди раньше так вас называли, возможно, и будут называть в дальнейшем... Я не знаю... Будущее не определено... — существо запнулось, подбирая слова...

Люди на стульях зашевелились, послышались крики и вопросы.

— Подождите! Не нужно так громко думать! — раздался голос. — Я отвечу на все вопросы. А сейчас просто успокойтесь и послушайте меня.

— Я — вестник... Не знаю... — существо снова застыло, перебирая в голове определения, — в вашей истории есть определение Архангел... Ангел... Не думаю, что он мне подходит, но вам лучше знать... Называйте меня Посланник... Знаете вы или нет, но Создатель есть... И он действительно сотворил этот мир, всех существ на всех планетах, во

всех мирах... Звезды, планеты, галактики, вселенную... — существо пристально смотрело на нас и мне казалось, что его глаза смотрят прямо в душу каждому. Он (оно) продолжало.

— Заселенных миров бесконечное множество и я присматриваю только за небольшой их частью в этом секторе... Это тело... — Посланник развел в стороны руки и немного потряхнул ими, — не мое... Просто так спокойнее и понятнее для вас, что я предстал в знакомом для вас образе. Я из другой... цивилизации, был раньше Хранителем там, у себя, а сейчас меня выбрали присматривать за мирами в этом секторе... Потому что в нем, у всех миров схожие.... - он опять запнулся.... - образ мышления... чувства... эмоции.... Похожие на ваши....

Я пребывала в каком-то полусне... «Это происходит не со мной». Создатель — Бог... Посланник... Миры... Может я уже умерла? Или сплю? Или уже в сумасшедшем доме и мне делают лоботомию? Похоже, у всех двенадцати слушателей были сходные мысли... Значит я не одинока в своем безумии, это радует.

— А Создатель один? — тихо спросил «изобретатель», серьезный худощавый мужчина, сидевший рядом со мной. Посланник на мгновение задумался.

— Не могу сказать определенно... Он стоит так высоко по сравнению с нами по уровню интеллекта и способностей, что боюсь даже предположить... Возможно это целая раса Создателей. Вселенная ведь бесконечна... — и видя наше полнейшее недоумение и озадаченность, попытался пояснить... — представьте... ну хоть аквариум... Вы все — существа, живущие в нем, это ваш мир. Допустим, ваша планета... За аквариумом присматривают, ухаживают... Чистят иногда. Аквариум стоит в доме. Дом — это ваша галактика или скопление галактик. Далее, дом находится в городе. Город, по-вашему — мой сектор из нескольких таких скоплений. Ваша вселенная — это мир из несколько сотен, тысяч таких городов... в ней есть, — Посланник запнулся, — смотритель... президент... В общем — это Создатель, а сколько таких Создателей, — никому не известно... Может один... Одно существо, может целая раса таких. Я просто наблюдаю за городом, — усмехнулся он. А вы будете за следить за домом.

Если что-то «изобретатель» и понял из его объяснения, то это для меня осталось загадкой, потому что я не поняла ничего. И это притом, что я (предположительно) была самым современным человеком из всех. Многие жили гораздо ранее меня. Это, конечно, ничего не значит. Вряд ли они были глупее или не образованнее. Почти все находящиеся здесь мои знакомцы из снов жили в двадцатом веке, только, возможно, несколько в позапрошлом.

Голос Посланника продолжал звучать в наших головах.

— Существа, живущие в разных мирах, отличаются друг от друга... Поэтому и нужны вы — Хранители данного конкретного мира. Каждый мир по своему уникален, со своим набором чувств, эмоций, ощущений, порывов, природных законов и явлений. Есть миры, где нет разделения полов, есть, где есть три и более, и чтобы произвести потомство, нужно всем троим или четверым соединиться не только физически, но и ментально... Но это не про вас. Я пытаюсь говорить вашими терминами, это очень трудно, поэтому вы можете всего не понять. Я только хочу сказать, что миры все разные. И Хранителей выбирают всегда из тех людей, которые живут на данной планете... Это закон и он никогда не изменялся... Правильнее было бы назвать вас Хранителями эмоций человечества... Любовь, ненависть, надежда, азарт, страх, борьба, талант и другие... Не знаю почему эти, но когда Бог создавал ваш мир именно этот набор чувств стал базовым. Возможно это эмоции самого Создателя...

Можно только догадываться. Я слышал, что в других вселенных — другой набор... Но...

Посланник пожал плечами, как бы удивленно... А я сидела на стуле и судорожно пыталась вспомнить все, что знала о пантеонах Богов. В обычной жизни я не интересовалась ими. Я никогда не задумывалась о религии, и в силу того, что детство и юность провела в детдоме, то меня даже не крестили по христианским обычаям. Теперь, после того как узнала, что они, оказывается есть, я можно сказать, испытала культурный шок.

— Осмотр... Обход, — существо запнулось... — контроль всех миров осуществляется мной раз в десять тысяч лет... Плюс-минус год... Это время полного облета всех подконтрольных миров в моем секторе... На каждый мне выделяют пару... суток, по вашему... где-то сорок восемь-пятьдесят часов, в вашей системе исчисления... За это время я отбираю души, прошедшие экзамены, выдержавшие все испытания, лучших из ныне живущих на планете... Временной отрезок... период, составляет до двухсот лет от текущего момента... глубже в прошлое — нет смысла...

В моей голове тотчас сформировалась непрошенная мысль... «Неужели Боги не властны над временем и не могут увидеть, что случится в будущем. Смысл тогда в Хранителях?». Посланник повернулся в мою сторону, уловив идею.

— Мы не властны над будущим, к сожалению... Время — единая неизменная форма... его нельзя... перемотать... Оно всегда идет только вперед... Из прошлого я могу выдернуть души, умершие и находящиеся в очереди на перерождение, но не долгое время назад... Могу выдернуть их из настоящего, но из будущего — никогда... Даже я его не знаю... Про Создателя — не скажу... Возможно, он один может, но он очень далеко и даже его всеобъемлющее и всепроникающее сознание не всегда может помочь... Для этого вы здесь и сидите...

Посланник опять замолчал... Наверное, давал нам время осознать его слова... Я сих пор сидела в некоторой прострации и ощущала внутри только пустоту и растерянность.

— Но позвольте, — раздался, справа голос «изобретателя», — а по каким критериям идет отбор? Как вы нас выбирали?

Посланник немного отошел назад. На его всегда бесстрастном лице мелькнуло слабое подобие улыбки.

— Критерии... Первый и самый главный — не сломаться. У всех вас в жизни были трудности, испытания, в некотором роде проверки...

Я вспыхнула в одну секунду и вскочила со стула в возмущении, руки затряслись от злости, глаза застлала темная пелена... Краем глаза видела, что не одна я такая... Лица многих людей исказила ненависть и горечь, «Торговец» вцепился в поручни стула, чтобы не наброситься на Посланника с кулаками (хотя как ему это удастся? Он же полупрозрачный!)

— Что значит испытания? — прошипела я сквозь зубы, — это вы подстроили аварию, где погиб Андрей, и я потеряла ребенка? Это вы убили Сергея и сделали Машу инвалидом? Это так вы нас проверяли?

— Стоп-стоп-стоп... — раздался в голове равнодушный спокойный голос... — Не нужно нервничать... Я все объясню... Сначала ответ на вопрос Бога ремесла и талантов, — кивок в сторону «изобретателя»... Критерий отбора — пронести через всю жизнь и сохранить желательно в неизменном состоянии самую сильную эмоцию, то чувство, которое в вас пробудилось в детстве, самое яркое, самое важное... Кристальную чистоту этого чувства, по-возможности, без примесей, без темных пятен, без... всего лишнего...

Посланник мгновенно оказался рядом со мной (я еще стояла и дрожала в гневе) и взял

за руку.

— Садитесь, Любовь Николаевна... Теперь ответ на ваш... вопрос...

— Вы не правы... Я не отправлял... — секундная задержка, — КамАЗ навстречу вашей машине, и не внедрил в тело... Сергея смертельную болезнь... У них самих была такая судьба. Написанная для них... Андрей должен был погибнуть в аварии, а Сергей умереть от рака, Алексей все-равно изменял бы своим женам, даже если бы вы не встретились ему в жизни... Мы корректировали только ваш путь, не их... Мы подталкивали вас к ним, вмешивались только в вашу судьбу... Мы избираем... несколько тысяч перспективных душ за одно поколение и наблюдаем за ними.

Внутри меня еще звенела злость и обида. Значит «избрали»... Значит «вели». А меня кто-то спрашивал — хочу ли я этого? Возможно, если бы не авария, я бы прожила свою счастливую долгую жизнь с мужем. У нас был бы сын, и дочь. Или два сына и две дочери. Мы были бы счастливы. Слезы выступили на глазах. Я стояла посреди комнаты, и моя обнаженная душа была выставлена на всеобщее обозрение перед двенадцатью внимательными взглядами. Заинтересованными, сочувствующими, равнодушными. Мне было все равно.

— Да... — произнес Посланник, — возможно, вы бы прожили свою тихую счастливую жизнь женщины, матери, жены... Но тогда никогда бы здесь не появились... Потому-что счастливых семей много, а вы — одна. И вы одна из всех прошли этот экзамен.

Я хмуро подумала «Только почему то я не рада от того, что его сдала»

— Физическое тело, Любовь, лишь оболочка... Как... ваше платье, например... У платья есть свой срок... эксплуатации... жизни... носки... Так и у тела... А душа бессмертна и божественна... Она перерождается много раз, много тысяч раз, обучаясь, совершенствуясь, приближаясь к божественной сути... Закройте глаза, — он взял мою ладонь в свою руку, — я вам покажу, где сейчас ваш Андрей... Я закрыла глаза и увидела молодого мужчину, лет двадцати, в красивом доме, сидящего в кресле и читающего журнал... На его коленях возилась прелестная двухлетняя девочка в ярком платьице и что-то щебетала... «Папа, папа! А мы пойдем сегодня в зоопарк?»... Слезы потекли у меня из глаз. Это был Андрей. Немного другой, не такой серьезный, худощавый и настороженный, каким я его знала, а расслабленный и уверенный в себе мужчина.

— Да, — шепнул Посланник, — он сейчас счастлив, у него прекрасная жена, дочь, строительный бизнес... Он живет сейчас в Нью-Йорке и работает в компании своего отца, богатого промышленника... Он счастлив... И все остальные ваши любимые люди, покинувшие вас, так будут счастливы... Хотя, вы сами через время сможете понаблюдать за их перерождением... Вам будет дана способность видеть истинную суть... бессмертную душу человека...

Я села на свой стул... Внутри бушевал ураган из мыслей, чувств, эмоций... Горечь, гнев, радость, недоумение, восторг и сожаление, все перемешалось. Я была еще очень зла на это существо, на его бессердечие, холодность, равнодушие. «Мы что, подопытные кролики?» — не могла я успокоиться.

Тем временем Посланник продолжал.

— Пришла пора вас познакомить друг с другом... Вам придется общаться. Потом объясню... Итак... Начнем с вас, — он легонько поклонился мне...

— Любовь Николаевна... Богиня или Хранительница Любви...

Я потрясенно вздохнула... Хотя. Теперь все ясно... Любовь, значит... Можно было

догадаться...

Посланник продолжал...

— Любовь бывает разная... Она может быть и романтическая — между мужчиной и женщиной... И семейная — между родителями и ребенком, и религиозная, и безответная, и плотская, и эгоистичная и много-многое другое... Естественно, вы, Любовь, будете олицетворять все эти чувства людей, связанные с любовью... Тут и сентиментальность, и обожание, и забота, и страсть, и ликование, экстаз и одержимость... В общем, понятно, думаю... Поэтому вам будет просто необходимо общаться друг с другом... Говорю это вполне серьезно... Не бывает «чистой» эмоции... С любовью рядом идут и радость, и зависть, и злоба (иногда), и даже война... Из-за любви происходят безумства, делаются великие открытия. Совершаются подвиги... Поэтому, чтобы чувства смешивались, переплетались вам всем необходимо встречаться... Так как все вы — чистое проявления того или иного чувства...

— Далее, — Посланник поклонился моему соседу («изобретателю», как я его называла из сна)... — Максим... Бог или Хранитель труда, ремесла или изобретений... В соединении или дружбе, например, только с Любовью, получим человека — трудоголика, полностью заикленного на работе. Всю страсть и энергию отдающего ей... Но в союзе с любовью и радостью, а так же с Богом таланта и артистизма это даст прекрасного профессионала своего дела, работающего в радость себе и людям... И так далее... Думаю, вы все поняли, не буду дальше заострять внимание на этих тонкостях...

Посланник протянул руку к следующему. Женщине, странно одетой, с перьями и бусинами в прическе, на юбке у нее были пришиты маленькие колокольчики, а платье было сшито из лоскутков таких ярких оттенков, что рябило в глазах.

— Аманда... Богиня Радости, развлечений и восторга... Женщина немножко приподнялась и отвесила всем шутовской ироничный поклон. С ее губ не сходила улыбка. «Думаю, она мне понравится», — промелькнуло у меня в голове. Она была такая забавная и смешная, как яркая маленькая птичка. Посланник, видимо уловив мои мысли коротко улыбнулся. В моих снах она жила в Канаде, я видела ее, где то в шестидесятых-семидесятых годах двадцатого века. Она была хиппи... Веселая, озорная девчонка и такая же безбашенная женщина... Они с мужем жили в коммуне, в палатках, пели и танцевали возле костра, кричали на демонстрациях «Занимайтесь любовью, а не войной» и занимались этой самой любовью в моих снах. Сны с ней были самыми веселыми и жизнерадостными. Я всегда после них просыпалась с хорошим настроением.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Далее... Дэвид. Бог торговли, изворотливости, обмана... Посланник кивнул на моего знакомого из снов... Помню он жил во времена великой депрессии в Америке. Несколько раз становился одним из самых богатых людей в стране и опять терял все деньги... Его коллеги, партнеры кончали жизнь самоубийством, выбрасывались из окон небоскребов... А он шел дворником мести улицы, и придумывал новые способы обогащения. Неунывающий, предприимчивый, изворотливый проходимец. Я улыбнулась. Я восхищалась им... На самом дне, ночуя под мостом, вместе с бомжами и проститутками, он планировал, великие аферы и рассказывал всем, что станет самым богатым и знаменитым в Америке... И становился же! ... Чтобы потом опять разориться и идти продавать ход-доги... Он обманывал прохожих, играя в наперсток, и не раз получал по лицу, мухлюя в карты. Но никогда не унывал и не грустил. Он свято верил, что разбогатеет, и эта вера, как и моя вера в любовь помогала ему

всю жизнь.

Посланник продолжал.

— Следующий... Николя. Бог инстинктов... Тут немного поясню... Вы — хранители эмоций, чувств человека, того, что делает человека человеком... Но есть еще одна сторона жизни... примитивные, так сказать врожденные аспекты. Потребность в еде, сне, рефлекс, инстинкт самосохранения и так далее... Это огромная часть жизни... То, без чего не бывает жизни вообще... Но это не главный Бог... — поспешил добавить Посланник, видя как надулся от гордости плотный мужчина, без печати интеллекта на лице... по-моему, я его видела пару раз во сне. Он мне не запомнился, он просто все время ел, спал, ходил в туалет, делал детей со своей женой, ни единого увлечения, хобби или пристрастия к чему-либо за всю жизнь я у него не видела... Он не прочитал ни единой книжки и ни разу не был в кино... Получал пособие от государства и за всю свою жизнь палец о палец не ударил, чтобы заработать денег или сделать что-либо для семьи.

— Не главный, потому что человек, живущий только на инстинктах — это не человек, это животное... Его душа не выполнит своего предназначения, живя примитивно... Поэтому очень важно, чтобы вы все, — Посланник внимательно обвел взглядом нас, — как это сказать, дружили... общались... переплетались в своих эмоциях... своей жизни...

— Далее... Альфред... Бог хаоса, стихий, страха и ужаса... Прошу любить и жаловать, так у вас говорить?.. (это он попытался пошутить?)... «Снова мужчина, снова грузный, но возможно они все здесь оказались на закате своей жизни... Я тоже не красотка уже в пятьдесят»... — подумала я.

— Да, хаос и разрушение тоже должны быть в мире. — Мне показалось, или Посланник немного виновато представлял нам его... Возможно, это мое субъективное мнение... Мужчина вызывал стойкое отвращение и неприятие, злобное искаженное лицо, маска пренебрежения и ненависти застыла на нем... Брр... Я отвернулась...

— Страх идет рядом с чувством самосохранения и не дает человеку делать... необдуманных поступков... Страх перед смертью, страх за жизнь ребенка, страх лишиться чего-то важного... Это могучая движущая сила... Он нужен для чистки... — Посланник замолчал, подбирая слова, — уборки... После разрушения всегда идет обновление... После Хаоса следующими вступают в силу Надежда, Труд, Любовь...

«Не знаю, для чего он нужен, этот страшный неприятный Бог... Но контактов с ним я точно никаких иметь не буду»... Похоже, Посланник, уловив мою мысль, не расстроился, только понимающе улыбнулся и покачал головой.

— Далее... Ионна... Богиня тайны, магии... Хранительница неизведанного... — голос существа заиграл какими-то новыми обертонами, как будто он встретил давнего соратника, друга и представляет нам его, — да... в вашем мире тоже есть магия... Пусть немного, чуть-чуть, но есть. Много тысяч лет назад цивилизация на вашей планете направилась по пути развития техники, возможно предыдущие Боги оплошали, повернули не туда, время рассудит. Я просто наблюдатель... — Посланник шуточно поднял руки вверх, — вы следующие Хранители, вам... как сказать... Карты в руки. Да?

Я посмотрела налево... Сухонькая старушка, в закрытом строгом платье смущенно улыбалась и кивала, приветствуя соседей. В пальцах мелькали какие-то то ли бусы, то ли четки. Она жила где-то на юге Европы, подрабатывала то в цирке, то в театре, предсказывала судьбы, ходила по вокзалам, гадая по руке. У нее тоже было много трудностей и препятствий в жизни. Ей не верили, гнали прочь, смеялись и злословили над ее даром. Я тяжело

вздыхнула. «Товарищи по несчастью... Здесь есть хоть один человек, который прожил счастливую жизнь без потрясений?»

— Далее. Анжелика... Богиня болезней и недугов. Хранительница страданий... Тут думаю все понятно... Болезнь выполняет в мире очень важную роль... Она заставляет человека задуматься над своей жизнью. Остановиться... некоторое время побыть беспомощным и слабым... Разобраться в себе... Если человек не может самостоятельно решить эту проблему — на помощь приходит болезнь и заставляет... Ну и еще чистка...

Я смотрела на худую сгорбленную старуху (лет сто, не меньше) и вспоминала... Почти всю жизнь она провела в постели, охая и жалуясь на судьбу. Сначала за ней ухаживали родители, потом братья и сестры, потом сиделки и врачи. Она пережила всех своих родных и умерла просто от старости, но никак не от своих многочисленных (по ее словам) болячек. Я помню таких вот «больных» здоровых людей. Сталкивалась по работе и в больницах и в поликлиниках. Надуманные боли, фантомные колики, мигрени, невралгии. Чего только не придумывали, чтобы привлечь к себе внимание, заставить бояться и страдать своих близких. Я вполне допускала, что им действительно было больно. Потому что придуманная боль ничем не отличается от настоящей — от нее так же сильно страдаешь и маешься.

— Следующая... София... Богиня искусств, таланта, артистизма... — Я посмотрела на мою «актрису» из сна... В пышном роскошном платье она казалась здесь немного чужеродной, но все равно была красива и обворожительна. Уже в возрасте, тонкое породистое лицо, немного высокомерное, но интересное и привлекающее. Она легко и изящно махнула рукой и красивым глубоким голосом произнесла «Восхитительно. Всегда мечтала феерично закончить карьеру». Я улыбнулась... Она была примадонной, выступала в театрах, в императорских дворцах. Ей поклонялись, ее боготворили. Я слушала ее прекрасные песни во сне и наслаждалась. Потом, она потеряла голос — немного простыла и не до конца излечившись, спела сложную арию перед императором. И на этом ее карьера певицы была закончена. «Актриса» не унывала... Начала сниматься в немом кино и достигла на этом поприще небывалых высот. Но и потом стала, не востребована, когда появилось звуковые фильмы. Она писала, стихи и сочиняла музыку, рисовала модные туалеты, шила наряды, придумывала духи. Чем она только не занималась, всегда красива, нарядна, со вкусом одета. Одним словом — талант.

— Следующая... Арина... Богиня мудрости, благоразумия, знаний... — Посланник поклонился худой темноволосой женщине, немного «учительского» вида... Заумного, так сказать... В моих снах она работала в суде, была прокурором... И не только... Много раз ее увольняли за «неудобные» толстосумам приговоры, покушались на ее жизнь, даже похищали ее детей и шантажировали ими... Посланник продолжал. — Мудрость, это не ум... Это нечто большее... Это способность различать добро и зло, видеть суть вещей, истину, так сказать... Она, так же как и Любовь, должна присутствовать во всех аспектах жизни человека, иначе... Вот, например, в соединении с Трудом получим умного, рассудочного, но бездушного ученого, сухаря... В союзе с Надеждой — пустую одинокую жизнь, несчастную душу, которую питают только надежды, умная образованная девушка будет всю жизнь ждать принца... но так и не дождется, а парень будет слеп, пытаясь наделить свою любимую несуществующими достоинствами, и разочаруется в итоге во всех девушках...

Посланник повернулся к предпоследнему сидящему. Мужчине. Не очень хорошо помню его по снах. «Искатель приключений», так я его называла... «Лара Крофт в штанах»... У него не было семьи и детей. Он всю жизнь гонялся за призраками по всему миру, совершал

открытия в отдаленных джунглях, раскапывал гробницы, находил сокровища, чтобы потом сдавать их в музей... Странная жизнь... Без дома, без пристанища, без тепла... Не хотела бы я так жить.

— Итак... Саймон... Бог охоты, преследования, азарта, любопытства, — мужчина встал и поклонился, широко махнув своей ковбойской шляпой... — Олицетворяет то, что толкает человека вперед. Что заставляет его действовать, совершать поступки... Хорошие и плохие, добрые и злые... Все-равно... В союзе с Радостью или с Любовью получим азартного человека, который всю жизнь проводит в поиске, но так и не достигает задуманного... В соединении с ними же и Мудростью, или Торговлей, или Талантом — прекрасного целеустремленного знатока своего дела, достигающего всего, что задумал, совершающего открытия и работающего на благо всех людей.

Наконец в моем мозгу стала вырисовываться картинка. «Это правда? Это действительно происходит сейчас со мной? Это не могло мне присниться. Слишком сложно. Значит, я буду Богиней???» Внутри все затрепетало от предвкушения. Посланник мельком глянул в мою сторону и улыбнулся уголком рта. Вау!

— Следующий... Грант... Бог войны, агрессии, завоеваний...

Я непроизвольно дернулась, встретившись взглядом с представленным. Это он. Самый мой не любимый персонаж из сна... Тот «Викинг». Я узнала его, пусть его волосы побелели, а черты лица исказили глубокие морщины, но я помню и как он собственноручно расстреливал пленных женщин и как равнял с землей целые города, выжигая огнем все живое. Да, действительно, Бог войны. Я тут же отвернулась, не выдержав его пристальный жесткий взгляд из-под бровей. Страшный человек. Мурашки побежали по коже... Я немного отодвинулась на стуле вправо, чтобы тело стоящего Посланника загораживало мне Викинга. И краем глаза увидела его насмешливо скривившиеся губы.

И тут мне вдруг в голову пришла ужасная мысль — если я видела во сне всех этих людей, их каждодневную жизнь, их победы и поражения, их горе и радости, самые неприглядные и отвратительные моменты, то и они так же видели меня? Видели когда собирали по кусочкам мое тело после аварии, когда я была от тоски и разочарования в пустой квартире, когда с отчаянием молилась и просила Господа дать моей дочери еще один день, один час жизни. Тошнота подступила к горлу. Я низко склонила голову к коленям, глубоко дыша. «Нет, нужно успокоиться... Я же тоже видела только несколько минут из каждой жизни. И не всегда эти минуты были судьбоносными. Иногда целыми месяцами мне показывали повседневную скучную жизнь — завтраки, разговоры ни о чем, хождения в магазин. Может и они видели то же самое. Если все время думать об этом — можно сойти с ума. Перестань сейчас же!».

Посланнику не было никакого дела до моих метаний, его голос, не останавливаясь, звучал в комнате.

— Немного поясню... Война тоже бывает разная. Не только на полях сражений, между народами, между государствами, с пушками или мечами. Бывает и соперничество, противостояние на работе в мирное время, война между двумя людьми за обладание чем то необходимым, беспощадная внутренняя война с самим собой. Со своими страхами и сомнениями, со своими недостатками. Еще, война экономическая, религиозная, идеологическая. Все это вы — война в чистом виде. Прежде всего, это честная открытая борьба, тактика и стратегия. Война без неоправданной жестокости, без неуместной мягкости и жалости, без жажды власти и самолюбования. В союзе только с Богом Хаоса — страшная

смесь, абсолютная жестокость и цинизм, без пощады, без сострадания. В союзе с Богом обмана получаем коварную, обманную войну. Поэтому, еще раз повторяю — вам нужно иногда, чем чаще, тем лучше проводить вместе некоторое время, чтобы эмоции, так сказать переплетались, не вдвоем, лучше втроем, вчетвером... Идеально — всем вместе...

Тут Посланник что-то услышал, как немного нервно дернулся и развернулся к Викингу.

— Не нужно так громко думать, Грант... Знаю, вам так же пришлось много всего пережить, как и всем двенадцати... Это было частью отбора. И то, что именно вы здесь наверху, а не те, кто вас пытал и допрашивал в тюрьмах, ваша заслуга.

— Да, я здесь, — впервые я услышала жесткий голос Викинга, — но ощущение веревки на моей шее или раскаленного железа на спине, это не то воспоминание, которое я бы хотел сохранить в веках.

— Но зачем?.. — начала я тихо.

— Что? — встрепнулся Посланник, — продолжайте, Любовь.

— Я хочу спросить, зачем эти... Боги. Война, Хаос, Разрушение, Обман, Болезни... Почему нельзя оставить только положительные и хорошие чувства и эмоции?..

Посланник усмехнулся, а я почувствовала тяжелый обжигающий взгляд с левого края от Викинга.

— Хороший вопрос, Любовь... Поясню. Две самые сильные людские эмоции, да и не только людские — стремление к созиданию и стремление к разрушению... Странно, не правда ли?.. Только представьте мир, где царят только любовь и радость... Посланник помолчал, давая нам время понять... Я представила и скривилась, как будто съела лимон, слишком пресная и сладкая получилась картинка... «Да... не очень»... Посланник кивнул моим мыслям... — А теперь представьте мир, где только одна война и разрушение... — Я содрогнулась... «Ужас»... — Понятно, теперь?... Во всех мирах, не только в вашем, действует один единственный закон — равновесие... Это основа мироздания... Не знаю почему, не спрашивайте. Возможно, так захотел Бог — Создатель... Но везде, во всех мирах, где я бываю, пусть там другие Хранители, другие чувства, другие природные законы и инстинкты, но всего поровну — и плохого и хорошего... Иногда бывают перегибы и если не справляются местные Хранители — вмешиваются другие силы и выравнивают ситуацию... Поэтому, Любовь, как бы вы не хотели счастья и любви всем живущим на планете, вам будут мешать другие Хранители своим существованием... Увы, вам не удастся всех осчастливить, — Посланник улыбнулся...

— Но я буду пытаться, — пробурчала я.

— Конечно, — кивнул он, — это же ваша работа.

— Теперь, после представления, поговорим о необходимых знаниях... Вы будете Хранителями около пяти тысяч лет... До следующего моего прибытия... Потом, я сам оценю вашу работу и скажу, куда вы направитесь далее... Или выше или ниже... Вы будете жить здесь, в этом слое реальности... Здесь пока ничего нет, она пуста, очищена от прошлых Хранителей, приведена в нулевое состояние... Вы сами построите себе дом, город, свой мир... Все, что хотите, материя в этой реальности пластичная и послушна... Ограничением является только ваше воображение. Можете построить один город и жить вместе. Как сделали прошлые Хранители... Город назывался Олимп, или Асгард, или Капитолий... и еще много разных названий... Можете выделить себе целый мир и жить там в одиночестве... Но все-равно вам будет нужно встречаться и разговаривать, дружить и ссориться, заключать союзы и воздействовать друг на друга... Это обязательно...

— Далее... вы можете узнать все, что угодно. Вся база знаний этого мира вам доступна здесь. В этом измерении находится информационный банк. Стоит только захотеть — любое событие, в любой день, час, минуту, с любым человеком, когда-либо живущим или жившим, будет вам известно... Пользуйтесь всеми доступными знаниями, ваш мозг получил бесконечные «божественные» возможности...

Я тут же потянулась к началу того времени, как я оказалась в приюте. Ну-ка, узнаем, наконец, имя твоей матери, Любовь Николаевна Воробьева. Я увидела молодую пятнадцатилетнюю девушку, школьницу, оставившую ребенка в приюте и больше никогда не вспомнившей о нем. Отцом был какой-то залетный кавалер, познакомились они на дискотеке и сотворили меня на заднем сидении машины. Хорошо еще, что родители девочки оказались вменяемые и не дали ей сделать аборт, не дали искалечить ее в пятнадцать лет. Меня отдали в детдом. Семья была небогата, да и не за чем было позориться школьнице, имея ребенка в пятнадцать лет. Девушка уехала к своей тете в Московскую область и родила меня далеко от своего дома, потом оставила в местном приюте и больше никогда даже не вспомнила обо мне. Спустя годы она вышла замуж, родила двоих сыновей. Теперь, в эту самую минуту шестидесяти пятилетняя одинокая старушка сидит в доме престарелых и брызжет слюной, рассказывая какие сволочи ее дети, отправившие ее сюда. Итог беспутной жизни. Я вздохнула, перевернула и закрыла эту страницу, узнав все, что было мне нужно.

Посланник, тем временем продолжал.

— До вас десять тысяч лет назад были иные Боги... А еще десять тысяч лет назад другие... Может вы знали их имена... Их было много и они назывались по разному... Любовь вы знали как Венеру, Афродиту, Бастет, Лакшми... Войну, как Марс, Арес, Сет... И много других имен. Они сами придумывали себе бесконечные названия, им было скучно жить столько лет, вот они и развлекались, как могли. Я в некотором роде понимаю их... Я сгруппировал и дал им возможность появляться на земле, принимая любой облик. Это была моя большая ошибка, меня уже наказали за нее...

Посланник на секунду замолчал, но мое любопытство не было удовлетворено, он не рассказал о наказании.

— Хранителей всегда выбирали из людей, живущих в тот период цивилизации, поэтому древние Боги были немного агрессивны и непредсказуемы. Им нравились человеческие жертвы в свою честь и слепое преклонение... Вы, в сущности, пока еще люди, с людскими чувствами и предпочтениями... В вас сейчас бушуют человеческие эмоции, слабости и недостатки... Пройдет много времени, пока вы освободитесь от всего «человеческого в вашей жизни»... Я это понимаю и не осуждаю... Главное — делайте свою работу... За сохранность планеты отвечают другие существа, к вам не имеющие никакого отношения... Так же, как и за души умерших... Это не ваша работа, поначалу это трудно понять и принять... Но вы ведь можете видеть истинную сущность человека, у вас есть эта способность, поэтому сможете увидеть тех, кто вам был дорог в прошлой жизни в новых воплощениях... Со временем вы все поймете... У вас впереди многие годы, огромная база знаний, огромные возможности... Дерзайте, — Посланник замолчал...

— А какие именно возможности? — подал голос Бог торговли, — можно уточнить?

— Конечно... Вы в некотором роде бессмертны, то есть я убрал механизм старения из ваших тел, вы можете принимать любой облик... Вот, — Посланник повернулся ко мне...

«Да что-же я такая популярная, зачем было садиться с краю?»... — Любовь, в каком возрасте вы хотели бы жить дальше? В каком облике?

Я не почувствовала подвоха в вопросе и закрыла глаза, представив себя тогда, когда ощутила впервые в жизни самое прекрасное, самое сильное счастье — счастье, когда узнала, что стану матерью... Двадцать четыре года... Я перенеслась двадцать шесть лет назад, в объятия Андрея, как наяву ощутила тепло, немыслимую нежность и ласку, исходящую от любимого мужчины, и сама засветилась в ответ... Судорожный вздох заставил меня открыть глаза... Что такое?

Первым, кого я увидела, было немного самодовольное лицо Посланника.

Я огляделась... Пол комнаты покрыл ковер из нежно-сиреневых цветочков фиалки, в воздухе разлилось какое-то золотое мерцающее сияние, как будто вдалеке нежно звенели хрустальные колокольчики, воздух наполнился восхитительным ароматом весны, когда только-только пробуждается природа, набухают почки и воздух искрится от ощущения праздника и преддверия любви... Над цветами порхали бабочки, садились мне на руки, щекотали крылышками, путались в волосах. Я ошарашенно захлопала глазами.

— Вот, я вам заодно и продемонстрировал ваши будущие возможности... Это была Любовь в своем проявлении... В чистейшем виде, так сказать... Те же самые ощущения чувствуют все влюбленные на земле, только без материального воплощения... Посмотрите, Любовь превратилась в прекрасную женщину... Вы ведь выбрали возраст двадцать четыре? — я кивнула, сама я себя не видела, но как на меня смотрели остальные «Хранители» ощущала кожей... Поэтому просто опустила глаза и с улыбкой стала рассматривать бабочек...

Через время Посланник удовлетворительно сказал.

— Ну вот, я научил вас выбирать возраст... Вы можете его менять, в общем, как и свое тело... Изменять и модифицировать по своему желанию. Я помню прошлого Хранителя, не буду называть имя, вы его знаете по легендам. Так он все десять тысяч лет провел в теле быка. Странно... Ведь ваша человеческая составляющая очень сильна, вы в прошлом все люди, поэтому все ранние Боги жили в большинстве своем в человеческом теле... Хотя... как вам будет угодно...

Я огляделась краем глаза. В основном все выбрали возраст от двадцати до тридцати лет. Неудивительно. Теперь я их точно всех узнала. Красавица «актриса» сменила платье и теперь сидела в чудесном голубом воздушном наряде, сверкая бриллиантами. Хаос таким же и остался, полным, мрачным и злобным. Болезнь превратилась в молоденькую девушку, немного бледноватую, на мой счет, но все-равно привлекательную. (Интересно, теперь, когда ей досталось бессмертное тело, не подверженное никаким болезням и немощам, чем она займется?). Старушка — магиня перевоплотилась в симпатичную темноволосую женщину, одетую в длинное синее платье, закрытое до шеи. Богиня радости осталась в том же чумовом наряде, с колокольчиками и бусинками, только лицо помолодело и сверкало теперь белозубой веселой улыбкой... «Викинг» предпочел остановиться в возрасте тридцати... Это была его четвертая война. И он на ней стал генералом («Вспоминает, небось, как отправлял тысячи людей на смерть, негодяй», подумала я).

— Далее... — продолжал свою лекцию Посланник, — Учась на прошлых своих ошибках, я запрещаю вам появляться среди людей в своем настоящем виде... В прошлом было очень много проблем из-за этого... Боги развлекались, стравливали людей друг с другом, сталкивали государства, развязывали войны, похищали женщин, брали людей себе в

любовники, делали из них рабов... Из-за Богов развязывались войны, гибли целые народы, цивилизации... Их многочисленные дети творили на земле вражду и ненависть... Хорошо еще, что детям от них не передавалось бессмертие, а только некоторые сильные способности... Страшно подумать, что я мог увидеть, появившись здесь через десять тысяч лет... Остались бы только бессмертные Боги и их дети, а большинство людей погибло бы и пришлось бы возрождать цивилизацию заново... Правда, спустя тысячелетия они образумились... Может, ушли со временем их «человеческие» страсти, может, поумнели, но в конце все более-менее пришло в равновесие...

— Итак, — менторским тоном продолжал он, — теперь вы не сможете появляться среди людей в своем облике, только в невидимом виде. У вас есть, конечно, возможность воздействовать на человека, это же ваша работа, но только посредством сна или видений, но контактировать как раньше нет...

— Пока в вас еще много человеческого... Ваше тело поддерживает божественная энергия, но если захотите, вы можете, есть, спать, ходить в туалет... Ваше тело будет ощущать холод и жар, касание воды и дыхание ветра... Вы останетесь людьми, в прямом понимании этого слова, иначе какие из вас Хранители эмоций человечества, если вы будете от них отличаться?.. Вам еда не нужна, но если захотите ощутить вкус еды — ваше тело переработает ее... Все функции тела будут работать, как и раньше, только в вашей власти что-либо делать с ним... И да... Вас всего двенадцать, и я забрал у вас возможность контактировать телесно с людьми. Ваши тела материальны, но только в этом слое реальности... Вам будет скучно, и я хочу предупредить, что у вас будет возможность создавать... — тут Посланник запнулся, опять подбирая слова... — роботов... големов... искусственных людей... Они будут как живые, только без души, без божественной искры. Вроде умных животных... Они так же могут есть и спать, разговаривать и развлекать вас... В самом начале прошлые Боги очень много создавали их, потом, правда, переключились на людей, но как вариант от скуки — можете попробовать...

Посланник замер, как будто прислушиваясь к внутреннему голосу...

— У меня осталось совсем немного времени... У кого есть вопросы?

— А зачем вообще мы нужны людям? Зачем выбирать Хранителей? — тихо спросила Богиня тайнства и магии... Посланник светло улыбнулся.

— Вы — Хранители человеческих чувств, порывов, эмоций, переживаний... Вы должны быть на земле, чтобы люди не забыли, как любить и ненавидеть, смеяться и плакать, надеяться и разочаровываться... Вы — чувства в чистой, первозданной форме... Набор базовых, первичных эмоций... Квинтэссенция, так сказать. Это как мера весов в Парижской главной палате... Вы — эта мера... Вашей задачей будет не только присматривать за людьми, но и следить за равновесием положительных, и отрицательных чувств... Хотя, скажу честно, положительное, отрицательное — все это очень субъективно... Это только для вас, здесь, на земле... Я знаю миры, где естественным было бы убить своего ребенка, если он родился не в положенное время, а чуть раньше или позже... Или после определенного срока отдавать своих родителей в утиль, на уничтожение... Ну да ладно, не буду вас пугать... Вы выбраны из множества миллиардов людей... Это большая честь. Вам дан шанс перескочить многие перерождения и почти сразу приблизиться к Создателю... Поверьте, это самое удивительное и волшебное... — Посланник запнулся, подбирая слова, — у вас нет, к сожалению, в словаре такого определения, чтобы хоть немного описать... приблизить... понять, как это быть рядом с Ним... Это непередаваемо... И если

вы исполните свое предназначение, то в следующую нашу встречу, через десять тысяч лет вы, возможно, Его увидите...

Я медленно обводила взглядом Хранителей, пока Посланник читал свою лекцию. И думала. А ведь никто из нас так и не стал знаменитостью. Все мы, в какой-то мере лучшие на земле (по заверению Посланника), но оставались самыми обычными людьми. Мой «изобретатель» так ни разу не получил Нобелевскую премию и его именем не называли Институт. У Актрисы был прекрасный голос, но она не стала великой певицей, она шила одежду, имела несколько ателье, но не стала великим дизайнером, о ней писали в газетах, но в итоге умерла в неизвестности. Азартный Саймон всю жизнь провел в исследованиях, он состоял во многих клубах путешественников, объездил весь мир, но так и не прославился. Викинг много раз выигрывал войны, ставил на трон «своих» королей, но так и не стал богатейшим владыкой.

Странно... Неужели, те знаменитости, которые остались в истории, как великие ученые, талантливые полководцы, композиторы, актеры и многие другие. Просто не прошли экзамен? Или им его не предлагали пройти?.. Этого я никогда не узнаю...

— Еще вопросы есть? — Посланник обвел взглядом притихших будущих Хранителей.

— А можно...? — робкий тоненький голосок донесся с левого края... Богиня тайны и магии...

— Конечно, спрашивайте, Ионна, — кивнул радушно Посланник.

— Я хочу... поинтересоваться... Возможно, ли нам будет иметь... детей... — женщина смущенно улыбнулась, — у меня... в прошлой жизни на земле было трое... Два мальчика и девочка... — какая то особенная нежность послышалась в голосе... Да, помню я ее детей, прелестные детки получились... Правда, мужчины в ее жизни не задерживались, странная работа, непонятный дар женщины отпускали их.

— Да, дети... — Посланник задумчиво смотрел на нас... — Детей вы не сможете рожать, как прошлые Боги... Извините, но давать такую возможность я отказываюсь... Только у Афродиты их было больше двадцати... А про Зевса даже не хочу говорить — он наводнил своими отпрысками землю...

— Я специально так подобрал, чтобы было поровну женских и мужских особей... Возможно, вы создадите пары... Я не знаю... Я забрал у вас возможность делать детей с земными женщинами и мужчинами... Но оставил возможность родить ребенка между вами, друг с другом... Только есть несколько условий. Это должна быть истинная, настоящая любовь. Просто плотская, или обычная страсть, увлечение, притяжение ничего не создаст. Это уже новый уровень чувств. Извините, — Посланник развернулся в мою сторону, — даже вы ничего не сможете сделать, как Богиня Любви... Чувства должны быть выше ваших возможностей... — Посланник улыбнулся, — я сам не знаю, как это будет, но если это произойдет, и у вас родиться ребенок — это будет настоящее чудо. Вы родите нового Бога... Такого же, как и вы, бессмертного, с новым набором чувств, с новыми потрясающими эмоциями, которые он подарит миру, откроет человечеству.

— И он родиться здесь? В этом мире? — поинтересовалась я.

— Нет, — Посланник тепло посмотрел на меня, — Боги всегда рождаются на земле, среди людей. Это закон... Я же вам говорил... Он родиться от вас, вы будете его родителями, но как Хранители вы родите душу, божественную искру, а тело она уже обретет среди людей, на земле, проявит себя там и человечество озарится новым творцом.

Посланник взволнованно замолчал... — Я бы очень хотел увидеть это чудо....

Я сидела, сцепив влажные ладони и сердце внутри стучало как сумасшедшее... «Пока я его еще ощущаю» — усмехнулась я про себя... До сих пор я пребывала в каком-то странном оцепенении... День рождение, ночь воспоминаний, горьких и прекрасных, тяжелых и восхитительных... Прозрачное существо — полу-мужчина, полу женщина в моей квартире, странный отбор, куда я попала. Все плыло... Двенадцать людей из моих снов, таких знакомых и не знакомых, таких разных и противоречивых. Мой слабый, пока «человеческий» мозг не мог охватить всего масштаба предстоящих событий. Я даже не могла осознать, что Бог, оказывается, есть. И вот, его Посланник стоит напротив.

— Предупреждаю сразу — вам будет гораздо труднее... десять тысяч лет впереди — огромный срок... И вас всего двенадцать... Скука будет толкать на необдуманные поступки... Держитесь... Вы разумнее прошлых Хранителей, умнее и опытнее на десять тысяч лет, я надеюсь, достигните больших высот... Все в ваших руках... Конечно, в первое время, когда вы ощутите у себя внутри дыхание божественной энергии, когда вы почувствуете все те огромные возможности, которыми наделили, вас охватит эйфория вседозволенности... Я допускаю это... И предупреждаю, она схлынет рано или поздно и тогда нужно браться за работу... А вашей работой являются люди, живущие на земле...

Двенадцать мужчин и женщин застыли на своих стульях посреди огромной комнаты... Что ждет их впереди? Десять тысяч лет! Страшно подумать... Такая ответственность, такая ноша... «Справлюсь ли я?» — мысль вгоняла в панику и заставляла чисто по-человечески дрожать от страха.

— Сейчас я опять рассредоточусь и уединюсь с каждым. Дам последние личные, так сказать наставления... Потом я наделю вас частицей божественной энергии, и вы станете Хранителями в полном смысле этого слова.

«Что значит, рассредоточусь?» — охнула я мысленно.

Посланник усмехнулся. Постепенно, разговаривая с нами у него на лице стало проявляться все больше и больше эмоций, как будто он учился постепенно не только языку, но и мимике.

— Я могу сейчас стать рядом с каждым человеком на земле, и вести с ним занимательную беседу. Это в моих силах, да и в ваших тоже будет, вот увидите. Вы тоже сможете ощущать все души на земле, расщеплять свое сознание на миллиарды раз. К сожалению, я могу это только находясь в одном мире. Хорошо было бы, если бы я смог одновременно быть на каждом из моих подконтрольных миров. Но это может только Бог — Создатель. Увы, я не всемогущ.

«Это что, Посланник только что так пошутил?» — подумала я.

Существо размножилось и вот возле каждого из нас стоит по Посланнику. Мне протянули руку.

— Представьте, куда бы вы хотели попасть... — прозвучал голос в голове... И я тут же оказалась в моей тихой уютной квартирке. Такое ощущение, как будто меня не было пару лет — столько всего произошло! А на самом деле, только пару часов. Котенок, по-прежнему сопит, завернувшись в полотенце, уже совсем расцвело, многоэтажный дом проснулся, из окна доносился мерный гул машин.

— Любовь, теперь вопрос к вам, — сказал Посланник, как только я присела на диван, — Вы единственная, кто еще не умер... И в этом проблема... Как вам будет лучше — исчезнуть из этого мира совсем или оставить здесь тело... мертвую оболочку, чтобы ее похоронили? Выбор за вами...

Я растерялась... С одной стороны просто исчезнуть — плохо. Друзья начнут искать, беспокоиться, ведь неизвестность хуже всего. Что со мной случилось? Куда я делась? Опять же проблема с наследством, квартирой. А смерть?.. Сегодня я жду приезда Марины с мужем, Лидии, Кати... все они увидят мое тело, это будет шок и трагедия для них. Но с другой

стороны — поплачут, похоронят, и я останусь в их памяти, как светлое воспоминание, а я уж сверху постараюсь, чтобы их горе не было слишком тяжелым.

— Я согласна на смерть, — твердо произнесла я.

— Правильный выбор, — кивнул Посланник.

— Вы сказали ранее, что можно будет забрать котенка, — вспомнила я его обещание, — как это будет возможно? Не через смерть же?

— Нет, — усмехнулось существо, — я могу переносить живые объекты в другую реальность... Вас же я перенес... Заберете его с собой, а когда сами станете Хранителем сможете поддерживать его жизнь... Скажу по-секрету, вы единственная, кому я дал такой подарок — перенос в свою будущую реальность живого существа... Не будем никому говорить, правда?

Я улыбнулась... — Хорошо... не будем... Так о чем вы хотели поговорить со мной?

Посланник на несколько секунд замолчал и прошелся по моей квартире к окну и обратно. Медленно, как будто через силу он начал произносить слова... Запинаясь и задумываясь над каждым.

— Вы, как Хранительница Любви, будете влиять в той или иной степени почти на все поступки человека... И работа, и увлечение, и творчество, и хобби, и личная жизнь, и отношения с детьми, родителями, друзьями — везде присутствует любовь... Я неспроста дал вам забрать вашего котенка... Пусть у вас вначале будет хоть одно существо, которое вы бы любили...

Для... хм... вашей «работы» вам понадобится кого-то любить. Постоянно чувствовать в сердце эту эмоцию... Сначала можно, конечно, любить себя, природу, всех людей на земле, цветы, солнце... да хоть вашего котенка... Но потом... — Посланник запнулся... — чтобы поддерживать огонь в своей душе вам будет нужен объект... Для проявления, так сказать, романтической любви, любви к существу противоположного пола... Для всех других проявлений объект не нужен, но для этой любви... Ведь страсть, плотская любовь, это так же большая ее часть, почти половина... Платоническая любовь — это хорошо, но полная. цельная любовь без телесной не жизнеспособна... Опять же дети, супружеская любовь... Посланник замялся...

— Я не понимаю, — пробормотала я, — что вы мне пытаетесь сказать... Я знаю, что такое плотская любовь, я... умею наслаждаться ею и люблю... любила секс... — запнулась и засмушалась...

— Я веду к чему... Вам нужен будет объект для «плотской любви»... вы, конечно, можете сделать искусственного человека, и с ним... — Молчание... До меня начало доходить, — но долго это не принесет удовольствия, это путь в никуда... Да и вам всем нужно будет создавать союзы, пары...

— Вы что, — мой голос зазвенел от негодования, — решили подработать сутенером?!

— Нет-нет! — мне показалось, что Посланник даже обиделся, — я просто вас предупреждаю... Вам, Любовь, будет трудней всего... Если бы вы после проверки возраста подняли хоть на миг голову, вы бы увидели, как на вас смотрели мужчины... Это всегда происходит с Богиней Любви... И с прошлой, и с позапрошлой, и еще дальше... Вам дана сила вызывать любовь в сердцах, и в этом заключается опасность для вас... Все мужчины — Обман, Труд, Инстинкты, Хаос, Охота, Война будут.... бороться за ваше расположение... Потому что, вы — это Любовь в чистом виде... Вы же, наверное, заметили даже живя на земле, как реагировали на вас мужчины?

Я неуверенно кивнула.

— Так вот, здесь это возведется в энную степень... Будьте осторожны... Божественные возможности плюс тысячелетия скуки, плюс красивые сильные... кхм... Боги... Прошлая Любовь натворила много бед и несчастий из-за своей неумной любвеобильности...

Возможно, вы знаете, ее звали и Венера, Афродита, и так далее... была не очень разборчива в связях. У нее в любовниках побывали многие. И Боги и люди. Она успела вмешаться в судьбы, разрушить целые цивилизации, уничтожить народы... Десять тысяч лет долгий срок.

— Я поняла, — кивнула я, — достаточно... — Мне был неприятен этот разговор... Еще не совсем освоившись со своим новым статусом уже пугать грозящими несчастьями... Глупо.

«Интересно, а что он в этот момент говорит моим коллегам по несчастью?» — мелькнула непрощенная мысль в голове... «Неужели, то же самое?»

— Нет, — мотнул головой Посланник, — каждому свое... но это тайна... И последнее... Дружеский совет... вы мне очень симпатичны, поэтому предупреждаю вас, не создавайте любовную пару с Войной... Этот союз будет крайне неудачным... В прошлом ваша предшественница очень долго была... — Посланник замолчал на секунду... — влюблена в Войну, это плохо кончилось... У них родились страшные дети... Они принесли много горя миру... Не нужно... Когда схлынет первая эйфория от ощущения себя Богиней, — нет-нет, не кривитесь, — перебил мое возмущение посланник, — вы еще будете долго на себе ощущать ваши земные чувства и эмоции, все-таки вы еще во многом человек... постарайтесь выбрать достойный объект для своей любви... Выберите... Ну, хотя бы Труд, Охоту или Торговлю... Очень хорошая партия для вас... Азарт, риск, экономический всплеск, новые открытия, все это будет полезно для человечества...

Я иронично улыбнулась.

— Не могу обещать с Охотой или Торговлей, но можете быть точно уверены, что с Войной никаких отношений у меня не завяжется. Мы с ним абсолютные антагонисты.

— Хорошо, — кивнул Посланник и на секунду прислушался к себе, — Пора...

Я взяла на руки полотенце с котенком и подошла к Посланнику...

— Секунду... — раздалось у меня в голове и я ощутила странный всплеск... наверное магии... как будто свежий легкий ветерок пронесся по комнате. Запахло грозой.

Я вскрикнула — на диване лежала я. Спокойное, умиротворенное лицо, закрытые глаза. Я подошла ближе — женщина не дышала. Я испуганно обернулась к Посланнику.

— Это я?

— Это просто ваша оболочка, она останется здесь, сегодня вас найдут и отвезут в морг. Я оставил открытой дверь... Не плачьте, — видя как по моим щекам потекли слезы, произнес он тихо... — вы же понимаете, что так надо...

Я понимала. Наверное... Но представив лицо Марины, Кати, после того, как меня найдут, не смогла сдержаться.

— Да, слишком много еще человеческого... — пробормотал Посланник, — пойдемте, пора...

Через мгновение я оказалась в знакомой серой комнате со стульями. Почти все Хранители появились одновременно. Лица были... разными... И огорченными, и хмурыми, и любопытными, и веселыми. Интересно, о чем с каждым говорил Посланник? Но я этого никогда не узнаю.

— Последнее наставление перед моим уходом, — объявил он, опять соединившись в одно существо... — Вы не должны стремиться сделать всех людей счастливыми, это невозможно, да и не нужно. Равновесие должно быть в общей массе. Люди будут всегда выбирать для себя — доброту или злобу, любовь или ненависть, жадность или великодушие... Это только их выбор... Ваш выбор — чтобы равновесие сохранялось на всей земле. Ваша работа заключается в том, чтобы просто жить и действовать в согласии с теми принципами и чувствами, с которыми вы пришли в этот мир... Чтобы чувства жили на земле — Любовь должна любить, Радость радоваться, Война воевать, Ненависть ненавидеть... Делайте то, что вы делали всю свою жизнь... И равновесие будет сохранено...

— А сейчас небольшое наглядное пособие... Я понял, что вы мне не верите, или еще не понимаете, как будет работать ваш дар... — Посланник протянул руку Радости и заставил ее встать и подойти... — Теперь Хранитель азарта, — Саймон так же встал рядом, — я бы попросил вас поцеловаться, но боюсь... не буду заставлять. Вы же не достаточно знакомы... Поэтому просто обниметесь... — Радость с веселой улыбкой распахнула объятия, мужчина крепко обхватил ее руками... Я замерла, что же произойдет? Посланник чуть улыбнулся и произнес, — достаточно, а теперь смотрите... Направьте свой взор вниз и прислушайтесь... Чувствуете?..

Я закрыла глаза и сосредоточилась. И вдруг на краю сознания почувствовала чей-то яркий огонек безудержной радости и какого-то дикого восторга. Это выглядело, как огненная вспышка, искра далеко, почти за горизонтом. Где-то в Европе, только что, мужчина выиграл Джек-пот в казино, став богаче на миллион долларов. Я ошарашенно застыла... Вот оно как работает. Значит, мы так можем? Это так удивительно! Я открыла глаза — все улыбались, а больше всех радовалась смешная яркая девушка с колокольчиками на юбке. Смеялась и кружилась по комнате. Наша Радость... Воздух в комнате завибрировал от ликования и веселья. Лица непроизвольно растягивались в улыбке, даже Хаос криво и как то вымученно ухмыльнулся.

Посланник дал нам время прийти в себя и сказал.

— Вот вы и увидели работу Радости в союзе с Богом азарта... Итак, до встречи через десять тысяч лет, сейчас я в вас вдохну божественную суть и уйду в следующий мир... Прощайте, — я замерла... Вот оно, то чего я так страшилась и ждала, сейчас я стану Богиней... Посланник как будто шумно выдохнул и по комнате пронесся знакомый свежий, пахнувший озоном ветер, только теперь не легкий, как у меня дома, а сильный и яростный, более похожий на ураган... Меня чуть не сдуло со стула... И когда ветер обнял меня, окутал, прошел сквозь тело, я наполнилась чем-то непостижимым, тайным и священным... Меня распирало изнутри, как тугой баскетбольный мяч. «Это и есть божественная сила?» успела подумать я, перед тем, как увидеть странную прощальную улыбку Посланника и взмах его руки... Исчез... Мы все каменными изваяниями застыли на стульях, только я тихонько гладила пушистую теплую шкурку своего Рыжика.

Часть вторая

Праздник... Бесконечный, оглушающий... Пьянящее чувство вседозволенности и могущества кружит голову. Мне хочется обнять весь мир, все люди, живущие там, внизу и вокруг меня мои братья и сестры, мои дети. Я чувствую каждое маленькое сердечко, каждый искренний порыв, каждый энергичный вздох. Я — Богиня! Я могу все! Я — бессмертна и прекрасна!.. Я плыву в море упоительного восторга и наслаждения. Каждая клеточка моего тела вибрирует и звенит от радости...

Мое тело наполнено невероятной легкостью, пузырьки шампанского бурлят в крови и щекочут кожу изнутри. На границе сознания мелькает мысль, что Посланник предупреждал меня об эйфории, о том, что первое время мне нужно будет привыкать к обретенному всемогуществу и сверхъестественным способностям.... Я отметаю мысль, как ненужный мусор... Как мне хорошо, не передать словами! Я никогда в жизни не чувствовала себя лучше, даже в детстве, когда я каждый день открывала для себя что-то новое и удивительное, когда впервые узнавала и познавала великолепие мира, когда все было ярко и вкусно... Когда небо было огромным голубым куполом, а деревья — величественными великанами, когда воздух благоухал тысячами волнующих запахов, а пальцы впервые ощущали нежные лепестки цветка или шершавую твердость камня.

Как удивительно! Я летела по воздуху над бескрайним лазурным морем, навстречу ослепительному яркому солнцу и душа пела от счастья. Вдали показался мой прекрасный замок. Качнулись флажки на башенках, приветствуя хозяйку, засверкали хрусталем высокие стрельчатые окна, улыбающиеся мраморные статуи на балконах и террасах протягивали мне руки. Как он красив, мой дом! Я остановилась и с восхищением залюбовалась своим первым серьезным творением в этом мире. Прошло уже столько времени, а я до сих пор не могу насмотреться. Я создала его как нечто среднее между замком Нойшванштайн и Ласточкиным гнездом. Оба мне безумно нравились, но Гнездо было слишком маленькое, а Нойшванштайн слишком большим. Поэтому я создала свой. Средний. На высокой скале, парящей над морем. Окруженный пушистыми соснами и зелеными холмами. Как-будто я перенеслась в сказку «Красавица и чудовище», где за дремучими темными лесами пряталась такая красота.

Мой Рыжик вылетел мне навстречу и коротко мяукнул, здороваясь. Крохотный котенок вырос и превратился в толстого пушистого кота, я ему приделала крылья, чтобы он мог передвигаться по воздуху, путешествуя вместе со мной. И теперь он, так же как и я не мог усидеть на месте, летая за бабочками и птичками, которые я создавала, развлекаясь. Только над морем он летать не любил. Врожденная нелюбовь котов к воде, наверное, заложена в крови. А я, напротив, так любила море, что могла целый день проводить на своем острове ныряя и плавая вместе с рыбами. Мой прекрасный мир, созданный мной. Огромный, восхитительный, наполненный чудесами. Я подлетела к Рыжику и погладила пушистую спинку.

— Ну что, домой? — спросила я... Кот коротко муркнул, соглашаясь... И мы направились к замку.

Сначала было трудно. Даже не трудно, а просто непонятно. Что делать с новоприобретенной силой? Где жить и как? Нужно ли питаться или спать? Чем кормить кота? И многое другое. После того, как исчез Посланник, я растерялась. А потом просто пожелала оказаться в своей квартире. Я в ней и оказалась, конечно, но кроме квартиры ничего вокруг не было. Пустота... Из окна я видела белый клубящийся туман, открыв входную дверь, уткнулась в завесу мглы. Я попыталась представить свой двор, город и деревья за окном. И о чудо — через секунду я смотрела на свой обычный ежедневный пейзаж, виденный мной каждый день в течение многих лет. Я стала экспериментировать.

Силой воли можно было сотворить что-угодно — небо, солнце, лес вдалеке, озеро, уток, плавающих в нем. Раздвинуть границы квартиры на две, три, четыре комнаты. Я как ребенок радовалась и озорничала. Переделывала мир за окном, пока не остановилась на парковой роще и маленькими уютными скамеечками вдалеке. И завалилась спать. Может привычка. Память тела, так сказать, но создав себе пару бутылочек йогурта для себя и блюдец с молоком для Рыжика, я поужинала, и глаза стали слипаться. Недолго думая расстелила свой диван и с наслаждением вытянулась на хрустящих простынях. Красота!..

Каждый день я открывала что-то новое. Наверное, мы все учились работать со своими приобретенными способностями, так как несколько лет я никого из «коллег» не видела поблизости. Наш мир был огромен, и для каждого Хранителя был выделен огромный кусок пространства. Я улыбнулась про себя. Никто не согласился жить в общем городе. Интересно, а как же мы в дальнейшем будем встречаться, если все Хранители разбежались по своим углам? Но эта мысль меня почти не волновала. Я открывала каждый день в себе такие потрясающие возможности и силы, что наши будущие гипотетические «встречи» отошли на задний план.

Сначала я подключилась к информационному банку и поразузнала все интересующие меня события и тайны. Просмотрела жизнь Алексея после развода со мной, Сергея до меня. Алексей так и остался неисправимым бабником и повесой. Своим будущим двум женам он так же изменял, как и первой. Как и мне. Но оставался первоклассным хирургом и очень интересным мужчиной. На данный момент он еще работал в той самой областной больнице главврачом, его мальчишки выросли и сами уже переженились. Последняя жена Алексея была его младше на двадцать лет и ее совершенно не волновали измены мужа. Только бы давал деньги и возил за границу. Странно, но меня ничего не трогало. Я как будто бы дистанцировалась от своих «земных» эмоций. Вместе с приобретением божественной силы потеряла некоторые «человеческие» переживания. Сожаление, зависть, ревность. Их не было. Возможно, просто много лет прошло, все забылось, возможно, я перешла на новый уровень чувств.

Я научилась мгновенно перебирать знания из базы (теперь я понимаю, Посланник не знал наши языки и историю, он просто постоянно выдергивал слова и выражения из информационного банка, поэтому немного тормозил). Я просмотрела биографии моих любимых писателей и поэтов (немного и достаточно сильно отличающиеся от написанных в учебниках), я смеялась над забавными событиями и огорчалась, что не смогу прочитать утерянный стих Маринке, ее любимого поэта — тот сжег его в камине.

Я перестала спать и есть... Зачем? Я и так прекрасно себя чувствовала. Я торопилась,

боялась не успеть все узнать, во все вникнуть. За несколько месяцев я облетела все уголки земли, где я хотела побывать, будучи живым человеком. Невидимой я ходила по залам Лувра и по Великой Китайской стене. Взлетала на пик Эвереста и погружалась в Марианскую впадину. Мне не нужно было дышать, я не чувствовала холода и голода, в моей невидимой форме было очень удобно совершать такие вылазки. Я плавала рядом с китами и дельфинами, целовала в мордочку белую акулу и каталась на снежных вершинах айсбергов.

Я упивалась своими возможностями. Я открыла, что могу мгновенно перемещаться в пространстве — стоит только пожелать. Стоя на вершине Эйфелевой башни через секунду могла находиться на Эмпайр стейт билдинг, и через мгновение — у себя дома. В своей реальности.

Постепенно я начала понимать, что все эти земные чудеса я вполне могу создать у себя дома. И принялась строить свой собственный мир.

Я давно мечтала о дворце. Наверное, все девочки в детстве хотят ощутить себя сказочной принцессой. Я до сих пор помню, какое на меня впечатление в детстве произвел наш старый советский фильм «Золушка» с Яниной Жеймо в главной роли. Я осмотрела много прекрасных дворцов и замков, и в своей «земной» жизни, и сейчас, путешествуя в бестелесной форме. И решила все-таки остановиться на миниатюрной копии Нойшванштайна в Баварии. Я в него просто влюбилась, когда мы с Сергеем ездили зимой в Германию в отпуск. Тщательно, шаг за шагом, каждую секунду сверяясь с базой знаний, я возводила свой дворец. Конечно, башенки и шпили носили лишь декоративный характер, я вообще не знала, что с ними делать и на экскурсиях там не была. Поэтому внешний вид оставила, а внутри все сделала по-своему. Реально я жила в трех-четырех комнатах. Остальные служили выставками самых любимых музейных экспонатов. Я копировала да Винчи и Рембрандта, Моне и Ренуара. Несколько залов были отданы под моих любимых импрессионистов и романтистов. Постоянно сверяясь с оригиналами, я наводнила свой дворец мраморными скульптурами великих мастеров. У меня стояли Аполлон Бельведерский и Дионис, прекрасная Афродита и Артемида Версальская. Спящая Ариадна радовала мой взор в спальне, а Амур и Психея в библиотеке. Было даже какое-то извращенное удовольствие ходить мимо воплощений в мраморе прошлых земных Богов мне, Богу теперешнему.

Самые любимые экспонаты Эрмитажа почти полностью перекочевали ко мне в замок. Я как полоумная носилась по музеям земли, выискивая новую захватывающую дух редкость. Пока весь замок не превратился в забитый под завязку музей. Я даже подумывала расширить его еще немного, но потом трезво поразмыслила и решила — если захочу увидеть все воочию, я смогу в любой момент перенестись и полюбоваться так сказать, оригиналом. Зачем все это здесь?

Рыжик за время моей адаптации освоился и вырос. Я немного модифицировала его тело, чтобы он мог перемещаться по воздуху. Рыжие крылышки очень органично дополнили его пушистую тушку. Сама же я перемещалась просто усилием воли, захотела оказаться на острове — через долю секунды была там. В лесу — вот уже стою под соснами. Я иногда модифицировала свое тело, но пока очень неуверенно и робко. Было немного страшно делать себе крылья, хвост, или плавники. Но постепенно привыкла и теперь летаю над морем с помощью своих собственных крыльев, а в море плаваю быстрее дельфинов.

Я создала у себя на втором этаже огромную библиотеку, хотя иногда приходила мысль — зачем? Ведь если мне понадобятся знания, я сразу же могу их получить напрямую из

базы. Но привычка держать в руках книгу и читать пока не исчезла совсем. Посланник же говорил, что пока у нас всех много «человеческого».

Рядом с библиотекой оборудовала современный кинотеатр. Огромный экран, глубокие мягкие диваны. Иногда смотрела фильмы, прокручивая их тут же через информационный банк на экран. Не хватало попкорна и колы — сделала и их. В общем, развлекалась, как могла. Пока все мои так сказать «развлечения» ограничивались невинными земными удовольствиями. То, что я помнила из прошлой жизни, то, как мне казалось там внизу, мне не хватало. Сейчас я была предоставлена сама себе, и я наслаждалась каждой минутой. Пока скучно не было, Посланник предостерегал зря.

Я ни разу не встречала других Хранителей, ни на земле, ни здесь, в этом слое реальности. Никто не горел желанием встречаться или общаться. Только однажды, летя над Тихим океаном, я почувствовала чье-то присутствие. Совсем близкое. Не дальше пары километров. Я обычно не летала на Земле. Перемещалась мгновенно, но тогда зачем-то решила насладиться полетом рядом с альбатросом. Он так красиво парил в потоках воздуха, что я летела рядом и, рассматривая его огромные белоснежные крылья, подумывая, не завести ли у себя в мире парочку таких птиц. И вдруг почувствовала родственную душу совсем рядом. Как-будто вдалеке загорелся теплый огонек, такой родной, такой близкий. Он излучал свет, притяжение и силу. Я даже остановилась растеряннo, так было хорошо и приятно. Альбатрос, что-то крикнув, улетел дальше, а я направилась к огоньку. Подлетая ближе я увидела ракетный крейсер. Огромный грозный военный корабль, ошестинившийся пушечными стволами и радарам. «Американские ВМС» — пронеслось в голове из информационного банка. И уже различая на палубе стоящие рядами вертолеты и другую технику, наконец, сумела идентифицировать Хранителя на борту. Ну конечно, как я могла так опростоволоситься, но было поздно — меня заметили. «Черт побери», — пробормотала я.

Хранитель Войны вдруг появился прямо передо мной, как вышеуказанный персонаж из табакерки. Я даже отшатнулась от неожиданности. Я видела Гранта как полупрозрачное тело с нечеткими контурами и лучистым ореолом. «Интересно, я тоже так выгляжу со стороны?». Наверное, тот осматривал корабль. «Конечно, он же жил в прошлом веке, такой техники и вооружений тогда не было, какое раздолье и простор для его воображения».

Война просто молча висел в пяти метрах от меня, и, казалось, рассматривал... Я смутно улавливала клубок разнообразных противоречивых эмоций, исходящий от Хранителя — заинтересованность, любопытство, восхищение, раздражение.

— Э... Прости, что отвлекаю от важного дела, — вежливо начала я, — пролетала мимо, вот решила поздороваться... — Хорошее воспитание дает о себе знать... Как мне не неприятен человек, и что он собой олицетворяет, поздороваться нужно обязательно... Все-таки нас всего двенадцать... Почти братья и сестры.

— Я помню тебя, — вдруг без всякого вступления сказал Грант. — Любовь Николаевна Воробьева. Ты жила здесь, в этом мире. В этом времени.

— А вот я совсем не помню тебя, — решила задеть его я, хотя это было неправдой. Гранта я помнила хорошо. Даже слишком. До меня донеслась вполне предсказуемая волна злости.

— У нас еще будет время познакомиться, много времени... — как то странно заявил он... Я озадаченно хмыкнула...

— Ну, я полетела... Пока... — быстро попрощалась я, резко развернулась и со всех

ног/крыльев понеслась следом за альбатросом, еще долго ощущая задумчивый взгляд в спину.

Два года заняло у меня строительство своего мира и привыкание к способностям, путешествия по земле и осмотр всех достопримечательностей.

Я проработала горизонт вширь на сотни километров. Чтобы из самого верхнего балкончика замка не видеть белый туман небытия. С одной стороны у меня плескалось синее море, с другой — хвойный лес и пологие холмы. Когда надоедало лето — приходила зима и деревья укрывало снегом (Рыжик не любил снег и не высывался в этот период из замка, ждал пока его хозяйка не наиграется). Когда надоедала зима — я меняла снег на яркую зелень и жаркое солнце. Порхали бабочки, во дворе били фонтаны (скопировала несколько наиболее красивых из Петергофа и Лувра), я наслаждалась этой красотой и ни о чем не думала. «Посланник же сам говорил — Любви нужно любить, и все! Вот я и люблю!» успокаивала себя. Люблю красоту, окружающую меня, мой чудесный дом, мой прекрасный мир, моего Рыжика, наконец! И больше мне ничего не нужно.

Когда Рыжик стал проявлять беспокойство в чисто «мужской сфере», я поняла, что пришла пора потренироваться и создать новое существо более высокого уровня. Нет, бабочек, мелких птичек и рыб я делала давно, они порхали у меня в саду и плавали в море, мне даже иногда казалось, что они сами размножаются, потому что такого количества бабочек, которые выются вокруг меня, я точно не делала.

«Ну вот, — грустно подумала я, — и Рыжику понадобилась плотская любовь». Чтобы не напортачить в первый раз, я тщательно осмотрела земную кошку, найденную мной на улочках Праги. Она злобно шипела в мою сторону, пока я рассматривала ее со всех сторон. «Неужели животные меня чувствуют? Нужно будет проверить более подробно», — подумала я.

Сверила анатомические подробности кошки с базой данных и вуаля — изящная гибкая черная кошечка сидела у меня на кушетке. Рыжик в первое время даже опешил от неожиданности. А потом бросился за ней в погоню. Шум и гам стоял во дворце с утра до ночи. Так как кошку я сделала тоже с крыльями, они еще и носились по воздуху. Через пару дней возни и драк коты успокоились и подружились. Кошка была немного... странная... Возможно, потому что искусственная? Не знаю... Нет, у нее присутствовали все кошачьи наборы эмоций и повадок... Она умела шипеть и мяукать, урчала, когда ее гладили по спинке, даже пила молоко и гонялась за бабочками. Но некоторая «чужеродность» все-же была. Слишком спокойная, не энергичная, как только она оставалась одна в комнате — как будто внутри отключался моторчик и она замирала. В общем, не такая как Рыжик... Но его все устраивало в своей невесте, и я решила, что первый эксперимент удался.

Людей я пока не создавала. Наверное, боялась. Несколько лет мы жили во дворце только с Рыжиком, а теперь появилась Ночка.

А однажды, смотря фильм в своем кинотеатре, я почувствовала присутствие Бога рядом. Радостное ощущения родства, единения. Я так внимательно прислушивалась к своим чувствам, что даже не заметила, как меня обняли сзади горячие крепкие руки.

— Кто здесь? Что вы делает? — тут же закричала я, мгновенно переместившись на край комнаты и зажигая свет. Возле моего киношного диванчика стоял Бог охоты и улыбался.

— Саймон?.. Как ты здесь оказался? — ошарашенно произнесла я.

— Милая Любовь, ты разве не знаешь, что мы можем перемещаться в любую точку мира по своему желанию. Вот я и пожелал оказаться рядом с тобой. А ты оказалась так беспечна, что не наложила запрет на посещения.

«Вот это номер» — с ужасом подумала я... — «А если бы я была в спальне, или плавала обнаженная в море, или еще что? Нужно будет придумать, как защититься от таких непрошенных гостей».

— А как мне наложить этот самый запрет? — спросила я Саймона.

— Ты можешь просто захотеть и все... Твоя сила воли — вот единственный запор и преграда для непрошенных гостей. Твой дом — твое создание. Он понимает и чувствует тебя, ты же его создала, просто прикажи никого не пускать внутрь... — ответил Хранитель с улыбкой... — возможно, зря я это сказал, теперь просто так к тебе не попасть.

— Может и зря. Может и нет... Но спасибо, — вежливо кивнула я, и гостеприимно заявила, — хочешь посмотреть мой дом?

— С удовольствием, — улыбнулся Хранитель.

Мы ходили из комнаты с комнату, я рассказывала, как я копировала скульптуры и полотна великих мастеров. Мы смеялись над моим рассказом о том, как я делала пару своему коту. Обсуждали проблему с «искусственными людьми». Оказывается Саймон уже давно создавал для себя... как он сказал — лекарство от скуки... Я подозреваю, что это были девушки. Что-то мне подсказывало, что Хранители — мужчины сразу схватились за эту возможность, создавать особ женского пола, каких душа пожелает. Самых красивых, самых очаровательных и восхитительных. Я хмыкнула. Это ли не самое страстное желание каждого мужчины? Особенно, если он всемогущ и бессмертен.

— Теперь я знаю, что тебе подарить в следующий мой приход... — сказал Саймон, когда мы уже выходили из зала импрессионистов... — А то я банально принес цветы, — он как фокусник извлек из-за спины огромный букет белых роз.

— Спасибо, — засмущалась я... — за два года ты первый мой гость... А вы с кем-нибудь встречались? А то я...

— Да, Любовь, ты нас совершенно игнорировала... — улыбнулся Саймон искушающей улыбкой, — а мы встречались... Хотя, если честно тоже стали это делать не так давно... Поначалу каждый самостоятельно осваивал свои возможности... Где-то пару месяцев назад Аманда впервые посетила меня... После этого мы и начали встречаться... Постепенно присоединились другие... только Любви не хватает.

— И кто в вашей компании? — поинтересовалась я заинтересованно.

— Я, Аманда, Никола и Дэвид, — я мысленно перевела — Охота, Радость, Инстинкты и

Торговля. Странный набор. Хотя...

— И что вы делаете вместе? — я впервые увидела себе подобных и поняла, что соскучилась по общению. По друзьям, по обычным разговорам ни о чем. Оказывается, несколько лет одиночества сказались на мне не очень хорошо. Мне казалось, что в последнее время чего-то не хватает. И теперь, наконец я поняла чего. Мне не хватало ощущений. Я ведь почти перестала, есть пищу и спать, разговаривать с людьми, смеяться шуткам. Общаться. Да! Именно этого мне не хватало.

— В основном развлекаемся, — ответил со смехом Саймон, — Аманда такая шутница... Присоединяйся к нам... Я что пришел то... Сегодня мы устраиваем вечеринку в восточном стиле... Пати, как говорит Аманда на американский манер. Придешь?

— Спасибо за приглашение, приду обязательно... Ты знаешь, я действительно погрязла в своем одиночестве... А как мне к вам переместиться?

Саймон с укоризной посмотрел на меня.

— А! Ну да... Забыла... Во сколько нужно прийти?

— Люба, здесь же нет времени, и приготовления к самому грандиозному банкету занимают с нашими способностями пару секунд... Ты готова?

Я растерялась.

— Так быстро? Я... не одета... И... Саймон опять скептически на меня покосился...

Я почувствовала себя деревенской дурой... Круглой, как бублик... Тут же сотворила на себе вечернее платье в пол, высокую прическу и туфли на каблуках. Бриллиантовые серьги и кольцо дополнили наряд. — Я готова.

— Вау! — донесся восхищенный вздох Саймона, — может ну ее, эту вечеринку. Останемся у тебя, развлечемся вдвоем? — в голосе мужчины послышались ласкательные интонации. Он медленно стал приближаться ко мне.

— Нет-нет, — немного обиженно и испуганно воскликнула я и переместилась на пару метров назад, — я с незнакомыми мужчинами не... развлекаюсь... И ты меня пригласил на вечеринку!

— Какая-то ты боязливая, Любовь... Как-будто шестнадцатилетняя девушка... Ну ладно, успеем мы еще познакомиться... Поехали!

Саймон взял меня под руку, и я через мгновение стояла перед красивой виллой в восточном стиле.

— Это мой дом, — кивнул Саймон, — все уже там, проходи. Переместил тебя не сразу внутрь, хотел, чтобы ты полюбовалась домом. Но по сравнению с твоим сказочным замком, мой — бледная скупая фантазия, — притворно вздохнул мужчина.

— Ну что ты! — возмущенно воскликнула я, — прекрасная вилла. Похожа немного на Тадж-Махал... Только в уменьшенном варианте.

— Я всю жизнь увлекался Востоком, много путешествовал по Индии, Таиланду, Китаю, — проникновенно произнес Саймон, приобняв меня за талию, — хотя, если честно, это уже третий мой вариант дома. Я такой непостоянный...

— Ну да, — пробормотала я, — Бог азарта все-таки... Саймон улыбнулся и повел меня в дом.

Внутри уже витал в воздухе дух шального безудержного веселья... «По-моему марихуана», — принялась я. На великолепных персидских коврах, сидели полукругом Аманда, Никола и Дэвид. Аманда курила кальян, жмурясь, как довольная кошка, рядом с ней на подушках улегся Бог торговли, по-хозяйски положив руку ей на бедро. На полу стояли

низенькие столики, на которых в больших пиалах находились разнообразные экзотические фрукты, орехи, пахлава. Изобилие поражало. Несколько сортов винограда, клубника, сливы, груши, дыни, ананас, киви, карамбола и еще много разного, что я никогда в жизни не видела.

— А вы неплохо подготовились! — воскликнула я, приветствуя коллег. Дэвид протянул мне для пожатия руку, не отрывая второй от бедра Аманды. «Они что, близки?» — мелькнула мысль. И тут же пропала — свободны, всемогущи, бессмертны. Что еще нужно? Пусть делают, что хотят.

— Милая Любовь, — радостно пропела Аманда, с таким видом, как будто мы расстались только вчера, — тебя нам как раз и не хватало! Присаживайся.

Я скептически осмотрела свое вечернее платье и поняла, что погорячилась. Тут же на мне оказались джинсы и белая шифоновая блузка, завязанная на животе узлом, по-ковбойски.

— Совсем другое дело, — со смешком произнес Саймон, по-хозяйски обнимая меня за плечи.

— Ты знал! — обвиняюще толкнула его локтем в бок.

— Но платье то было изумительно, — рассмеялся он, — когда бы я еще тебя в нем увидел.

Меня охватил хмельной кураж. Как-будто издалека доносилась легкая восточная музыка, в глубине комнаты танцевали изящные полуобнаженные девушки в тонких шароварах. Клубился беловатый дым, таинственно окутывая фигуры сидящих. В дымке терялись очертания стен, мебели. Я как будто попала в таинственную восточную сказку... «Алладин» или «Тысяча и одна ночь»... Приятно пахло сандаловым деревом и корицей... Я откинулась на подушки, Саймон протянул бокал вина, я, не задумываясь, сделала большой глоток...

— Какая прелесть! Что это? — воскликнула я.

— А то! — самодовольно ответил Саймон, — не только ты копируешь раритеты и ценности. Я занимаюсь тем, что копирую лучшие напитки мира. Шато Лафит-Ротшильд урожая 1982 года — прошу.

Я восхищенно вздохнула, особенно после того, как обратилась к энциклопедии и поняла, что в обычной жизни мне его не пришлось бы пить никогда.

— А зачем пить вино внутрь? — вдруг спросил Дэвид, — ведь можно сразу в крови нахимичить этиловый спирт и ты уже пьян! Вот я так и делаю.

— Нет, — воскликнула Аманда, — так мы скоро совсем забудем, как пить, есть, заниматься любовью... Будем вскоре только лежать и химичить... Нет-нет-нет! Мы пока еще люди и будем жить как люди, правда, Николя? — Аманда повернулась к Богу Инстинктов. Я, если честно была очень удивлена, увидев его в этой развеселой компании. Плотный безучастный мужчина полулежал на подушках, и все время жевал, молча и сосредоточенно. Ну и иногда пялился на танцующих девушек.

— Правда, — буркнул он, не отвлекаясь от еды.

Есть мне не хотелось. Тело уже забыло, как это — что-то жевать, проталкивать в горло, глотать. Зато пить получалось прекрасно, ну и иногда брала виноградинку или клубнику и смаковала. Аманда рассказывала, как осваивала свои возможности, мы смеялись. У всех было чем поделиться. Я рассказывала, как пыталась создать настоящую кошку, сколько литературы и анатомических справочников перелопатила. И как оказалось зря.

— Нам только нужно представить в голове, вообразить, что мы хотим — и оно

сделается само, — хохотал Дэвид... — а ты справочники!

Они все уже давно занимаются клонированием. Слуги, танцовщицы, собеседники. Постельные утехы. Я со своей кошкой была самая отсталая и закомплексованная среди них.

— Эх, Любовь. Знал бы я, что тебе нужна помощь в образовании, пришел бы раньше, — промурлыкал мне на ухо Саймон.

Я обернулась к мужчине, сидящему рядом... Его глаза смотрели тепло и восхищенно... Мое сердце затрепетало. Так непривычно. Два года одиночества, почти аскетизма — и я уже почти забыла, как оказывается, хорошо обниматься с красивым мужчиной. Как приятно чувствовать его сильные руки, как чудесно вдыхать мужской запах и реагировать на комплименты.

— Научишь меня создавать искусственных людей? — шепнула я смущенно.

— С удовольствием, — горячее дыхание взъерошило волосы на виске.

Атмосфера в комнате становилась все более раскованная и непринужденная. И мужская рука на талии, ранее меня напрягавшая и раздражавшая, теперь казалась естественной и на своем месте.

Прекрасное вино, экзотические фрукты, приятная музыка, а главное — мы пусть немного, но своими эмоциями все-таки воздействовали друг на друга. Радость, Азарт, Любовь, Обман, Инстинкты. Вместе получился весьма оригинальный микс.

Легкость, непринужденность, естественность и некое родство душ. Все это сблизило нас.

Я захмелела... С пьяной восхищенной улыбкой обвела взглядом друзей... Аманда приносила восторженность и смех, Саймон — азарт и любопытство, Николя олицетворял естественную природную тягу к земным удовольствиям, я же наполняла компанию мягким светом любви и доброты... Нет, мы не так сильно действовали друг на друга, как могли на людей, но все-равно легкий налет эмоции каждого прослеживался... Это я пока еще замечала. Пока еще совсем не напилась. Я знала, что в любой момент могла бы протрезветь, но не хотела этого. Мне было хорошо и весело, я совершенно не хотела приходить в себя.

Аманда была так похожа на мою Марину, оставшуюся на земле. Такая же смешливая и легкомысленная, яркая, как экзотические цветок, кокетничающая напропалую и стреляющая глазами наповал.

— Я всю свою жизнь провела с толпой народа... — смеялась она, — в нашей коммуне вместе жило

почти двести человек... Я и родилась в семье хиппи. Другой жизни я и не знала. Объездила с родителями весь мир, была и в Европе, и в Мексике, и в Индии. Я так привыкла к тому, что рядом кто-то все время находится, что оставшись одна после ухода Посланника, — тут она вскинула возмущенно голову и попыталась нахмуриться. Грозный вид у нее получился так себе... — а вы все смылись почти сразу, — она ткнула в меня пальцем, — Любовь первая сбежала, потом Война, потом... — она вздохнула, — пару секунд — и я сижу она на стуле в пустой комнате... Как мне стало грустно! — всхлипнула притворно она.

— Да ладно, Аманда, не заливай, — чмокнул в щечку свою девушку Дэвид, — я уверен, ты долго не могла грустить.

— Конечно... А что мне было делать, — строить обиженную мордашку у Аманды получалось так же плохо, как у годовалого ребенка... — Я захотела в свою родную коммуну и тут же так перепугалась, как никогда в жизни — комната, где мы разговаривали с

Посланником оказалась забита толпой народу и все голые! — воскликнула она, округляя глаза... Мы все засмеялись, представить эту картину.

— Вам смешно, а я чуть не описалась со страха... — буркнула девушка, — потом присмотрелась, оказались мои знакомцы из коммуны. Только какие то замороженные... А потом, следующие несколько дней я только и думала, чем их прокормить, куда их деть... а заодно и себя... Вот таким экстремальным способом я и научилась работать со своей силой.

— Ну... и куда... — я не могла связно говорить от смеха... — ты их дела всех?

— Ах, — потупила взор Аманда, — они и сейчас все живут у меня... — я им построила коммуну, почти такую, как наша в Манитобе...

— И как ты с этой толпой управляешься? — я уже икала от смеха, — я за два года только кота и умудрилась сделать, а ты.

— Распылять жалко, пусть живут — тут места много... — Аманда как ребенок, закусила нижнюю губу, — да и им много не нужно... Сидят себе песни поют, курят, танцуют... Больше, увы, ничего не умеют... Но иногда я к ним захожу, когда скучаю по толпе народа...

— А я, наверное, никогда не полюблю толпу... — вздохнула я, и грустно добавила, — я очень часто в жизни оставалась в одиночестве...

— Ах, — всплеснула руками Аманда, тут же прерывая мою меланхолию, — как я в детстве хоть на минутку хотела остаться одна!.. Но у нас это было невозможно... В одной комнате жили по несколько семей... А потом, уже сама втянулась... Было прикольно и весело... — ее смех опять колокольчиком зазвенел в комнате.

— Так, пока наш вечер не превратился в вечер воспоминаний о своей жизни, давайте решим, чем займемся дальше? — Дэвид вопросительно обвел всех глазами.

— Фейерверк хочу, — пробормотал Николя.

— Был уже в прошлый раз, и в позапрошлый, — заявила Аманда. — надоело.

— Давайте в казино завалимся и поиграем, — предложил Бог торговли и обмана.

— Да-да, с тобой играть себе дороже, — буркнул Саймон, — я еще с прошлого раза не отыгрался. Загораюсь я быстро, я же азартный, а ты этим пользуешься.

Я с восхищением обвела глазами коллег... Оказывается, я столько всего пропустила! Столько всего происходило интересного и все без меня!

— Ну, можно потанцевать... — воскликнула Аманда... — Да! Будем танцевать, но не как обычно. А в воздухе! — Аманда вскочила на ноги... — Полетели, я создам облака, и мы будем на них плясать! — Ее смех колокольчиком звучал уже далеко в вышине, я даже растерялась от такой быстрой смены обстановки.

Мы вышли во двор. Аманда вертелась в воздухе, вокруг нее маленькими торнадо завихрялись пушистые белые барашки. С неба, как дождь лилась на землю прекрасная музыка, я раскинула руки и подставила лицо песне, закрыв глаза.

— Ну, давайте, идите сюда! — кричала она сверху... Сильные руки Саймона подхватила меня, и я очутилась высоко над домом, садом, лесом и озером вдалеке. На мне опять оказалось вечернее длинное платье и драгоценности. Сначала очень трудно было приспособиться ходить по облакам, непривычно не иметь под ногами хоть какую-то опору. Но мы просто обнялись с Саймоном и закружились, вальсируя. Он был моей опорой в воздухе. Аманда перелетала то к Дэвиду, то к Николя, то к нам. В итоге мы просто закончили дружеским хороводом, хохоча и подпевая в такт.

Я очень весело провела время, даже не заметила, сколько его пролетело...

— Нам пора, — сказала Аманда, обнимая одной рукой Дэвида.

Я удивленно приподняла брови...

— Куда пора?

— Мы спим каждую ночь... — и, видя мое недоумение, пояснила, — мы решили вести себя как люди, как жили раньше на земле — есть, пить, курить... Заниматься любовью и спать в кровати...

— Но зачем? — сама я уже давно не спала и не ела, и не чувствовала такой потребности.

— Чтобы не забыть, что мы люди, — пропела она, — и тебе советую, детка... Нельзя отрывать от своих корней... А ты, кстати, смотрела на землю?

Я пожалала плечами... О чем это она?

— Присматривайся хоть иногда, не каждый день, конечно... Я, например, раз в месяц летаю по странам и немножечко прибавляю радости грустным людям...

— А как ты это делаешь? — заинтересовалась я...

— Просто чувствую, кому нужна помощь. Кто во мне нуждается... Прислушайся и ты тоже поймешь, как...

— Хорошо, я попробую, — произнесла растеряннo я... И они исчезли. Потом ушел Николя, и мы остались с Саймоном вдвоем.

Мужчина не опускал свою руку с моей талии, продолжая поглаживать пальцами спину. Горячие губы прижались к виску, дыхание шевелило волосы.

— Продолжим вечер вдвоем? — бархатные ласкательные интонации в голосе не оставляли простора для воображения. Я подняла взгляд... В глазах Хранителя горело обожание и страсть... Как приятно чувствовать себя... нет, не любимой... наверное, желанной... Глубоко внутри меня начал разгораться ответный огонь... Я потянулась к нему губами и меня накрыло наслаждение. Обжигающие сладкие губы прижались в моим, искусные и требовательные, неистовые и нежные. «А он знает толк в поцелуях» — промелькнула непрощенная мысль. Внутри еще гуляло вино, будоражило кровь, дурманило голову, создавая ложную эйфорию влюбленности. Страстные настойчивые поцелуи, крепкие мужские объятия — и я совершенно потеряла голову. Как давно это было в последний раз! Я даже не помню, когда меня так целовали. Голова плыла... На краю сознания промелькнула мысль, что я не знаю этого человека, что я даже в земной жизни не ложилась в постель с первым встречным... Я не могу так сразу.

— Стой, подожди, — хрипло пробормотала я, Саймон замер.

— Что такое, Люба?

— Я, наверное, пьяна... И не контролирую себя... Я не хочу, чтобы мы потом жалели об этом... — прошептала я ему в шею...

— Я не пожалею... Я хотел тебя с первой секунды, как увидел, — страстно выдохнул мужчина... — Как тебя можно не хотеть? Ты же любовь... — мне казалось, что я чего-то не понимаю. При чем тут это? И я решила, что проверю. Уберу из своей крови весь алкоголь, протрезвею и если после этого буду хотеть Саймона — займусь с ним любовью... Тем более что Посланник предупреждал, наш союз вроде как полезный для человечества.

Пробуждение было неприятным... Нет, рядом со мной по-прежнему стоял красивый сильный мужчина, с горящими страстью и восхищением глазами... Но весь мой кураж куда-то пропал, исчезла легкая влюбленность, дававшая мне романтический настрой и желание. Что делает алкоголь с любовью? Я вздохнула. «А потом на земле появляются

незапланированные дети, ошибочные свадьбы»

— Прости, — я твердо посмотрела в глаза растерянного мужчины, — но нет... Я ухожу...

И пожелала оказаться у себя в замке.

После этого случая, я твердо решила не принимать поспешных необдуманных решений в пьяном состоянии... Я все-таки Богиня, а не простая человеческая женщина. И от моих действий многое зависит.

Следующим моим решением была безопасность. Я попросила свой замок не пропускать внутрь непрошенных гостей. Поставила запрет на появление в моих личных комнатах любых Хранителей, только возможно во дворе или в гостиной. Я все-равно почувствую их присутствие, и если буду дома — просто выйду.

А потом, по совету Аманды все-таки начать потихоньку интересоваться земными делами. И это оказалось так увлекательно! Стоило только прислушаться. Сесть и замереть в тишине. И огромный яркий мир разворачивался перед моим взором.

Я ощущала каждого влюбленного человека на земле, каждое маленькое сердечко, охваченное любовью. Это было непередаваемо! Я плавилась от нежности матери, склонившейся над колыбелькой сына и от трепетной ласки мужа, обнимающего беременную жену. Я радовалась за молодого парня, впервые обнимающего свою девушку и за школьницу, доверяющую дневнику свои сердечные тайны. Моя душа наполнялась восторгом от осознания того, что большинство людей на планете в той или иной мере принадлежат мне, нуждаются во мне, просят меня помочь.

Потихоньку я освоилась и с этой стороной жизни. Нет, я не помогала всем подряд обрести любовь. Как мне ни хотелось помочь всем людям на свете, я понимала — это невозможно. Иногда я усиливала людские эмоции, иногда чуть приглушала. Я боялась сильно вмешиваться в их чувства, боялась напортачить. Потому как мое субъективное мнение могло быть ошибочно, и я еще слишком человек, чтобы кого-либо судить.

Но иногда, я поступала чисто инстинктивно. Так, как если бы я жила на земле и со мной происходили эти события.

Однажды, только-только возвратившись с Земли (я делала еженедельный облет по своим любимым местам — Афины, Рим, Париж, Лондон, Москва, Гонконг) меня кольнуло неприятное чувство. какое-то тревожащее... Беспокойство и раздражительность где-то на границе сознания. Далеко внизу... Неразделенная любовь. Первая, сильная, страстная... Я прислушалась к своим ощущениям. Молодой человек не мог выбрать. Ему нравились несколько девушек, с каждой из них он пару раз ходил на свидания, целовался, но так и не решил для себя, с кем будет встречаться... Первый курс, восемнадцать лет... Парень очень симпатичный. Высокий, черноволосый, спортивного телосложения, гроза сердец всех девушек первого курса, да и только первого. Но на него я обратила внимание только на секунду. Меня привлек не он. А одна из его многочисленных девушек. Она действительно глубоко и искренне любила. Даже удивительно. В восемнадцать то лет. Но чувства были сильные, крепкие, навсегда. «Бывает же такое» — подумала я. Мельком просмотрела всю разношерстную компанию... Другие девушки не любили. Так, легкая увлеченность красавчиком, заинтересованность, возможно даже корыстная — парень был из хорошей семьи. Значит, по-настоящему любит лишь одна. И я решила ей помочь. Я могла бы убрать эту едва родившуюся любовь из ее сердца, могла бы направить ее взор на другого парня, более ей подходящего, но решила — пусть ее первая любовь будет счастливой. И пусть она невзрачная скромная отличница из простой семьи, а он красавчик и спортсмен, сын

бизнесмена, они обязательно будут вместе.

Было так интересно наблюдать за развитием отношений. Я выпала из жизни на несколько недель. Я не давила на парня. Нет, никакого насилия... Я просто немного ярче делала его эмоции, когда они встречались в коридоре. Немного красок и музыки в его сны о ней. Немного фантазий о поцелуях... И когда этот поцелуй таки состоялся уж я постаралась наполнить его всеми оттенками любви и нежности... Обещанием счастья, длиною в жизнь... Парень влюбился. (А куда же ему деваться, если вмешалась Богиня). Я часто думала, правильно ли я поступила, что подтолкнула его? Возможно, он бы и сам разглядел в девушке любящее сердце, ее огонь, ее нежность. Возможно, спустя время, он бы понял, что такое настоящая любовь и сам бы искал с ней встреч. А возможно и нет. «Нужно что-то делать со своей нерешительностью», — думала я. А пока меня окутывал свет и тепло от их любви. Вот это оказывается, как чудесно. Помогать людям.

Мы по-прежнему развлекались своей компанией. Сначала мне немного было неудобно общаться с Саймоном, но потом я трезво решила, что ничего страшного не случилось. Я успела быстро и безболезненно закончить то, что еще и не началось. Вот если бы я осталась, а потом раздумала. Было бы действительно неудобно. А так...

Мы стали встречаться почти каждую неделю. Или просто общались, пили, курили или устраивали разнообразные конкурсы, викторины.

Мы организовывали между собой соревнования и олимпиады, мы превращались в птиц и летали по небу, а потом оборачивались дельфинами и наперегонки ныряли в море. Мы побывали на Луне и на Марсе. Дальше, увы, просто побоялись. Но все-равно, наши развлечения были очень «человеческие»... Мы просто не умели по-другому. Наши знания ограничивались нашей прошлой человеческой жизнью. Если казино, то самые дорогие в Лас-Вегасе. Если горки, то создавали себе свой персональный Диснейленд, если желали музыку — то Лондонский симфонический оркестр... Мы брали самое лучшее от мира, самое дорогое, наслаждались самыми изысканными вещами, созданными человечеством... И ничего не придумывали нового... Иногда мы невидимыми пробирались в знаменитые театры и смотрели с балконов на представления. И тогда наши совокупные эмоции заражали радостью и азартом зал. Спектакль имел оглушительный успех, а актеры удостоивались бурных оваций. По просьбе Саймона посещали футбольные матчи и ралли. От его азарта сходили с ума трибуны, а мы только добавляли немного радости и восторга.

Мы танцевали вместе с людьми на балах и фестивалях. Отмечали рождество в тихом семейном кругу и на шумной площади с фейерверками и шутихами. Мы делились с людьми своими эмоциями и сами заражались от них энергией и теплом.

Я уже давно жила по земным часам... Чтобы не потеряться во времени (особенно, когда я решила не спать) я создала себе что-то большого календаря и тщательно следила за прошедшими днями. Ведь на земле они тоже идут. Нельзя забывать, сколько прошло времени с моего ухода. Посланник нам говорил, что время всегда идет вперед, и это единственная неизменная величина. Календарь я создала протяженностью десять тысяч лет и только иногда удивлялась, замечая как пролетел месяц или два, в Москве уже зима, а только недавно я там была и каталась на речном трамвайчике, наслаждаясь солнечной погодой.

Аманда часто заходила ко мне в гости. Я даже разрешила дому пропускать ее в свои личные комнаты и в галерею. Мы пили чай и ели пирожные. Разговаривали и смеялись.

— Ты знаешь, Люба... Я тоже видела все эти сны... Но в них так всего было много, что если честно, я ничего не запомнила... Поэтому, давай сама все рассказывай о своей жизни... — Аманда удобно устроилась в мягком кресле и легко махнула рукой. Я улыбнулась и начала рассказывать. Было странно. Горе сгладилось, и не царапала боль... За эти несколько лет я просмотрела все возможные варианты жизни своих родных... Их души в прошлых воплощениях, будущий план... И я уж постараюсь, чтобы следующая их жизнь была счастливой, пусть и не со мной... Я уже несколько раз посылала теплые светлые сны Марине, я целовала ее в щечку, когда она приходила ко мне на кладбище и окутывала ощущением покоя и счастья. Пусть улыбка никогда не покидает ее губ. И даже Алексею я помогала, я зародила в сердце его последней жены искорку любви к нему, пусть будут счастливы. Потому что, пусть и прошло много лет и все забылось, но так иногда грустно было смотреть на седого мужчину, рассматривающего в пустой квартире фотографии и тяжело вздыхающего. Ведь на тех фотографиях была я. Может он поймет на склоне лет, что предавать нельзя? Что сердце женщины очень хрупкая субстанция и его так легко разбить.

— Так значит, трое мужей... — задумчиво потянула Аманда... — И все?... И ни одного любовника?

Я в замешательстве уставилась на подругу...

— Маловато... Я то думала... Любовь... должна быть... ну, любвеобильной... — Аманда скептически поджала губы, — тебе, сколько было, когда тебя забрали?

— Пятьдесят, — ответила я.

— Дорогая моя, у меня к пятидесяти годам мужчин было столько, что не хватило бы пальцев на обеих руках... да и ногах тоже... — рассмеялась Аманда... — коммуна, черт ее подери... У меня даже мужа постоянного не было, только эти... гражданские.

Я не знала, как реагировать на ее признание. То ли хвалить, то ли порицать.

— Да и мои дети были от разных отцов, — улыбнулась она, потрянув головой, — да ты помнишь?

— Да, — улыбнулась я, — две чудесные девочки, помню.

— Какая у тебя память хорошая, Люба... Вы все проносились у меня во снах, я даже лиц не запоминала, не то, что имена и события... Тем более что мы в коммуне... — Аманда замялась, — не знаю, как ты будешь... в общем, мы там баловались легкими наркотиками и иногда я ложилась спать совершенно не в себе — рассмеялась она...

— Не переживай, — успокоила я ее, — помню я, что ты чудила... Я потом, после этих

снов полдня ходила с улыбкой на губах. Аманда откинулась в кресле.

— Ну, теперь я спокойна! Любовь меня не осуждает... Знаешь, Люб, я как стала Богиней, даже как то серьезнее, что ли начала себя вести... — Аманда на секунду задумалась... — там, на земле, у меня вся жизнь была — вечный праздник. Даже появление в моей жизни детей не добавили мне ответственности и основательности... А здесь. Я вдруг почувствовала себя действительно Хранителем... Я помогаю людям. Стараюсь, как могу...

— А я наоборот, — рассмеялась я, — на земле была вся такая правильная и серьезная, а здесь... Не знаю, мне кажется, поглупела... Стала легкомысленной и непостоянной...

— Ну, это же замечательно! — подняла свой бокал Аманда, — за это и выпьем... Любовь и Радость всегда ходят вместе, всегда дополняют друг друга... Мы чокнулись и пригубили шампанское.

— А кстати, милая Любовь, — вдруг хитрым тоном произнесла Аманда, — что у тебя с Саймоном?

— Ничего! — тут же отрезала я.

— А почему он смотрит на тебя влюбленными глазами? И выражение лица у него как у побитой собаки.

— Ну... — потянула задумчиво я, — скажем так, я отказала ему...

— Да ладно! — весело усмехнулась она, — какая же ты Любовь, если у тебя нет любовника?!

— Фиговая... наверное... — вздохнула притворно я.

— Ты смотри, — пригрозила мне пальчиком Аманда, — а то скоро посмотрим на людей, а у них любовь одна платоническая. И низкая рождаемость ко всему.

— Да ладно, — махнула я рукой, — не заливай, инстинкт продолжения рода остался же? Уж Николя ни за что не перестанет потакать своим инстинктам.

— Да... Он, кстати, очень хорош... — я удивленно вытаращила глаза, — Ах, я же тебе не рассказывала самого главного, — вдруг вскричала Аманда, — мы же с ним были близки...

И видя мое замешательство пополам с удивлением продолжила.

— Когда пару лет назад я только-только разобралась со своей коммуной, однажды ко мне заявился Николя. Сам он был грустным и одиноким, мне его стало жалко, я поселила его у себя. Он даже не умел сделать себе дом. Я его учила обращаться с силой, создавать еду, одежду. Он даже этого не умел. И знаешь, рядом с ним, тесно общаясь, я вдруг почувствовала такую тягу к продолжению рода, — Аманда рассмеялась, видя мое вытянувшееся лицо, — шучу-шучу! Просто мы все-таки, хоть и слабо, но влияем друг на друга. Он стал более веселым и раскрепощенным рядом со мной, а я... Я всегда любила секс... И он был очень... даже ничего... Все-таки Инстинкт и все такое....

Я улыбалась, смотря на ее смущенную рожицу.

— И долго ты потворствовала своим инстинктам? — спросила я... — И как же Дэвид?

— Почти год я была с Николя, потом он сам как то ушел... Сделал себе дом, кучу девушек, слуг, гору еды, я ему стала не нужна... — притворно вздохнула Аманда...

— Не заливай! Не верю! — я скептически смотрела на подругу.

— Ну, было немного не так... Ну да ладно, дело прошлое... Я нашла Дэвида... Точнее, он сам нашелся... Мы столкнулись в казино в Лас-Вегасе... Я прилетела приободрить и развеселить в пух и прах проигравшую девушку, а он ошивался там, наблюдая за играми... Вот там мы и подружились... Я с ним почти уже три месяца... Для меня долгий срок...

— Долгий? — воскликнула я, — Аманда, побойся Бога! У нас всего шестеро мужчин, а

впереди десять тысяч лет... Если на каждого ты будешь тратить по году, то уже через шесть лет никого не останется...

Аманда скорчила смешную рожицу...

— Об этом я подумаю, когда кончатся... Кстати, ты не в курсе, как там Война поживает?

Я нахмурилась.

— Не в курсе и не собираюсь быть в курсе... И тебе не советую... Аманда, подумай — что может быть общего между Радостью и Войной?

— Ну... — потянула девушка, — такой интересный мужчина... Мужественный, таинственный...

— Брр, — фыркнула я, — даже не упоминай его при мне... Ненавижу войны...

— Ладно-ладно, — подняла руки вверх Аманда, — больше не буду...

Я вдруг серьезно спросила девушку.

— Ты же умирала, там в своей жизни? Наверное, больно было? Ужасно?.. — мне было ее жаль, сама я так и не узнала, как это — умирать. А она, моя веселая яркая птичка узнала.

Аманда весело рассмеялась.

— Ой, не переживай! Ничего такого! Ушла из жизни я красиво, можно сказать феерично. Мы так тогда накурились и напились... Марихуана, экстази, еще кое-что... Черт меня потянул пойти купаться на озеро... Ну и судорога... Я помню тону, тело не слушается, руки-ноги не двигаются, а я рассматриваю рыбок и водоросли... Такие красивые, яркие... Так что умерла я весело, так же как и жила...

Следующим за Саймоном подкатил Николя. Как-то раз, вернувшись с земли, обнаружила его во дворе. Он сидел на ступеньках, а рядом лежал самый безвкусный букет из всех, виденных мной. «Ох... неужели и он пришел ухаживать?» — вздохнула я.

Я вежливо показала ему дом, картинную галерею, мои скульптуры, фрески, гобелены.

На его лице не отобразилось ни единой работы мысли. Периодически он пытался приобнять меня за талию, я изящно уворачивалась и телепортировалась на пару шагов вперед.

Я все ждала, когда же у меня проснется инстинкт продолжения рода? Не дождалась. Неясное чувства, желания, смутные, неопределенные бродили внутри, но так и не оформились в полноценную эмоцию. Значит — не мое.

В конце экскурсии он меня спросил.

— Любовь, ты будешь со мной трахаться?

— Нет, — четко ответила я... Да уж... Это самое краткое предложение руки и сердца (точнее кое-чего другого), которое мне говорили... Я даже восхитилась... Молодец. Лаконично и по-существу...

— Ну ладно, — пробормотал он и посмотрел мне в глаза, — я думаю, что смог бы с тобой жить вместе.

— Спасибо за комплимент, — серьезно ответила я и направилась к двери.

На этом ухаживания Бога инстинктов и закончились.

В следующую нашу встречу мы решили организовать олимпийские игры. Только не друг с другом, а при помощи созданных существ. А то по силе мы были совершенно одинаковыми, и всегда одновременно приходили к финишу, как ни старались.

Услышав озвученные условия, я испугалась. Ведь я еще не делала никого больше кошки. И кого я смогу создать?

Аманда придумывала на ходу правила, построила площадь для игр, настоящие трибуны с балкончиками для VIP-гостей и огромными экранами для трансляций. А я усиленно думала, кого бы выставить на соревнования.

Решили не мудрствовать. Взяли за основу человеческие олимпиады. Тем более что информационная база данных всегда под рукой. Легкая атлетика, прыжки в длину, плавание, марафон. Мы выбрали не много дисциплин, осталось определиться с участниками.

Аманда создала мощного крупного мужчину, сказала что порылась и исторических хрониках и нашла победителя древней Греции, он выиграл пятиборье в 532 году до н. э.

Сзади Саймона вдруг возник огромный крылатый ящер. Мы даже попятились с испугу. Саймон рассмеялся и погладил его по голове. Ящер боднул его крупной башкой.

— Откуда ты его выкопал? — воскликнула Аманда.

— Из сказок... Знакомьтесь — это дракон.

— А он плюется огнем? — осторожно спросила я.

— Не знаю, — пожал плечами Хранитель азарта, — возможно.

Николя создал буйвола. Огромного, страшного, рогатого. «Этот уж точно выиграет марафон» — вздохнула я. Я еще ничего не придумала и топталась на месте.

— Ну, скорее, решайся, — поторапливала Аманда, и я создала своего Рыжика, только раз в сто больше. Получился рыжий тигренок с крыльями. Хранители скептически поджали губы.

Естественно, мой Рыжик проиграл во всех дисциплинах. Он прилетел ко мне на балкон жаловаться и мурлыкал как котенок, а я гладила его по громадной голове и успокаивала — «Главное, не победа, главное — участие».

На марафоне победил Николя, дракон лучше всех дрался (очень даже ожидаемо, потому что огнем он все-таки плевался), стометровку выиграл древний боец Аманды, а мой Рыжик даже в воду не захотел заходить, так что плавали без него.

После соревнований Дэвид всех пригласил к себе, отмечать победу на первых олимпийских играх в этом мире. Мне было жалко распылять Рыжика два, и я его опустила в свой лес. Пусть гуляет.

Дом Дэвида был похож на башню из стекла и металла.

— Сделал подобие Эмпайр-стейт-билдинг, — похвалился мужчина, — его как раз построили в год, когда я потерял свое второе состояние. Я с удивлением рассматривала огромный небоскреб.

— Но зачем такое огромное? Тут же потеряться недолго, — пробормотала я. Вокруг здания все было залито асфальтом, рядом выстроились штук сто разных автомобилей. От Крайслеров 30-х годов, до Порше и Мерседесов современности.

— Вот гоняю иногда, — пояснил Дэвид... Я пожала плечами — каждый развлекается, как хочет...

Мы переместились на последний этаж здания и оказались в царстве стекла и металла. Современный консервативный хай-тек. Черный пол, светло-серые стены, четкие прямые линии. Квадраты, прямоугольники, никаких изогнутостей или завитушек. Я уже и забыла, как это... по-современному... казалось я попала обратно на землю из своей сказочной страны...

— Хорошо развлеклись, — захлопала в ладоши Аманда, откидываясь на диван...

— Да, только я проиграла вам всем... — пробурчала недовольно я.

— Просто ты еще не умеешь создавать действительно сильных существ. Твой кот — это было нечто, — рассмеялся Дэвид.

— Детка, не переживай, все придет со временем, стоит только захотеть, — промурлыкал Саймон, обнимая меня за плечи.

На столике начали появляться разнообразные напитки и вазы с фруктами. Мужчины создали себе по гамбургеру и пиво. Девушки потягивали шампанское. Каждый пил и ел, что хотел, а я ходила по комнате, заглядывая во все щели — мне очень нравилось смотреть чужие дома. Из окна открывался великолепный вид (этаж сотый, не меньше). Даже тумана не было видно, значит, Дэвид постарался и проработал горизонт на много тысяч километров вокруг.

— А что на нижних этажах? — поинтересовалась я у Хранителя торговли.

— А не знаю, — отмахнулся Дэвид, — я туда не заглядывал.

Я удивленно вытаращилась — это как же? Это же твой дом.

Я свой, например, знаю до самой последней каморки и чердака — я же сама его строила.

— Я его создал одним махом и сразу пожелал жить на последнем этаже. Так что, теперь перемещаюсь в пентхауз, минуя первые девяносто девять этажей.

— А я знаю, что за конкурс мы устроим завтра! — вдруг закричала Аманда.

Все заинтересованно уставились на нее.

— Мы устроим пир! — я разочарованно хмыкнула. Видя мое недовольство, девушка тут же добавила, — не простой пир... Каждый создаст из своей прошлой жизни самое свое любимое блюдо... Самое вкусное, изысканное, дорогое... А мы будем пробовать...

— А кто же будет жюри? — спросила скептически я... — кто будет решать, кто выиграл?

Аманда на секунду задумалась.

— А мы пойдем в мою коммуну. Там двести человек, они и будут пробовать. И голосованием решим, кто выиграл. Ну как? — Аманда обвела глазами Хранителей... Я кивнула.

— Согласна.

— Ну, так нечестно, — заныл Дэвид, — дорогие девушки, вы же разбираетесь в кушаньях, а мужчины нет... Это будет несправедливо...

— Ну, во-первых, — воскликнула Аманда, — вы Боги, в вашем распоряжении все справочники и энциклопедии мира, вся база знаний. А во-вторых, вы можете в следующий раз придумать какой-нибудь конкурс с чисто мужской тематикой... Что бы уровнять шансы, так сказать... Про машины или бокс.

Мужчины согласились, и на этом вечер закончился, мы перенеслись по домам.

Если честно, то даже я, любившая готовить в своей земной жизни и частенько бывавшая в самых изысканных ресторанах, пришла в замешательство. И тут же перенеслась в Париже, надеясь воссоздать в памяти свои любимые блюда. Все-таки несколько лет ничего не кушая и не готовя, я отстала от жизни. Я прохаживалась невидимая по центральным ресторанам города, заглядывала на кухню, зачарованно смотрела на поваров, колдующих над блюдами. Сидела за столиками, наблюдая за посетителями. Они ели, смеялись, наслаждались разговорами и едой, целовались, ссорились. В общем, жили своей земной жизнью, а я. Сидела рядом и тепло улыбалась, наполняя их нежностью и любовью. Сглаживала ссоры и непонимания, делала вкуснее и ярче поцелуи, добавляла немного страсти к объятиям. Всю ночь я провела на улочках Парижа и это была прекрасная ночь. Ведь Париж — город Любви, значит — мой город.

В итоге к конкурсу я опять толком не подготовилась. Остановилась на японских суши, швейцарском фондю и французских круассанах с клубникой. Но все получилось гораздо проще.

На следующий день мы переместились к Аманде в дом. Дом у нее был простеньким. Небольшая двухэтажная вила, с садиком и красивой цветочной клумбой перед фасадом. Убранство внутри простое и естественное. Деревянные панели, разноцветные коврики, пушистые шкуры на диванах. Я вздохнула. Похоже мой дом самый вычурный и претенциозный. Хотя, еще неизвестно, что у остальных хранителей. Семерых же мы так и не видели еще.

Коммуна была рядом, через небольшой лесок. Поляна с небольшими одноэтажными домиками, типа кампуса. Беседки, скамеечки со столами. Большой длинный барак, Аманда пояснила — это общая столовая, там мы и будем демонстрировать свое мастерство. Барак как раз умещал в себя двести человек. Голые мужчины и женщины расселись вдоль длинного стола. И замерли в ожидании. Сначала мне было не по себе, от такого количества обнаженной плоти. Я даже шепнула Аманде — может ты их оденешь?

— Зачем? — удивление девушки было неподдельным, — освобождайся от ложной скромности, это всего лишь тело... Оболочка... Как сказал Посланник — одежда... Я всегда так ходила, ты же помнишь сны.

— Помню, и не ври, не всегда, — пробурчала я.

— Да, — рассмеялась Аманда, — когда была зима, конечно, мы ходили в одежде... Но здесь то всегда лето!.. И вообще, наготу замечаешь только первые полчаса, а потом она перестает тебя волновать — все становятся на одно лицо.

Мне было странно видеть столько людей, все смеялись разговаривали. В столовой стоял монотонный гул голосов, все были как настоящие люди.

— Они действительно умные? — решила поинтересоваться я у Аманды, — с ними можно вести беседы, общаться? Посланник говорил, что они будут вроде животных.

— Глупости, — ответила Аманда, — конечно на высокоинтеллектуальные темы они говорить, не способны... Что-то типа Николя — едят, спят, курят, пьют... Ну и говорят немного... В основном то, что им интересно... Я просто не способна оказалась их распылить, как Саймон или Дэвид... Те уже кучу народу по создавали и постирали...

— Да ладно, — произнесла я, — как можно... Пусть они не настоящие, но почти, как

люди...

— Мужчины, — махнула презрительно рукой Аманда, — что с них взять... Когда я пришла впервые к Дэвиду у того в пентхаузе одновременно находилось около двух десятков разномастных девушек. И китайки, и малазийки, и индианки, и нигерийки... И еще куча других... На каждый день своя... Что за прикол — непонятно... — вздохнула Аманда... — хотя, ты знаешь... — я сама как то пробовала с искусственным мужиком... Я округлила глаза.

— И как?

— Нормально... — если тебе нужно только это, то можно, правда потом надоедает, живой энергии не хватает... И однообразие... Но как вариант...

Я слушала Аманду и удивлялась. Какая она смелая. Я бы никогда не решилась переспать с искусственным мужчиной. Хотя, неизвестно, что я запою через сто-двести лет.

— Дорогая моя, это всего лишь секс — ничего серьезного.

— Увы, — ответила я ей, — мне для постели нужна любовь, чувства... По-другому не могу...

— Да, — задумчиво потянула девушка, — трудно тебе будет.

И начался наш конкурс.

Мужчины были предсказуемы. Николя создал каждому по гамбургеру и картошке фри. Море оваций от двухсот человек были ему наградой.

Саймон зажарил целого поросенка на вертеле. Было вкусно, даже я попробовала кусочек.

Дэвид создал огромную пиццу с ветчиной и сыром и кока-колу.

Аманда извернулась и приготовила лобстеров с маслом и лимоном. Это блюдо встретили прохладнее всего, и я поняла, что чем проще — тем лучше. Уж мои суши и фондю они точно не оценят. Нужно было быстро решать, что делать. И мою голову посетила умная мысль.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

На столах перед каждым появился шампур с шашлыком и небольшая кучка печеного картофеля, маринованный лучок и бокал холодного пива. Я немного смухлевала, и приправила еду не только березовым дымком, но и запахом родного дома, ощущением дружеской вечеринки на заднем дворе, семейной сплоченности и тепла. Я вспомнила, как мы с Алексеем и его детьми устраивали пикники возле речки, как пекли картошку и жарили кусочки сала на палочке. Теплая волна прошла по сидящим и я услышала восхищенный искренний вздох. «Как же хорошо...»

Это был первый раз, когда я выиграла соревнование. Меня все поздравляли и хлопали по плечу. Даже Аманда смеясь, прошептала на ухо.

— Браво, ты, наконец, научилась пользоваться своей силой... Даже мне захотелось сесть рядом и затянуть какую-то жуткую заунывную песню, по-дружески обнявшись.

Мне вручили кубок (чисто символический, хоть и из золота). Аманда где-то раздобыла статуэтку богини, толи Ники, толи Афины и сделала ее наградным призом, а то, по ее словам, совсем без награды как то неинтересно.

Переместившись, домой я выделила для кубка полку в гостиной и торжественно поставила ее в центре. Потом, представив, сколько их может здесь быть за десять тысяч лет мне стало грустно. Даже если я буду получать раз в году по статуэтке, то десять тысяч статуэток — это многочисленные ряды до потолка. Мне вдруг представились бесконечные,

похожие один на другой, как капли воды дни — одни и те же развлечения, одни и те же люди, одинаковые игры и аттракционы изо дня в день десять тысяч лет. «Нет, — тряхнула я головой, — мне еще не скучно! Прошло всего три года, и я прекрасно провожу время. У меня впереди еще много свершений и событий. Я еще не освоила множество своих талантов. Да и людская история движется вперед. Мне же будет интересно наблюдать за ними». Но внутренний подленький голос тут же возразил «Наблюдать? Ты хочешь только наблюдать?».

В следующую нашу встречу Аманда заявила, что нужно менять наши занятия.

Олимпиады, конкурсы, соревнования, конечно хорошо, но уже надоело.

— Может, будем танцевать? Или пойдем в театр? Или завалимся в казино? А может, полетаем?.. — предложения были самые разнообразные, но Аманда на все отрицательно махала головой.

— Нужно расширять нашу компанию, — вдруг решительно сказала она, — хватит сидеть впятером. Пора знакомиться с остальными.

— Мне и так хорошо, — заявила я, — мы все знаем друг друга, привыкли друг к другу. От нашей дружбы в мире только лучше стало. Посмотрите, какой произошел за это время всплеск творчества, рассвет искусства, живописи, взрыв чувств, переживаний, эмоций. Вы слышали, какой бестселлер написал Антонио Роже? Чудо, а не роман! Второй Достоевский. Мне очень понравилось, я читала, — я вдохновенно рассказывала о прошлогодних событиях, но по глазам вижу — моих друзей это не очень тронуло. Аманда решительно поставила полупустой бокал на стол.

— Посланник рьяно настаивал на общении всех двенадцати Хранителей. Он делал это не просто так. Значит, так нужно. А то мы как то односторонне развиваем цивилизацию...

Я тяжело вздохнула. Не то чтобы я тяжело сходилась с людьми, совсем наоборот. Но я всегда была немного пассивная в общении.

— Я знаю, куда мы пойдем! — воскликнула Аманда... — мы пойдем в гости к Гранту...

Я нахмурилась... Война? Зачем? Я помнила, что Аманда хотела вроде с ним познакомиться поближе... Но это было так давно, и мне казалось, несерьезно.

Остальным Хранителям было все-равно. На лице Николя не отразилось ни единой эмоции — ни радостной, ни огорченной, ему было все равно, куда идти. Дэвид и Саймон благодушно согласились, мне ничего не оставалось, как смириться.

— Возьмемся за руки, и я вас провожу к его дому, — весело вскочила на ноги Аманда и протянула мне руку.

Через секунду мы все оказались перед высокой каменной стеной, уходящей в стороны, на неопределенную длину.

— А где ворота? — поинтересовалась я... — и зачем было строить ограждение? От кого, интересно?

— Если он дома, он вскоре почувствует наше присутствие и выйдет, — ответила она.

Не прошло и минуты как в стене напротив нас образовался квадратный проход, ведущий во двор и недовольный голос громко спросил.

— Что вам нужно?

— Мы пришли в гости, Грант! — закричала Аманда, — встречай Хранителей!

За нашей компанией закрылся проход в стене, и мы оказались внутри. Двор представлял собой большой, почти правильный прямоугольник, ровный, без единого деревца или фонтана. Желтый песок толстым слоем покрывал двор, ни единой зеленой травинки или яркого пятнышка. В центре двора засунув руки в карманы темных брюк стоял хозяин, хмуро смотря на непрошенных гостей. Давно не виделись, я даже забыла уже, как он может грозно и агрессивно выглядеть.

— Привет! — вышла вперед Аманда... — мы тут подумали, что нужно выполнять

наставления Посланника и начать, наконец, уже встречаться... И решили стартовать с тебя... Ты не против? — Аманда была такая яркая в своем хипповом наряде с колокольчиками, как молоденькая прелестная девчушка, само очарование и непосредственность. Даже мы заулыбались, стоя позади ее. Но на лице Гранта ничего не отразилось. Я уж подумала, что нам сейчас предложат выметаться и готова была уже перенестись к себе, как хозяин буркнул.

— Ну, если пришли — проходите... Приглашаю в дом... — и, развернувшись, направился к лестнице. Мы впятером поплелись следом.

Дом Хранителя Войны представлял собой классическую средневековую крепость. Угрюмую, настороженную и негостеприимную, как и сам хозяин... Узкие окна, более похожие на бойницы, толстые почти глухие стены, сложенные из огромных каменных глыб. Никаких башенок и балкончиков, никаких амурчиков и изящной лепнины.

«Не сравнить с моим» — промелькнуло у меня в голове. Широкая лестница с десятью высокими ступенями вела в огромный холл. Громадное полупустое помещение, холодное и неприветливое. Потолок терялся в вышине, толстые гладкие колонны, большой камин (скорее декоративный, чем настоящий, вряд ли кто-то его зажигает), каменный пол. Я скривилась скептически. Иметь такие возможности и жить в таком ужасном доме. Ни уюта, ни тепла, ни комфорта. Мы шли, и наши каблуки гулко цокали по камню, эхом отскакивая от теряющихся в темноте стен.

Неужели? Ближе к камину стояло несколько кушеток, они окружали квадратный низенький столик. На них мы все и разместились. Чтобы не чувствовать себя неловко все сразу же создали себе по бокалу напитка. Аманда щебетала не переставая.

— Как интересно у тебя!.. Какой огромный замок!.. Ты жил в таком раньше на земле?.. А ты сразу освоился со своей силой?.. А встречался хоть с кем-нибудь из Хранителей?.. А мы постоянно общаемся впятером...

Вопросы сыпались как из рога изобилия. Причем, отвечать на них Грант не торопился.

— Столько всего произошло за последний год, — тараторила Аманда, — с нашей подачи знаменитый писатель создал шедевр, в Лондоне прошла шикарная выставка постмодернизма, о ней будут говорить еще два года, в Париже прошел фестиваль молодых художников, а в Мексике такой шикарный карнавал... — я видела, что Гранту до этого нет никакого дела, но не хотела прерывать монолог Аманды.

Наша Радость... Чтобы мы без нее делали? Она была скрепляющим раствором нашей компании... Ее неумная энергия и оптимизм заражали весельем всех... Мы все потягивали вино, чтобы хоть как то заполнить паузы в разговоре, постепенно расслабились и повеселели. Даже Грант со временем подобрел и оттаял. И иногда стал вставлять ответы на вопросы Аманды.

— Нет, я никого не видел за эти годы... Занимался, тем, что изучал военного мастерство современности... Я столько всего пропустил за этот век... Техника шагнула далеко вперед.

«Конечно, — мелькнуло у меня в голове, — наверное, не только крейсеры и подводные лодки облазил... Еще и в ракетных шахтах успел побывать и сунуть голову в ядерную боеголовку».

— Если бы я знал, что тебе интересно, мы могли бы взять тебя на нашу последнюю олимпиаду, — вставил Дэвид... — Мы там знатно повеселились, особенно, Любовь отличилась... С котом...

Все обидно засмеялись... Грант удивленно поднял брови.

— И давно вы встречаетесь? — вполне добродушно спросил он.

— Уже почти год, — произнес Саймон и, обернувшись ко мне, улыбнулся, — правда, дорогая?

— Да... — кивнула я. Мне не понравился личный намек Саймона на наши близкие отношения, которых не было, — где-то год.

— Я помню к тебе пришел, ты была такая пугливая и одинокая в своем замке, — ворковал Саймон. Я смущенно слегка покраснела. Мне было неприятно, слышать интимные интонации в его голосе. Грант, сидящий напротив, насмешливо скривился. Я сделала большой глоток вина и закашлялась, поперхнувшись. Саймон быстро пересел на мою кушетку и ласково похлопал по спине.

— Не спеши, моя любовь... — у нас впереди много времени... Я укоризненно посмотрела в его голубые глаза. «Что ты творишь?» спросила взглядом я и нахмурилась. Он весело поднял брови «Развлекаю тебя, а ты что подумала?».

Аманда тем временем вещала, что пора уже нам всем двенадцати начать встречаться. Ведь Посланник предупреждал... и пошло-поехало... Чем больше вина мы пили, тем непринужденней становилась беседа... Все-таки люди еще не придумали лучшего лекарства от скованности и чужеродности, чем алкоголь. Постепенно, возможно благодаря нашим совокупным эмоциям Хранителей, возможно благодаря вину атмосфера в гостиной выровнялась и приобрела вполне дружескую окраску.

Саймон так и остался сидеть рядом со мной, обнимая за плечи. Я чувствовала внимательный тяжелый взгляд Хранителя Войны, раскинувшегося напротив и пыталась отвлечься от неприятного осмотра, напропалую кокетничая с Саймоном и потягивая вино. Аманда обнималась с Дэвидом. Только Николя и Грант сидели одни на своих кушетках.

— Не, ну так не пойдет, — вдруг громко недовольно заявил Николя, немного пьяным голосом, — расселись по-парочкам, голубки, я тоже хочу свою персональную девушку... — и, обернувшись к Гранту, добавил, — у тебя же есть девушки? Давай их сюда...

Грант, ухмыльнувшись, щелкнул пальцами и в комнате появились две красотки.

«Ну конечно, ожидаемо... — подумала я, — пятый размер груди, длинные стройные ноги, тонкая талия, крутые бедра... Настоящие скандинавские валькирии». Высокие красивые светловолосые девушки подошли к диванам. Одежды на них было надето чисто символически.

Аманда притворно скривилась.

— Какие вы мужчины все предсказуемые. У вас все девушки на одно лицо... Никакого разнообразия и самобытности...

— А почему бы и нет? — лениво бросил Грант, — рядом с Богами должны быть самые красивые женщины... Красивые по самым высоким канонам красоты... Вы-то сами не можете похвастать ни бюстом ни длинными ногами... И как вас в Хранительницы выбрали?..

Как легко я повелась на провокацию! Как семнадцатилетняя девчонка на «слабо»! Потом, уже дома, мне было так стыдно, но тогда, когда я слышала этот равнодушный тон Хранителя Войны, во мне вспыхнуло возмущение и злость ярким костром. Глаза заволокло ревностью и обидой (это я то! Богиня Любви проигрываю в красоте и привлекательности каким то искусственно созданным красоткам?)

— Ах так, — воскликнула я, — значит, хотите пышный бюст и длинные ноги? Ну, сами

напросились.

Немного искупает мою вину то, что я все-таки была пьяна. Наверное... Тогда я не думала ни о чем, только о том, как заставить мужчин считаться со мной, как заставить признать, что я лучше всех.

Незабываемый образ Мэрилин Монро всплыл в моей голове в одну секунду. Тот момент в фильме, когда она поет соблазнительным голосом с придыханием «Я хочу любимой быть тобой, только тобой, и ни кем другим...». Я прикрыла глаза и погрузилась в атмосферу чувственности и сексуальности... Я медленно глубоко вздыхаю, и грудь плотно натягивает лиф светлого летнего платья, белое воздушное кружево белья немного выглядывает из выреза... Густые длинные ресницы прикрывают томный взгляд с поволокой... Кончиком языка облизнула полные сочные губы... Я — само воплощение соблазна и эротики... Нежности и очарования... Я... сама... любовь... От меня волнами расходятся флюиды страсти. Я излучаю невинный трепет первой любви и огонь безумного вожделения... Я откидываюсь на спинку дивана, и длинные волосы локонами рассыпаются по моим плечам... Я слышу мелодичные переливы хрустальных колокольчиков, в воздухе разлился нежный аромат весны... И вдруг резко открываю глаза, вздрагивая от больно впившихся мне в бедра пальцев и треска платья... Я не смотрела на друзей буквально пару секунд, а сколько всего произошло.

Грант с побледневшим лицом вцепился в руку Николая, едва удерживая того на месте... Хранитель Инстинктов с перекошенным видом и горящими глазами пытается до меня дотянуться... Аманда закрывает глаза ладонью Дэвиду, почти навалившись на него своим весом... Саймон склонился передо мной на колени и жадно пожирает меня глазами снизу вверх, его руки нахально и цепко лезут под юбку, пытаюсь раздвинуть ноги... Боже мой! Сейчас меня изнасилуют!.. Я вдруг понимаю, что заигралась... Мгновенно перемещаюсь с кушетки на несколько метров ближе к камину и хлопаю ладошками, разгоняя бабочек... Саймон рванул за мной, но Грант резко хватает его за шиворот и сильно отбрасывает назад.

— Все, все! Простите, — смущенно хихикаю и краснею, мгновенно трезвея, — слишком углубилась в свою сущность... А сама максимально тщательно приглушаю свою ипостась, убирая золотистый свет, разлитый в воздухе и цветы, вдруг выросшие прямо на каменном полу.

— Ох, — протяжно выдохнула Аманда, — я чуть сама на тебя не набросилась... Представляю, что испытали мужчины... И вдруг громко рассмеялась... Я облегченно выдохнула... Пронесло...

Перевела взгляд напротив и увидела только Николая, утирающего пот со лба и злобно ругающегося сквозь зубы... Грант исчез... Саймон поднялся с колен, еще не совсем пришедший в себя, с немного осоловевшим взглядом.

— Нужно выпить, — пробормотал он, — и срочно.

Мы все дружно подняли бокалы, и я торжественно пообещала, что больше не буду вестись на «слабо» и демонстрировать свою силу.

— Дорогая моя, — сказал с сожалением Саймон, — тебе и не нужно ее демонстрировать, ты есть Любовь... Эта сила и так из тебя просачивается, только небольшими порциями, как и наша из нас... Просто ты таких всплесков больше не делай и все... А то в следующий раз — я за себя не отвечаю.

— Ну, ты даешь, подруга! Если бы я не прикрыла сразу глаза Дэвиду, он бы бросился на тебя, как сапсан на куропатку... — смеялась Аманда, — а Грант вообще сбежал... Наверное,

на Северный полюс в прорубь окунуться... Хотя, а мне понравилось... Так будоражит... Вот скажите, кто из Хранителей так может себя проявить, чтобы другие полностью потеряли контроль?

— Ты... — ответила я, после секунды размышлений, — ты, когда смеешься, мы все хохочем вместе с тобой...

— Это не то, — отмахнулась Аманда, — вон, когда играет Дэвид, мне тоже не терпится расстаться со всеми своими деньгами (если они у меня были бы, конечно)...

— Да ладно, чем мы будем заниматься дальше? — перевела разговор в другое русло я.

— А давайте устроим бал! — воскликнула Аманда, — настоящий, королевский, эпохи восемнадцатого века... Я видела на картинах и в фильмах... Как раз и замок подходящий...

— А Грант не разозлится? — попытался образумить свою девушку Дэвид... — это все-таки его дом.

— Плевать... Да и что тут такого? — вскочила Аманда и закружилась по огромному помещению.

Мы резво вскочили, распределили обязанности и занялись балом. Аманда летала под потолком, развешивая сияющие огнями люстры и гирлянды. Саймон сотворил балкон с музыкантами, огромный зал сразу же наполнился нежным звучанием скрипки и флейты. Николя начал создавать столы по периметру с многоярусными вазами, наполненными закусками и фруктами, забили фонтаны из шампанского, тут же ударило в голову веселье и ликование. Дэвид же со мной вместе занялся созданием массовки (как это он назвал). Он сделал два десятка мужчин и женщин, я одела их в роскошные платья восемнадцатого века эпохи Людовика XIV. Они тут же начали кружиться по залу под звуки вальса. Если честно, что мы не точно придерживались традиций. «Вальс цветов» Чайковского, который я заказала музыкантам уж точно никогда не звучал на балах времен Людовика XIV. Но он мне так нравился.

Теперь главный холл мрачного средневекового замка Бога Войны было не узнать. Залитое ярким золотистым светом огромное пространство было наполнено праздником и огнями. Стены покрывала художественная роспись, золотые подсвечники украшали колонны. Хрустальные люстры сверкали бриллиантовыми искорками. Живые цветы, расставленные по периметру в вазонах и на столах, наполняли воздух изысканным ароматом. По розовому мрамору кружили танцующие, одетые в великолепные наряды. Я замерла в восхищении. Какая красота. И тут же добавила в воздух нотку любви к музыке и танцам.

Мы все преобразились. Аманда впервые одела что-то отличное от своих ярких хипповских нарядов и ей это очень шло. Алое парчовое платье со шлейфом тесно облегло фигуру, делая девичью талию еще более тонкой, веер из перьев, сверкающие драгоценности, высокая прическа (и где только она взяла столько волос, Аманда всегда ходила с короткой стрижкой). Я оделась в классическое платье с кринолином голубого цвета с серебряной вышивкой по корсажу. Этот цвет всегда импонировал моим белокурым волосам и голубым глазам. Мужчины так же принарядились. Белоснежные шелковые рубашки с кружевным жабо, расшитые золотом зауженные камзолы. Кюлоты до колен и чулки (наверное, порылись все-таки в информационном банке, так точно они передали стиль аристократов восемнадцатого века). Красавцы, как ни крути. Даже Николя выглядел таким франтом, обняв за талию высокую созданную им красотку.

Я кружилась в вальсе с Дэвидом, когда в зале раздался громкий грозный голос.

— Что здесь происходит?! — Грант был взбешен, это было ясно... Он появился в центре

холла, его огибали танцующие пары, и он него волнами расходилась злость и негатив.

— Это бал! — воскликнула Аманда и попыталась завлечь его в свои объятия. Он даже не обратил внимания на ее порыв.

— Кто вам позволил устраивать здесь балаган? Я не давал разрешения на какие-либо изменения своего дома — дрожащий от гнева голос.

— Но мы решили повеселиться... — надула губки Аманда, — и тебе не мешает встряхнуться, а то сидишь тут один-одинешенек.

— Это мое личное дело, как и где мне сидеть... — Грант резко провел рукой по окружности, как будто стирая кистью с серой краской наши яркие узоры. Пропали люстры и подсвечники, исчезли цветы, последние растворились танцующие и музыканты. Оглушительная тишина наступила в холле. Мы впятером, в вычурных шикарных нарядах стояли посреди залы и обиженно смотрели на хозяина.

— Ну и ладно! — заявила расстроенно Аманда, — мы хотели как лучше, хотели тебя порадовать... А ты все испортил... — надула губы она.

— Я прошу прощения, если не соответствую вашим ожиданиям... — язвительно заявил Грант, — а теперь прошу покинуть мой замок... Извините, у меня дела. Но одного Хранителя я попрошу остаться... — прозвучало зловеще.

Я почувствовала, как екнуло сердце. «Точно, заметил» — подумала я.

— Я вас не приглашал в гости, — злобно начал Грант, — но вы пришли и попытались у меня в доме навести свои порядки... Я еще стерпел этот несуразный бал, но это.

— Мы больше ничего не делали, — воскликнула Аманда.

— Делали, — прошипел разъяренный мужчина, — кто то из вас разрушил мой полигон за замком.

Черт-черт. Заметил. Я слегка покраснела. Мне было просто интересно. Я взлетела под потолок и заглянула в верхнее окошко. И ужаснулась. Вдалеке, за замком простиралась выжженная пустыня, с бесконечными траншеями и огромными ямами, от разорвавшихся гранат и бомб. Земля выглядела как ужасная рваная рана. Я не могла так ее оставить, хоть это и не человеческий мир, а иное измерение, мне стало ее жалко. И на месте полигона оказался ровный красивый зеленый газон.

Все Хранители удивленно переглядывались. Я грустно вздохнула и призналась.

— Я это сделала.

Грант внимательно посмотрел и сощурился.

— Все свободны... Выметайтесь... Кроме Любви... Она задержится...

Саймон по-хозяйски приобнял меня за талию.

— Что ты от нее хочешь? Мы уйдем все вместе, как и пришли... Если Любовь что-то сделала, мы все исправим. Я с благодарностью улыбнулась своему защитнику.

— Нет уж... Она натворила, пусть она и исправляет... Я этот полигон строил два месяца... Это точная копия битвы при Ватерлоо... Я тренировался с различными видами и количеством вооружений, чтобы узнать, при каких условиях все-таки Наполеон бы победил... И завтра планировалась окончательное сражение... А ты... — Грант крепко сжал зубы.

— Я прошу прощения, но что ты хочешь от меня? — тревога и страх ушли, ну что реально он может мне сделать? Ничего! Я в любую секунду могу перенестись к себе домой.

— Я хочу, что бы ты восстановила, что разрушила. Это будет справедливо... — Грант пристально и с каким-то нездоровым торжеством смотрел мне в лицо.

Я тяжело вздохнула. Справедливо было бы остаться и помочь. Я поддалась на минутный жалостливый порыв, опять не подумав. Ведь если бы кто-то у меня дома похозяйничал в мое отсутствие, я бы, наверное, тоже возмутилась.

— Хорошо. Я остаюсь, — и, обернувшись к друзьям, добавила, — идите домой, ничего со мной не случится. Я действительно виновата... — и тихонько шепнула Аманде, — как только освобожусь, сразу к тебе.

— Ты уверена? — пробормотал Саймон мне в волосы... — я мог бы остаться с тобой и помочь...

— Уверена, — прервала я его.

Друзья вразнобой попрощались и исчезли, я, с вымученным видом обернувшись к Гранту произнесла:

— Доволен? И что теперь?

— Теперь берись за дело, Любовь... Я серьезно... Я приду через несколько часов и надеюсь, увижу свой родной полигон в первозданном виде.

— И как я это сделаю? — пробормотала растерянно я, — я же ничего не смыслю в войне.

— Научишься... У тебя вся база знаний под рукой... — Грант стоял непоколебимо, руки скрещены на груди, ноги широко расставлены... Серые холодные глаза смотрят пристально и изучающе... Ну, просто диктатор какой-то... Я вскипела.

— А откуда ты знаешь, что прилетев сюда ты меня застанешь? Я же могу испариться в любую секунду ничего не сделав... — я заносчиво вздернула нос.

— Тогда однажды ты так же можешь найти свой замок в руинах, однажды прилетев с Земли.

— Ты не посмеешь, — прошипела я, сжав кулаки.

— Посмею... Еще как посмею... — ответил холодно Грант.

— Я опять его восстановлю, заново, — запальчиво крикнула я.

— Знаю. Восстановишь. Но тебе на это понадобится время. И дело даже не в этом... — Грант задумчиво смотрел на меня, — дело в том, что достаточно неприятно, когда кто-то врывается в твоё личное пространство, разрушает созданное тобой. И без разницы, сколько ушло на это времени. Ведь, правда, дорогая Любовь Николаевна? — с ехидством закончил Грант.

Я кипела от негодования, а он спокойно стоял и оскорбительно рассматривал меня, как одну из своих девок, пялился на грудь в глубоком вырезе, ощупывал талию, рассматривал шею, обнаженные руки, я тут же сотворила себе джинсы и черную водолазку, полностью покрывающую верхнюю часть тела, Грант иронично скривился.

— Ты спишь с Саймоном? — вдруг спросил он, я вздрогнула от такой резкой смены темы.

— Мне кажется, это не твоё дело, — грубо ответила я.

— Нет. Не спишь, — утвердительно сам себе ответил Грант.

— Откуда такая уверенность? — прошипела я сквозь зубы.

— Я же Хранитель. Ты забыла? Я могу чувствовать твои эмоции... Стоит только прислушаться и они кристально ясны.

Ну, все! Он меня окончательно разозлил!

— И какие же у меня эмоции к тебе? Просвети, будь любезен, — раздраженно бросила я ни секунды не сомневаясь, что он соврет.

— Увы... Ты меня ненавидишь... Точнее не ненавидишь. Ненависть слишком разрушительное для тебя чувство, ты же у нас вся такая положительная и добренькая, — скривился мужчина, — Ты просто меня боишься и презираешь... — ты смотри — не соврал.

— Но мне в высшей степени на это плевать, — отрезал Грант, — я только хочу только, чтобы ты восстановила мой полигон... Приступай...

И исчез... Совсем. Я не чувствовала Гранта поблизости, значит ушел на землю... «Скатертью дорога» — пробормотала я под нос.

Его сила воли была сильнее моей. Намного сильнее. Я его эмоции так сильно не чувствовала. Даже стало обидно... Может быть, потому что разрушение сильнее созидания? Зло сильнее добра? Плохое сильнее хорошего? «Нет», — ответила я себе... Все не то... Просто он сам по себе сильная личность, незаурядный мужчина, которому выпало в жизни еще больше испытаний, чем мне... И тут же себя оборвала «Я что, симпатизирую Войне? Жалею его?»... Никогда!

Я еще немного потопталась по залу, рассмотрела замок сверху до низу, позаглядывала в комнаты и в подвалы... Скучный серый каменный мешок. И как можно здесь жить? Большинство комнат даже не было обставлено. Ну да ладно, это его дело. Я потянулась к базе данных и следующие несколько часов планомерно и внимательно вычерчивала на ровной площадке позади замка топографическую карту того времени. Территория была огромная, почти сорок километров в длину и шестьдесят в ширину. Я летала над полем и занимала себя тем, что создавала не пушки и орудия, а рожи и домики, где по истории были городки Нивель, Ватерлоо, Халле. Я строила храмы и площади, мостила улицы и садила виноградники. В итоге у меня получился прекрасный уголок бельгийской глубинки начала девятнадцатого века. Я даже залюбовалась на сельскую пастораль. Справилась. Комар носа не подточит — все, как выглядело весной 1815 года...

И с чувством глубоко удовлетворения я перенеслась домой, в свой замок.

Когда на следующий день я рассказывала Аманде о своих приключениях, она хохотала как ненормальная.

— Ну, ты даешь, подруга! Такая подстава Гранту.

— А нечего меня заставлять, то, что я не хочу делать, — бурчала с улыбкой я.

— Да ты страшная женщина, — воскликнула Радость, — мужчин увлекаешь, с ума сводишь, еще и дома их разрушаешь... Кто бы подумал — такая тихоня снаружи!

— Да... Не нужно было устраивать представление... Теперь ты так и будешь меня дразнить десять тысяч лет — я с ума сойду, — пожаловалась я. Аманда погладила меня по руке.

— Не переживай, с Грантом вышло не очень, но нужно продолжать. Я тут всем одиннадцати Хранителям разослала приглашение на встречу. Через два дня в комнате, где Посланник нас обучал... Нужно поговорить и договориться, как будем встречаться. Хватит сидеть по своим норам.

— Какая ты смелая и целеустремленная, — восхитилась я... — а мне что-то боязно встречаться со всеми. Вон один Грант чего стоит.

— Не бойся! Мы все в одной лодке... И всем нужно дружить... Через пару дней утром перенесешься ко мне, я подготовлю все к приему... Только ничего не рушь и ни во что не ввязывайся, — расхохоталась Аманда.

— Хорошо, — понуро кивнула я.

А после возвращения с земли я нашла на пороге замка огромный терновый куст, росший прямо на каменных ступенях и записку, приколотую к колючке.

«Спасибо за работу. Грант». Я сжала зубы... Сердце застучало как сумасшедшее... Не разрушил мой замок, как обещал, пожалел... Хух... Я вытерла испарину со лба... Только куст теперь портит весь внешний вид. Я уже протянула руку, чтобы убрать его из ступеней, но в последнее мгновение одумалась. Пусть цветет, как вечное напоминание мне о том, что нельзя вмешиваться в чужое личное пространство. Будет мне наука.

Аманда преобразовала комнату встреч в шикарный огромный зал, с высокими колоннами, мягкими диванами, великолепными коврами на полу. Здесь были и книги в шкафах, расставленных по периметру, несколько телевизоров, бильярдный стол, игровые автоматы. В общем, все, для развлечений и нескучного времяпровождения. Только вряд ли этим заинтересуются Хранители.

— Для начала нужно было создать круглый стол, подобный королю Артуру, — весело засмеялась я... Я перенеслась к Аманде раньше назначенного срока, планируя помочь ей в подготовке встречи...

— Возможно, ты права... — потянула девушка дрожащим неуверенным голосом... Задумчивая Аманда — это что-то новенькое, неужели и она нервничает?..

В центре зала появился красивый дубовый стол с расставленными вокруг двенадцатью шикарными креслами с пурпурной обивкой.

— Ну вот, теперь все, — вздохнула Радость и плюхнулась в кресло... — осталось только ждать...

Я осмотрела свой наряд. Я в последнее время одевалась очень просто. Что-то типа

просторной рубашки-платья с тоненьким пояском и кожаные сандалии. Каждый день меняла лишь расцветку ткани. Я вспомнила наряды прошлых Богов на картинах и одеяния на статуях. Теперь все понятно. И они одевались в туники, хитоны. Простые однотонные платья. Так проще и естественнее.

Сейчас я просто поменяла белый цвет платья на белый в голубой горошек. Теперь точно готова.

Через некоторое время зал стал заполняться Хранителями. Первыми, конечно, прибыли Саймон, Николя и Дэвид. Они перенеслись к Аманде и тут же сели в предложенные кресла создав себе по бокалу. Кто с вином, кто с бренди. «Слишком много еще человеческого» — процитировала я в уме Посланника, — «Когда не знаешь, что делать и говорить — проще пить». Хотя... Я же сама потягивала апельсиновый сок через трубочку.

Собрались все... Я заново вспоминала людей, сидящих за круглым столом. Максим, Аманда, Альфред, Ионна, Анжелика, Грант, София, Дэвид, Арина, Саймон, Николя. Все как будто те же, но все же другие. Тогда, три года назад, слушая Посланника, все были растеряны и дезориентированы. У большинства последним воспоминанием была агония смерти, их выдернули из небытия. Кого почти сразу после смерти, кого через много лет несуществования. Реально, только я не умирала по-настоящему. Макс умер в начале двадцать первого века. Аманда — в семидесятых. София жила в начале двадцатого века и умерла в сороковых годах. Гранта убили на какой то войне (вроде первой мировой, но могу ошибаться, это было где то на юге). Про остальных не помню.

— Я пригласила вас всех, — начала Аманда тонким ломким голосом, — чтобы решить, как и когда мы будем встречаться... Все молчали и смотрели друг на друга, кто с интересом, кто равнодушно, кто с неприязнью.

— Посланник очень серьезно предупреждал, что для блага человечества нужно переплетение всех двенадцати эмоций. Потому как мы впятером за год уяснили, что общение только Радости, Любви, Азарта, Торговли и Инстинктов, — Аманда кивала каждому из нас, — ведет к односторонности развития только культуры, искусства, развлечений, ну и подобных проявлений. Это не правильно.

— А почему вы думаете, что только вы встречались, — подала голос София, — мы с Максом и Ионной тоже иногда виделись. И так же влияли на цивилизацию.

«Труд, Тайна и Талант» — перевела мысленно я и задумалась, что из этого могло получиться.

— Это очень хорошо, — заулыбалась Аманда, — а есть такие, кто три года никого не видел и сидел безвылазно в своем мире?

— А я никого не хочу видеть, — злобно бросил Альфред... «Ну конечно, хаос, страх, разрушение», — подумала я, — «Кому ты нужен?».

— Значит, — подытожила Аманда, — Анжелика, Арина, Альфред и Грант не с кем не встречались.

Я тут же перевела в уме... Анжелика — Богиня болезней. Неудивительно, страдание и боль всегда переживаются человеком в одиночестве. Один на один... Далее. Арина — мудрость... Здесь, конечно сложнее... Мудрецы всегда в уединении и в стороне. «Сидят себе в пещере или в бочке, мудрят» — хихикнула мысленно я... Или в Тибетском монастыре... Ясно с ней.

Грант и Альфред еще более естественно... Война и хаос... Борьба и страх... Одиночки по жизни. Кто в своем уме захочет с ними общаться? Мы вон недавно попробовали с Войной

и чем это кончилось.

Мы своей компанией сидели вместе, излучали радость и доброту. На противоположной стороне стола — Хаос, Война, Мудрость и Болезнь. Одинокие и не понятые. Хотя, может я, и ошибаюсь, но Анжелика заинтересованно поглядывает на Альфреда. Неужели? Страх и болезнь. Возможно, из этого получится хорошая пара.

— Значит так, — резюмировала Аманда, — нам нужно встречаться, обязательно. Давайте назначим время. Ну, хоть один или два часа в этой комнате или в любом другом месте... всем двенадцати... Хоть раз в неделю... Потом можете встречаться своими компаниями, можете сидеть в своих мирах... Мы — Хранители, не нужно забывать свое предназначение... Мы отвечаем за мир людей.

Я украдкой искоса смотрела на Богов. На лицах отражались самые разные эмоции — у кого недовольствие, у кого заинтересованность. У кого равнодушие и пофигизм.

— Я согласна, — воскликнула София, — я надеюсь, мы все подружимся. Ведь мы почти братья и сестры.

Я увидела, как саркастически скривился Грант, как будто лимон надкусил. Но промолчал.

— Все за? — крикнула Аманда. Послышался нестройный многоголосый гул.

— Ну и замечательно. Я буду за день до встречи каждому хранителю присылать приглашение. Чтобы не забыли, — заулыбалась Аманда... — а вы придумайте, чем мы будем заниматься эти два часа... Хорошо? — она обвела всех блестящими восторгом глазами.

— Хорошо, — хмуро кивнул Грант, и язвительно добавил, — мы можем быть свободны, госпожа распорядитель?

— Можешь, Грант... На сегодня достаточно, — искренне и радостно улыбнулась Аманда, ничуть не обижаясь, — только поймите, мы не сможем просто сидеть в одной комнате и каждый будет заниматься своими делами. Чтобы что-то получилось на земле, мы должны общаться, переплетаться эмоциями... Помните, как тогда нам Посланник показывал, со мной и с Саймоном...

— Может ты еще предложишь здесь оргию устроить. Всем вместе? — насмешливо бросил Грант, — так я не против... Говоря это, он нахально пялился мне в лицо и чуть ниже.

— Ну, до этого, думаю не дойдет, — хихикнула Аманда.

— Жаль, — коротко произнес Грант и исчез... Постепенно растворились все Хранители.

— Хух, — выдохнула я, — как будто после самой сложной операции вышла из операционной.

— Да, — согласилась Аманда, — какие-то они несговорчивые и грубые... Но все-равно, я довольна результатом собрания... Все согласились... Ура! Это нужно отметить, айда ко мне в коммуны?

Мы все радостно вскочили и перенеслись к Аманде.

Мы стали встречаться каждую неделю. Аманда, как и обещала, за день до встречи извещала каждого Хранителя необычным способом. Например, над моим замком в воздухе развевалось алое полотнище, где огромными белыми буквами было написано «Не забудь — завтра в восемь будь!». К вечеру полотнище исчезало.

В огромной комнате, напиханной разнообразными тематическими приспособлениями (от карточных и шахматных столиков до игровых автоматов и тира) находились двенадцать Хранителей. Четко два часа, не более. Со временем, конечно, мы стали более тесно общаться с Максимом, Софией, иногда к нам присоединялась Мудрость. Хаос, Война и Болезнь по-прежнему проводили совместное время или молча сидя в кресле и потягивая что-то из стакана (Грант) или обливая презрением и ненавистью любое наше желание пообщаться (Альфред). Ионна и Арина были близки более чем остальные. Почти как мы с Амандой. Они или играли в шахматы или обсуждали труды великих мыслителей. Было очень интересно за ними наблюдать. Две молодые женщины, сидя на диване, вдруг застывали на пару секунд (прочитывали из базы данных талмуд), потом отмирали и начинали спорить о высоких материях.

В итоге Альфреда мы оставили в покое. «Ненависть и страх всегда одинокие», — глубокомысленно заявила София и попросила больше не цепляться к нему. Пусть сидит. Я была полностью согласная с ней. Аманда в силу своего характера многое не понимала (или не хотела понимать). Она была непосредственна и легкомысленна. Думала, что сможет изменить мир. Изменить Хранителя Страх. Но его не изменить.

В своей жизни я много раз встречала людей, объятых беспричинной злобой и ненавистью. В метро, в больнице, на улице... Совершенно непонятно, почему вдруг обычный спокойный человек вдруг становился разъяренной фурией, изрыгая проклятья и проклиная всех и вся. Женщины в одно мгновение превращались в разгневанных ведьм, мужчины — в неистовых безумцев. Увы, но ненависть всегда слепа и одинока в своем сумасшествии.

Так Альфред и сидел в углу, злобно и презрительно кривя губы. Мы просто перестали обращать на него внимание. Грант же молча наблюдал... С непроницаемым выражением на лице, потягивая виски или бренди... Аманда иногда звала его к нам, поиграть или потанцевать, иногда он соглашался, но чаще отказывался... Без злобы и раздражения, просто ему было не интересно. Думаю даже на наших встречах все время что-то планировал, просчитывал в уме. Строил козни, выстраивал стратегии и тактики своих военных кампаний. Но всегда, где бы я ни была в комнате — я чувствовала его пристальный взгляд. Как привязанный он следовал за мной на веревочке. Даже Аманда в шутку шептала мне «Он все время на тебя смотрит, Люба. Подойди к нему, пригласи к нам — тебе он не откажет». Я злобно ей отвечала «Он, наверное, мазохист. Я его ненавижу, и он чувствует это».

Однажды мы играли в покер на желания, и громкий смех разносился по комнате. Мы так развеселились, что даже Мудрость и Тайна с интересом посматривали на нас, прислушиваясь к шуткам Аманды. Мы все, кроме Дэвида и Максима уже проиграл по разу, а некоторые и по два. И теперь самой большой нашей проблемой было выдумать, что бы еще за желание загадать проигравшему. Дэвид был Богом обмана, Макс — труда и изобретений. Первый если и мухлевал, то мы никак не могли его подловить за этим занятием, второй был

просто докой во всем. Остальные, сидевшие за столом шесть Хранителей почти одинаково играли в карты. У всех был доступ к информационному банку, любые комбинации и варианты были просчитаны, так что проигрыш зависел только от эмоциональной неводержанности. Аманда совершенно не умела блефовать (впрочем, как и я). Она уже один раз спела нам песенку «В лесу родилась елочка» (я заказала), и нарисовала на стене в полный рост портрет Николя в стиле кубизма (заказал Саймон). Желание проигравшему мы загадывали по очереди (слева направо). Когда проиграла я, Дэвид мне загадал превратиться в кошу и играть следующие полчаса в таком образе. Я конечно превратилась. Правда, не в кошку, а в пуму, но тоже было неплохо. Конечно, пришлось левитировать картами, так как когти не были для них приспособлены, но получилось прикольно. Я сидела в кресле на задних лапах и злобно скалилась длинными клыками, пугая соседей. А иногда нежно мурлыкала и выгибала спинку. Дэвид сказал, что мой образ кошечки навечно запечатлелся в его памяти и останется в ней на десять тысяч лет.

Когда проиграла София, Максим попросил ее (как самую талантливую Хранительницу) одеть нас всех в наряды «от кутюр» в своем исполнении. София раздумывала лишь минутку. Через мгновение все преобразились. Я играла в шикарном коротеньком бархатном платье бордового цвета, а рядом сидящий Саймон блистал в узких брюках с лампасами, заправленных в высокие сапоги, в белоснежной рубашке и длинном темно-синем сюртуке без рукавов.

Следующей должна была желание загадывать Аманда. И как назло, проиграла я. Я с улыбкой обернулась к подруге, уже приготовившись спеть что-то или нарисовать, как вдруг услышала.

— Пригласишь на танец Гранта, — Аманда захихикала тоненько и насмешливо.

Я вытаращила глаза.

— Разве ты не знаешь, как я к нему отношусь? — прошипела я приглушенно.

— Так в этом же и прикол! — ответила с улыбкой она... — и вообще желание проигравшему — закон.

— Он откажется, — уверенно заявила я, ни секунды не сомневаясь в своем утверждении.

— Посмотрим... Давай, иди, а мы понаблюдаем... Если откажется, так и быть — желание снимается, — заявила Аманда и кивнула головой, в сторону сидящего в углу Гранта...

Я тяжело вздохнула и встала со стула. Пригрозив кулаком Аманде, решительно пошла по направлению к Гранту. Чем быстрее отстреляюсь, тем лучше. Минутка позора — и все!

Грант холодно и равнодушно смотрел за моими передвижениями, и когда заметил, что я направляюсь прямоком к нему, в серых глазах вспыхнуло удивление и заинтересованность.

— Уважаемый Хранитель Войны, — пафосно начала я свою речь, — не будете ли вы столь любезны, станцевать со мной вальс? — и замерла, ожидая гарантированный отказ.

— Буду, — решительно заявил Грант и резко поднялся с кресла... Я опешила. Нет, такого оборота событий я не ожидала. Я растерянно обернулась к друзьям, глазами спрашивая Аманду «И что дальше?» Аманда замахала ладошками — давай, мол, танцуй. В комнате тут же послышалась нежная мелодия вальса.

— Я опять нарушил твои планы, дорогая Любовь? — прошептал мне в ухо Грант, близко склонившись ко мне. Я вздрогнула и обернулась.

— Нет-нет... Что ты, — смущенно зарделась я, — просто я проиграла в покер и Аманда.

— Так значит я, не играя с вами, выиграл главный приз? — хрипло произнес Грант, обнимая меня за талию и крепко прижимая к себе, — Неожиданно... Я рад, что такой везучий...

Далее мы просто закружили по залу. Хранители сначала заинтересованно наблюдали за нами, потом отвлеклись и занялись своими делами. Я молча вальсировала, не поднимая глаз, кожей ощущая неотрывный взгляд Гранта, смотрящего сверху вниз. Сильные руки, обнимавшие талию, казалось, прожигали платье насквозь, и к концу танца на нем останутся дыры. «Ну, когда уже кончится эта мелодия?» — нетерпеливо скрипела зубами я. «Ну что за невезение!».

А музыка длилась и длилась. Когда я поняла, что меня просто сейчас разводят, вальс не может продолжаться более пятнадцати минут, я в гневе подняла голову.

— Что это значит, Грант? — прошипела я сквозь зубы, немного отодвигаясь... — почему музыка играет так долго?

Мужчина насмешливо поднял брови.

— Я думал, тебе хочется танцевать, ты же пригласила меня.

Я резко остановилась и махнула рукой, прерывая мелодию.

— Все, спасибо за танец... — и развернувшись, направилась к покерному столу.

— Ладно, Аманда... Сама напросилась, — наклонилась к подруге я, — в следующий твой проигрыш я уж придумаю что-нибудь похлеще танца с Войной.

Аманда расхохоталась.

— А мы уже закончили на сегодня! — воскликнула она, — и нечего дуться, от твоего танца только всем лучше стало.

— Особенно мне, — пробормотала я и перенеслась к себе домой.

Хотя... Ничего же страшного не случилось. Ну, подумаешь, потанцевали. Мы же должны общаться? Вот и пообщались. На этом и успокоилась.

А на следующий день, прилетев в Земли, я увидела свой двор, засыпанный лепестками роз. К слову сказать, двор у меня был огромный, посреди двора располагался фонтан Грез (это я сама придумала название), по периметру стояли мраморные скульптуры, небольшие клумбы были разбросаны в художественном беспорядке. Так вот. Весь двор по щиколотку утопал в лепестках. Кто-то сильно постарался, запах стоял одуряющий. Я приземлилась на ступенях возле своего тернового кустика (к нему я уже почти привыкла) и огляделась.

— Саймон, это ты? Выходи, я тебя почувствовала, — крикнула я.

Улыбающийся Хранитель охоты и азарта появился рядом.

— А я хотел сделать тебе сюрприз... — Саймон притворно вздохнул... — ну и пригласить тебя на свидание.

— Свидание? — искренне удивилась я. И попыталась вспомнить, когда же я была на свидании в последний раз. Давно... — и куда ты меня приглашаешь?

— Сегодня состоится главный бал в Вене... Полетели, пошалим? Любовь и азарт, страсть, охота... будет весело, вот увидишь! — может на меня так повлияли горящие воодушевлением глаза Саймона, но я согласилась... Я никогда не вмешивалась грубо и бесцеремонно в человеческие эмоции. Немного помогала, но чтобы нагло, нахально влиять на кого-то, насильно влюблять или разводить — нет, никогда. Но в этот раз поддалась на провокацию Бога азарта.

Невидимыми мы летали под потолком огромного зала Венской государственной оперы. Мы попали как раз на полонез, танец дебютантов. Молоденькие девушки в белых платьях с коронами в прическах, юноши в черных фраках. Серьезные, волнующиеся. Красота! Я любовалась румяными смущенными щечками девушек и напряженно сдвинутыми бровями молодых людей, и сама, мимоходом, сверху посылала им тепло и восторг. Прекрасная музыка лилась со сцены, где сидел венский оркестр, на балконах расположились гости посolidнее. Я узнала несколько известных политиков, певцов. О, даже канцлер тут. Саймон мелькал на балконах со знатью. Что он там творил, какие ставки заключались и какие договоры подписывались — мне было не интересно. Я наблюдала за танцующими.

Вот у той девушки, стоящей справа у колонны загорелся интерес к красивому высокому парню, танцующему в крайнем ряду. «Да, не плох»... — подумала мельком я. Красивые изящные движения, правильно держит локти и наклоняет голову. Так, что-то я отвлеклась. Я опять обратила внимание на девушку. Ее интерес выглядел как дрожащий огонек свечи на ветру, колеблющийся, то затухающий, то вспыхивающий вновь. «Нет, — подумала я, — не серьезно». И отвернулась.

Вспышка страсти донеслась слева. Я присмотрелась... За колонной стояла обнявшись парочка, что-то страстно шепча друг-другу. Договаривались встретиться через час в отеле. Я скривилась, — кроме похоти внутри не было ничего — клиенты Николая.

— Ну что, — подлетел Саймон ко мне, — кого-то завлекла в свои сети, Любовь?

— Нет, — лениво ответила я, — пока смотрю... А ты?

— О, — радостно воскликнул мужчина, — я уже заключил пару пари и несколько сделок. Точнее, они заключили, — потер руки Саймон... — но если тебе скучно, полетели в другое место.

— Пойдем, — вздохнула я, — что-то здесь одни только дети миллионеров и

высокородная знать. Искренностью и не пахнет.

Мы переместились на площадь Святого Стефана к собору.

— Совсем другое дело, — воскликнула я, — туристы, молодожены, влюбленные парочки.

— Ага, — добавил Саймон, — любопытство, азарт, восхищение и восторг... Все, как я люблю...

Так мы и развлекались, летая по миру. Оставляя свои следы то там, то сям... Следы своих эмоций, чувств, переживаний. Добавляя к естественному человеческому настроению нотку влюбленности, воодушевления, страсти. Мы танцевали на площади Навона в Риме, и все туристы следом за нами выстроились в один сплошной хоровод и, смеясь, закружились под музыку бородатого скрипача, играющего на улице. Мы распугивали голубей на площади Святого Петра и сидели, болтая ногами на вершине Эйфелевой башни. И где бы мы ни появлялись, тут же на лицах людей расцветали улыбки, а глаза искрились любопытством и нежностью. Руки влюбленных парочек тянулись обнять, а губы прижаться к губам.

Мы остановились в каком-то парке у фонтана. Толи Прага, то ли Берлин, толи Будапешт. Я уже запуталась и устала, мы перемещались с такой скоростью, что здания и улицы слились в один яркий калейдоскоп.

— Любовь, — вдруг серьезным тоном начал Саймон, — я хотел тебе сказать.

Я насторожилась, почувствовав беспокойство... Мы выглядели как два полупрозрачных тела и рассмотреть, что там за выражение глаз у Саймона я не могла.

— Я уже давно люблю тебя, — выдохнул он тихо.

Я растерялась и не знала, что сказать. Серьезный Саймон, это так редко бывает, да и пугает немного.

— Спасибо... — пробормотала сдавленно я, — но я не уверена.

— В себе? — подсказал мужчина... Я медленно повернулась к нему, пытаюсь определить, что я чувствую у себя внутри... Интерес? Да, определенно... Азарт, любопытство? И это было... Теперь бы понять мои личные это эмоции или влияние Саймона... Он был мне интересен, как красивый мужчина, как кавалер, как Хранитель... Нс любить?

— Да, в себе... Дай мне время, Саймон... Ты хороший человек, — я хмыкнула, — точнее, хороший Бог... И, наверное, ты подходишь мне по эмоциям... — это тоже важно... — я несла какую-то чушь, и сама понимала, что это не те слова, которые хотел бы услышать мужчина....

— Понятно, — тихо ответил Саймон... — я хороший Бог и подходящий для тебя Хранитель, но ты меня не хочешь.

— Может со временем?.. — с надеждой сказала я.

— Хорошо. Я подожду... — произнес Саймон и добавил невесело — у нас же вечность впереди.

— Ты дурочка, — заявила мне Аманда на следующий день, выслушав мои сомнения.

Дежавю какое-то. Что-то я такое слышала уже в своей жизни, только от Марины давным-давно.

— Почему? — нахмурилась я, — потому что не хочу сразу в омут с головой? Потому что хочу быть уверенной в чувствах?

— Черт, Люба, так с твоими сомнениями человечество вымрет... Любовь не любит! Нонсенс!

— Я люблю, — тут же возмутилась я, — люблю свой мир, животных, людей. Люблю цветы, музыку, природу... Люблю детей, искренность и дружбу.

— Но секс?! — воскликнула Аманда, — где же он в твоём списке?

— Будет обязательно, — решительно заявила я... — просто он не так важен.

— Он не важен??? — вскочила Аманда и заметалась по комнате, позвякивая бубенчиками, — милая моя, занятия любовью, так же безумно важны, как скажем та же дружба или дети ... Они — связующее звено между любящими мужчиной и женщиной. Страсть руководит многими человеческими поступками. Ворочает огромные глыбы истории. Вспомни, — взволнованно продолжала она, — в борьбе за право обладать женщиной короли свержались с престолов и перемешивались династии, любовницы монархов, и фавориты императриц творили историю, вмешивались в её ход. Даже сейчас президенты и политики лишаются своих высоких постов из-за скандалов, на почве страсти... И ты мне говоришь, что она не важна?

— Ну, хорошо, — согласилась я, — важна-важна... Успокойся... — я вздохнула, — осталось только выбрать кандидата... Выбор то невелик...

— Точнее, его совсем нет, — тут же рассмеялась Аманда... Адольф отпадает сразу, даже предлагать тебе не буду... Остается пятеро.

Николя, Саймон, Дэвид, Максим и Грант.

— Нет-нет, — замахала руками я, — Гранта тоже вычеркни... Война? Бррр... Ни за что!

— Это ты зря, — таинственно улыбнулась Аманда, — Грант великолепный образчик мужественности и силы... Мм... — облизнула губы Аманда, как кошечка, лакающая сливки, — если бы только он обратил внимание на меня, я бы ни секунды не раздумывала, — и видя мои полные ужаса глаза весело рассмеялась, — ладно-ладно... Окей. Тогда остаются, четверо. И двоим ты уже отказала.

— Ты нормальная? Дэвид же твой парень, вычеркивай и его, — заявила я.

— Да какой он парень... Так спим раз в месяц по праздникам... надоело уже... — Аманда вздохнула, — не представляю, что нас ждет даже через пару сотен лет, а тут тысячи...

— Ты знаешь, — задумчиво произнесла я, — Посланник нас предупреждал, что сначала мы будем жить как люди. Мы недавно Хранители и у нас еще много человеческого. Думаю потом, спустя сотни лет мы просто перейдем на новый уровень возможностей. И человеческие чувства нам уже будут не нужны. Или полностью растворимся в потребностях людей. Или еще что. Зачем загадывать?

Мы замолчали, задумавшись.

— Значит Саймон, Николя, Макс и Дэвид... — пробормотала Аманда... — выбор не

велик....

— У нас тут что, завтра локальный конец света? — возмутилась я, — хватит меня толкать в чью то постель... Выберу когда буду готова... Или вообще создам себе своего персонального мужчину... — нашла оригинальное решение я.

— Вау! — рассмеялась Аманда, — Любовь гневается!.. Ладно, проехали... А полетели что ли на землю, там как раз рождество намечается, добавим радости и любви, кому успеем.

— Полетели, — загорелась я.

И за следующие несколько часов мы посетили почти все крупные города Европы, Азии, Америки. Залетали в торговые центры и супермаркеты, вызывали смех и веселье в детских универмагах, вплетали нежные нотки предвкушения сюрприза в сердца мужчин и женщин, выбирающих подарки для своих половинок. Я даже пошалила, и в нескольких торговых центрах окрасила воздух нежным золотым светом ожидания чуда и праздника. Люди ходили по залам магазинов и удивленно оглядывались, слыша звон колокольчиков и упоительный запах волшебства. Всмотривались в лица друг друга и улыбались.

— А мы похожи на двух добрых фей! — воскликнула Аманда, — только не хватает волшебной палочки и колпака.

— Не вопрос, — заявила я и тут же на мне оказался расшитый звездами балахон и серебряная изящная указка с алмазным навершием, — Похожа?

— Точно как в сказке про зубную фею.

Больше мы к вопросу о моей неподобающей одинокой жизни не возвращались. И я успокоилась.

Боль, резкая острая тонким скальпелем прошлась по сердцу. Я вздрогнула. Что такое? Может, я так остро и болезненно почувствовала какую-то эмоцию человека, потому что сама была близко? Я летала по Большому Каньону и любовалась великолепными видами отвесных скал, когда слышала мысленный зов, полный боли и отчаяния. Остановилась. Прислушалась. Сара, двадцать три года, город Альбукерке. К ней в дом пришли полицейские и сообщили о смерти ее любимого. Тот служил морским пехотинцем на границе с Кубой в Гуантанамо. Что там произошло, и как он погиб меня пока не трогало, а вот то, что девушка спокойно закрыла двери за мужчинами и пошла к аптечке — встревожило очень.

Я тут переместилась к ней в дом, пытаюсь достучаться до нее — бесполезно, я натыкалась на гранитную стену отупения и боли, которую она выстроила вокруг своего сердца. Она равнодушно высыпала полный тюбик таблеток на ладонь и резко опрокинула их внутрь, запив стаканом воды. Далее пошла в спальню и, укрывшись одеялом, замерла в позе эмбриона. Я в панике носилась по дому и не могла придумать ничего, чтобы ее спасти. Ни собаки, ни кошки, которую я бы смогла разозлить нет, дом совершенно пуст и одинокий. Девушка жила одна. Я вылетела на улицу... В соседнем дворе немолодая женщина стригла газон. Я тут же направила ее к дому своей девушки. «Срочно нужна соль... У тебя кончилась соль, а ужин уже скоро будет пора готовить... Как же ты без соли?» — вдалбливала я в голову женщине. Со страху я ничего умного не придумала. Женщина задумчиво позвонила в дверь дома Сары. Тишина... Видя, как та разворачивается и идет к себе я взвилась фурией... «Ты пропадешь без соли! Муж перестанет тебя любить, съев пресное мясо... ну и все в таком роде...» Женщина громко забарабанила в дверь. Я переместилась к девушке — та уже была без сознания и не слышала стука. Черт-черт... «Что-то не так... — транслировала я женщине, — это не нормально, Сара должна быть дома... Может что-то случилось? Что-то ужасное?» Я прибавила чуток паники и страха.

Женщина уже со всей силы колотила в дверь. «Дверь открыта, — шепнула я ей, — Сара не заперла ее после ухода полицейских. Ты же видела, когда они уходили». До меня донеслось легкое удивление женщины. «Да, — настаивала я, — тебе обязательно нужна соль, входи». Я изо всех сил давила на соседку, хотя, если честно, не умела делать это. Вот бы Саймона сюда, или Макса. Но у меня совсем нет времени.

Женщина как будто через силу повернула ручку и вошла.

«Точно, что-то случилось плохое, — шептала я ей, — у Сары же больное сердце. Может инфаркт? Или еще что?». Я уже несла полную чашу, у двадцатитрехлетней девушки больное сердце? Только бы женщина, наконец, добралась до спальни.

Увидев ничком лежащую девушку женщина встревожилась. Несколько раз крикнув «Сара» и потряхнув за плечо, женщина застыла, не зная, что делать.

«911, срочно. Нужно вызвать скорую» — мысль четко определилась у нее в голове. Но я понимала, что этого было мало. «Толкай, бей ее по щекам» — шептала я. Нужно разбудить ее. Общими усилиями мы кое-как разбудили девушку. Сара походила на невменяемую пьяную. «Воды и вызвать рвоту» — пришла в голову женщины моя мысль. Следующие десять минут до приезда скорой мы поили полусонную Сару водой, а соседка ложкой надавливала на корень языка, вызывая рвоту. Когда приехали врачи, мы уже влили и вылили из Сары пару литров воды, и ее глаза приобрели полу-осмысленное выражение.

Доктор сразу заметил пустой тубик из-под лекарства и тут же приказал срочно везти девушку в больницу, в машине ей поставили капельницу. Соседке выразили благодарность за своевременную помощь в спасении жизни. Обещали наградить.

Женщина стояла, растерянно хлопая глазами, и не понимая за что ее хвалят.

Я провела машину до больницы. Теперь жизни ее ничего не угрожает. Но душе. Девушка была убита горем. Она действительно сильно и страстно любила своего парня, они собирались пожениться, как только ему дадут следующий отпуск. Она лежала в палате под капельницей, а ее сердце кровоточило и источало агонию. «Как больно», — металась я, чувствуя эту боль, как свою собственную. И ничего не могла сделать. Пока ее душа агонизирует, моя любовь, и нежность не пробьется сквозь этот барьер. Постепенно успокоительные и лекарства сделали свое дело и Сара заснула. Осталось разобраться, что все-таки случилось с парнем. Я переместилась на границу Кубы и США. Ну, ка, покажите мне, кто убил моего мальчика? Я была в бешенстве, я была готова растерзать этих солдафонов.

Стрельба уже давно прекратилась... Еще вчера... Сейчас военные с обеих сторон готовились к следующему витку конфликта. Тонко срежиссированное шпионское противостояние, наконец, кончилось, и теперь вступили в выяснение отношений орудия. Пока ограничились гибелью двоих американских солдат и прорывом морской границы. Но что будет завтра?

Я узнала почерк! Грант. Чувствуется его след, это он во всем виноват! Я разозлилась, как фурия. Мои глаза метали молнии, а волосы как будто заискрились электричеством. Наверное, я была похожа на злую ведьму. Мне было все-равно! Он ответит!

Я тут переместилась сразу к нему. Я была так зла и взбудоражена, что даже в голову не пришло, что он может быть в туалете или в ванной. Оказалось еще более неприятно...

— Как ты мог?! — начала орать я ему в спину, в ту же секунду, как переместилась, еще не осознавая своего положения, — зачем ты развязал эту войну??? Ты... — тут до меня начало доходить, что я, как бы это сказать, не вовремя.

Два обнаженных тела сплелись на шелковых простынях в огромной спальне. Я возникла прямо у изножья громадной кровати и простора для воображения почти не оставалось. Мне повезло, что была только прелюдия, до основного действия, так сказать, он еще не дошел. Наверное...

Я тут же запнулась на следующей фразе. Боже, как неудобно... Я выхватывала из полумрака комнаты широкую мускулистую спину, с перевитыми канатами мышц, крепкие ягодицы, крупную ладонь, лежащую на обнаженных стройных ногах девушки, ее длинные белокурые волосы, разметавшиеся по подушке... Мне показалось, или она немного похожа на меня?.. Я опустила глаза, щеки опалило жаром... Как ужасно неловко! Забытое «земное» чувство стыда и смущения охватило меня. Грант, мгновенно почувствовав меня рядом, на секунду замер, потом медленно неторопливо встал с кровати и выпрямился передо мной, полностью закрыв лежащую на простынях красотку. Обнаженный, расслабленный и спокойный. Кроме одного органа... Мой взгляд непроизвольно метнулся вниз и уткнулся во внушительное естество, гордо смотрящее вверх, даже как то агрессивно и пугающе, помоему... Я повидала в своей жизни немало обнаженных мужчин. Я наслаждалась плотской любовью с мужьями, и в силу своей профессиональной работы в медицине видела не раз голое мужское тело. Аппендициты, операции на предстательной железе, уколы, массаж и много-много другое. В больницах не было женщин и мужчин. Все были пациентами. Ничего

нового для себя я конечно не увидела. Обычный мужчина. «Нет, — тут же оборвала я себя, — признайся, совсем не обычный». Мощный расслабленный хищник стоял передо мной. Бронзовая гладкая кожа мерцает в полутьме комнаты, широкие плечи, литые мышцы перекачиваются на груди — а он не так спокоен, как хочет казаться. Узкие бедра, сильные мускулистые ноги. Казалось, он застыл перед прыжком, и ждет только крошечного шевеления с моей стороны, чтобы наброситься. Мурашки побежали по коже... «Конечно, он зол... Оторвала от такого важного дела».

Я тихонько выдохнула и постаралась успокоиться. Ничего серьезного не случилось. Подумаешь! Голый Бог!

— Какие люди, — наконец произнес мужчина, насмешливо прищурившись, и не отрывая напряженного взгляда, кивнул на кровать... — Желаешь присоединиться?

— Спасибо... Но скорее нет, — выдавила я из себя.

— Тогда какого дьявола ты заявила? — сквозь зубы процедил он.

— Извини. Нам нужно поговорить... Срочно... Жду тебя в гостиной, — пробормотала я в сторону. И как-то неуверенно махнув рукой, исчезла, переместившись в холл внизу... Села в кресло и замерла, потихоньку осматриваясь. «Интересно, а он закончит начатое или придет сразу?» — непрошенная подлая мыслишка заставила опять покраснеть. Я больно ущипнула себя за ногу, прервав пошлую мысль.

Осмотрела гостиную. Она совсем не изменилась по сравнению с прошлым нашим посещением. «Как можно годами жить и не заботиться о своем доме?». Я смотрела на камин, серые стены, грубые линии лестницы, а перед глазами все-время непроизвольно возникало его обнаженное тело. «А любопытно, он модифицировал его? Приукрасил или нарастил в нужных местах?» — Да что же это такое! Что за мысли лезут в голову!.. И тут же ответила себе. «Да вроде нет... Если я правильно помню по снам, он таким и был. Высоким мускулистым, красивым». Правда я не очень присматривалась. Он был одним из «нелюбимых» персонажей. Но однажды мне приснился сон, где он висел на цепях в глубоком подвале, и я хорошо разглядела его полуобнаженное избитое тело.

На середине мысли Грант неожиданно появился в центре гостиной. Я даже вздрогнула и покраснела, как будто это меня застали за чем-то неприличным и он мог подслушать мои раздумья. «Не закончил»... — с ехидством подумала я... И тут же опять начала себя накручивать...

— Не хотела отвлекать тебя от занятий физкультурой... — процедила сквозь зубы я.

— А ты и не отвлекла... Я в любой момент могу продолжить свои занятия... — отрезал Грант... и более спокойно, — итак, чем я заслужил твое посещение? Думаю, что-то серьезное, по своей воле ты бы ни заявила ко мне.

Я тут же вспыхнула порохом, как только вспомнила, что было час назад.

— Моя девушка погибает от горя. Ее любимого убили на твоей чертовой войне, и она сломалась! Чуть было не умерла — едва вытащила с того света! — Я даже привстала с кушетки, распаляясь все больше.

— Не она первая и не она последняя... — равнодушно бросил Грант.

— Как ты можешь так говорить! — воскликнула эмоционально я, — ее сердце разбито! Возможно, она никогда больше не полюбит в своей жизни!

— Ну и что? — Грант сел, напротив в кресло и в его руке оказался бокал с вином, такой же бокал появился на столике возле меня — Присоединишься? — ухмыльнулся.

— Я сюда не пить пришла, — процедила я возмущенно... все внутри клокотало от

злости, — я пришла требовать, чтобы ты прекратил эту войну!

— Какую именно? — удивленно поднял брови Грант... — у меня сейчас на земле паратройка войн, и еще несколько десятков мелких вооруженных конфликтов... — Грант расслабленно играл бокалом, полностью невозмутимый и спокойный как удав.

— Почему ты их не остановишь? Люди гибнут! — я не понимала, это же так очевидно.

— Зачем мне что-то останавливать? Это же моя работа... — ни единый мускул не дрогнул на его лице. Я вся горела от негодования, лицо пылало, руки сжались в кулаки. Я вцепилась в обивку дивана, чтобы не вцепиться ему в глаза.

— Я требую, чтобы ты остановил кровопролитие!

— Ты ничего не можешь требовать, Любовь, — его голос мог заморозить ад, — я такой же Хранитель, как и ты... Ты можешь только просить.

Грант уставился на меня выжидающе.

— Хорошо, — тут же согласилась я, и наклонила голову, — я... прошу тебя остановить... так нельзя... — прошептала я потерянно, — любовь не должна умирать, женщины не должны плакать, а дети страдать...

— Это ты так сказала... — отрезал Грант равнодушно, — войны всегда были в истории и всегда будут. Люди любят убивать друг друга. Это в их природе.

— Нет, нет... — шептала я, чувствуя как слезы наполняют глаза... так не правильно.

Грант холодно и безжалостно смотрел на меня. Мне нечего было больше сказать. Мы говорили на разных языках. Все мои доводы разбивались от его железобетонную стену упрямства и непонимания.

— Ну, я мог бы... — вдруг начал Грант, — поспособствовать тому, чтобы война прекратилась... — Я подняла на него глаза.

— Что? — шмыгнула я носом.

— Мог бы прекратить... Не навсегда, конечно... На время... — какой то странный опасный огонек зажегся в его глазах. Я ничего не понимала.

— Ну, так прекрати! — воскликнула я, — я очень прошу тебя.

— Только взамен я тоже потребую услугу... — тон был... напряженным и многозначительным...

— Какую? — спросила я осторожно... неизвестно, что от него можно было ждать. Стало как то боязно.

— Ты станешь моей любовницей... — ровно произнес Грант. Я секунду непонимающе на него смотрела, а потом внутри стал разгораться огонь негодования.

— Я не торгую своим телом! — вскочила я с дивана, сжимая кулаки... — Как ты мог предложить мне.

— Ненадолго, не переживай... Мне всегда быстро надоедали женщины, — как ни в чем не бывало, продолжал Грант, не слушая меня... — Может на год или два... По сравнению с тысячелетиями — это миг.

— Было подло и гадко предложить мне это! — меня трясло от злости, — я никогда не буду твоей! Я презираю тебя!.. Я ненавижу войну и кровь, а ты... — я запнулась, вспоминая. Чем бы его еще уколоть побольней... — ты самый отвратительный Хранитель из всех! Я тебя возненавидела еще во снах, когда видела, как ты расстреливал женщин и сжигал дома....

Грант с язвительной улыбкой смотрел на меня.

— Это все, на что ты способна? — мои проклятия даже не поцарапали глянец его

самоуверенности.

— Ненавижу... — еще раз прошипела я и резко развернувшись, пожелала оказаться в своем замке... И уже исчезая, услышала.

— Ты все-равно будешь моей... Я всегда добиваюсь, чего хочу....

Час я ходила по своей картинной галерее, пытаюсь успокоиться... Прекрасные пейзажи, красочные панорамы, дивные портреты не могли меня занять. Я носилась по анфиладе изысканно украшенных комнат и рычала от злости. Я была в гневе. Предложить мне стать его любовницей! На время! На пару лет! Негодяй. Чертова Война. Ладно, с девушкой я решу, как быть. Пару лет понаблюдаю за ней, потом поселю в сердце новую влюбленность, даже пусть насильно — ничего страшного. Я была решительно настроена. А он еще пожалеет.

И только уже через несколько часов, выпив чаю с мятой, уютно устроившись на мягком диване, меня посетила странная мысль... Как так оказалось, что я сразу попала к Гранту? Ведь раньше, когда мы все вместе пришли к нему в гости, в его замок, тот нас не пропустил. Аманда говорила, что Грант поставил запрет на посещения. Почему же замок позволил пройти мне? Странно...

На следующую встречу Хранителей я пошла скрипя зубами. Пообещала себе сидеть тихонько и не высовываться. Ясно, что Грант постоянно меня провоцирует и ясно, что он будет ко мне цепляться. Не знаю, чем я его так привлекла. Хотя, — вздохнула я, — не он первый. И видимо, не он последний, замечая пристальные заинтересованные взгляды в мою сторону Макса и Дэвида. Ну, Посланник, ну удружил. Чем больше я чувствовала мужской интерес к себе, тем глубже пряталась в свою раковину. Так же было и на земле. Нонсенс, какой-то. Да, действительно Хранительница Любви из меня не очень. Прошлая Афродита была более достойна этого звания.

Мы решили в этот раз посмотреть хороший фильм. Спокойно, чинно расселись по креслам и сотворили огромный экран на всю стену. «Как раз два часа пройдет» — подумала я и можно будет перенестись домой. Всеобщим голосованием выбрали «Побег из Шоушенка». Конечно, каждый из нас знал сюжет и концовку (база данных была открыта для всех), но атмосфера дружбы, совместных интересов, товарищества, задушевности которые мы с Амандой незаметно транслировали в зал, помогли настроиться на хороший лад.

Я всегда очень сильно переживала, смотря «Побег». Не было ни единого раза, когда бы я заканчивала просмотр не в слезах. Вот и сейчас, видя недоуменное растерянное выражение лица главного героя на суде, когда он понял, что его ждет пожизненное заключение, я почувствовала, как мурашки побежали по телу, а глаза набухли слезами...

— Какая у нас чувствительная Любовь, — раздался тихий голос сзади... Я вздрогнула... Грант сидел сзади меня и, наклонившись к уху, шептал, — ты так всегда остро реагируешь на несправедливость и жестокость?

— Всегда, — полуобернувшись к нему, холодно ответила я.

— Тогда тебе просто необходимо было согласиться с моим предложением, — многозначительно произнес он, — потому что жестокости в мире может стать гораздо больше.

Я мгновенно вспыхнула от его прозрачного намека. И уже собиралась обернуться и дать отпор, когда Аманда, сидящая рядом легонько сжала мою руку. «Успокойся... Не мешай фильм смотреть»... Действительно, я же собиралась не реагировать на его подначки, а сама после первой же и сорвалась. Я глубоко вздохнула, успокаиваясь. Буду смотреть фильм, и никто мне не сможет помешать наслаждаться действием.

Как бы ни так. Весь сеанс я чувствовала буравящий тяжелый взгляд в спину. Едва выдержала положенные два часа с небольшим. Под конец мне казалось, что на шее и плечах алеют болезненные ожоги, и уж конечно никакого наслаждения от просмотра я не испытала.

Как только прозвучали финальные аккорды, я мгновенно перенеслась к себе домой.

И еще долго ходила по своей галерее, не способная успокоиться. А больше всего переживала не за то, что дрожала от негодования и возмущения злобными выходками Гранта, а за то, что услышав хриплый шепот за спиной сразу же представила темную спальню и обнаженного золотоволосого мужчину с пылающего страстью глазами.

И как это понимать?..

Дэвид появился ко мне на следующий день после собрания. Я горестно вздохнула, встречая его на ступенях. Опять розы, опять в несметном количестве. Как не оригинально. Могли бы подарить что-нибудь необычное. Ну, хоть... терновый куст... Непрошенная мысль заставила насторожиться.

— Добрый день, — вежливо поздоровалась я.

— Привет, Любовь. Можно в гости? — улыбнулся Дэвид.

— Конечно! Проходи, — кивнула я и перенесла нас в гостиную... — Ты пришел по делу или просто так? — усаживаясь в кресло, поинтересовалась я.

— Я пришел пригласить тебя на свидание, — и, видя мою скептически настроенную физиономию добавил, — обещаю — будет весело.

— Дэвид, — вздохнула я, — а как же Аманда? Вы вроде с ней встречаетесь? — Как бы не была легкомысленная моя подруга, и как бы она не убеждала меня в том, что у нее с Дэвидом несерьезно, я не могла переступить эту грань.

— Да разве это встречаемся? Так, спим иногда, что бы совсем не забыть, как это с живым человеком... А то все... эти... куклы... — я опешила от такого цинизма... да что же это такое! Может это я здесь дефектная? Может это у меня с головой не все в порядке?

— Нет, Дэвид... Встречаться и ходить на свидания я с тобой не буду... — твердо произнесла я, — а то вскоре мы тут все будем жить как одна большая шведская семья из двенадцати человек... Ты встречаешься с Амандой, вот и встречайся дальше, — махнула я рукой. На некоторое время в моей гостиной воцарилось молчание.

— Аманда, конечно прикольная... — вдруг серьезно начал говорить Дэвид, — смешная, заводная, с ней хорошо и весело. Но ты другая... Ты как ослепительный солнечный свет озаряешь все вокруг... Рядом с тобой я чувствую ласковые руки матери, обнимающие меня, я чувствую тепло родного дома, уют... Я не знаю, как сказать... Я ощущаю себя любимым... Мне кажется, для каждого мужчины — это самое главное, чувствовать себя нужным и любимым...

— Но ведь ты не любим мной, — попыталась отвертеться я.

— Да... Конечно... Я знаю... Но это чувство... Умом я понимаю, что ты пока меня не любишь, но сердце наполнено нежностью... Ты сама, как любовь. И рядом с тобой я ощущаю себя любимым. Это так... — Дэвид задумался... — непередаваемо прекрасно... Я хочу всегда чувствовать это... Мне кажется, я бы с тобой смог жить эти десять тысяч лет...

Наверное, это лучший комплимент, который я слышала за свою жизнь — возможность прожить со мной десять тысяч лет... Кстати, это же вроде и Николя говорил.

— Ну, уж нет... — я встала с кушетки, — приходи, конечно, в гости... Чувствуй что хочешь рядом со мной, но больше, увы, ничего предложить не могу....

Дэвид со вздохом встал и галантно протянул руку.

— Ну, хоть дом свой ты мне покажешь? А то так и уйду, не побывав в твоей галерее. Наслышан. Наслышан.

И следующий час мы чинно ходили под руку, рассматривая картины и мраморные скульптуры, а мне почему-то казалось, что Дэвид меня обманул — ему вовсе не было интересно...

Это случилось опять... Он снова развязал войну... Я в тот день была в Египте, решила освежить в памяти грандиозные сооружения в Гизе и, как вдруг рядом (не более десятка-двух километров) умерла любовь. А боль и страх завладели рассудком. Я с ужасом чувствовала, как любящее сердце женщины превращается в пепел. Погиб ее сын, единственный, любимый. Женщина рвала у себя волосы на голове, стонала, а я медленно сатанела.

Грант решил свергнуть действующее правительство и осуществить переворот? Мне все-равно, что он там планирует! Я перенеслась к объятой ужасом толпе и попыталась успокоить разгневанных военных с оружием в руках. Я транслировала им мир, умиротворение и безмятежность. Все напрасно! Здесь были одни мужчины и их глаза уже заволокло пеленой кровавого безумия. Издалека почувствовала появление Альфреда. Ну конечно, Бог хаоса и страха... Клиенты созрели... Толпа пошла, штурмовать здание парламента... Неужели удастся?

С одной стороны я не могла смотреть на эти оскаленные злобой лица, полные ненависти и ожесточения. С другой интересно было увидеть, выйдет ли у Гранта осуществить переворот. Как он продумал тактику и стратегию. Кого назначил главарями и кому дал в руки оружие и власть. «Нет, прекрати немедленно!» — сказала я себе. Ты — Любовь, ты — созидание, ты — жизнь и милосердие. Твоя задача на земле — нести свет и добро. Взяв себя в руки, я покинула Египет. Там мне делать было нечего, и перенеслась к себе домой. Нужно было крепко поразмыслить.

Я сотворила мягкое уютное кресло напротив «Мадонны Бенуа» да Винчи и, впериw свой взгляд в картину задумалась. Итак, что мы имеем?.. Грант предложил мне стать его любовницей в обмен на прекращение войн... Бр... Меня передернуло... Никогда я не соглашусь на шантаж и насилие. Мне все претит в нем. Он полная моя противоположность. И даже если бы Посланник не предупреждал меня о противоестественности и невозможности нашей связи, у меня бы никогда у самой даже не возникло подобной мысли. «Как мужчина, он конечно видный и красивый», — шепнуло подсознание. Я тут же оборвала подленькую мыслишку. Внутренний голос не унимался «Признайся... Ты же видела его обнаженным... Он прекрасен»... «Даже, если и так, — согласилась я с подсознанием, — это ни о чем не говорит. Все Хранители красавцы хоть куда»... «Но он лучше всех...»

Меня опять увело не туда... Я взяла себя в руки попыталась вернуться к первоначальной мысли.

Может ему просто не хватает тепла и ласки? Я же помню по снам, он рос без матери, с жестоким авторитарным отцом. Сбежал из дома в шестнадцать лет и сразу на войну. У него (как я помню, хоть и смутно) ни разу не было нежной привязанности и любовных отношений. Женщины в его жизни выполняли одну функцию — потребительскую. Только однажды он чуть было не женился. Когда в сорок лет стал командующим, посадив на трон своего друга, завоевав для него небольшую страну. Грант сразу взлетел на самый верх. Почести, богатства, титулы и земли сыпались на него как из рога изобилия. Женщины пели ему дифирамбы, а отцы девушек на выданье стояли в очереди для того, чтобы предложить ему невесту. Тогда он согласился. Сорок лет, пора заводить семью, детей. Наверное, такие мысли бродили в его голове. Так как сны я видела урывками, мне приходилось самой

додумывать недостающие кусочки и событий. Невеста была прелестна. Белокурая красавица — аристократка, семнадцать лет, мила, тиха и послушна. Потом я видела Гранта уже в тюрьме, на дыбе. Как мне казалось, король просто испугался той силы, которую сосредоточил в руках его главнокомандующий. Ложный навет, предательство, снотворное в вине — Грант обвинен в государственной измене. Сколько лет прошло с момента победы, и успел ли он жениться — я так и не узнала. И как ему удалось избежать казни, когда я сама своими глазами видела Гранта стоящего на постаменте, и палач надевал ему на шею петлю — я не знаю. Но в следующем сне Грант опять был гонимым бродягой, наемником и бунтарем.

Я задумалась... Итак... Дэвид признался, что рядом со мной мужчина чувствует себя любимым (наверное, это свойство моей сущности, что мимо воли тихонько просачивается из меня)... Делает человека добрее, мягче, сердечнее... Значит, теоретически, я могла бы повлиять на Гранта, если бы находилась рядом с ним... «Но только не в постели!» — тут же одернула себя я... Осталось только придумать, как донести ему эту мысль... Как достучаться до него.

Я не стала откладывать в долгий ящик и сразу, как только в мозгу созрел план, перенеслась к нему в холл. Если он так беспечен, что разрешил своему дому пропускать меня внутрь, то нужно этим пользоваться. Наученная горьким предыдущим опытом, я не приказала себе оказаться рядом с Хранителем Войны, а проявилась на кушетке возле его грандиозного камина. Если Грант дома, то он быстро почувствует меня и придет, если нет — я подожду его здесь.

Через пару секунд после моего появления хмурый хозяин замка появился поблизости. Я даже не успела привести чувства в порядок и собраться с мыслями.

— Чем обязан? — отрывисто произнес он... Кажется, Грант был не в духе... Но отступать уже поздно.

— Привет, — вежливо произнесла я и, дождавшись холодного кивка от мужчины, продолжила, — я тут подумала над твоим предложением, — брови Гранта ошеломленно взлетели вверх... Он явно не ожидал услышать от меня эти слова, — нет-нет... ты не так понял... Я не собираюсь становиться твоей любовницей...

Я в замешательстве сцепила влажные ладони. Меня всю трясло от волнения и страха. Видимо он чувствовал мое состояние, так как губы брезгливо дернулись.

— Ну и? — холодно произнес Грант, — ты собираешься уже что-то выдать из себя или и дальше будешь мямлить... Сам он отошел к камину и оперся о гранитную каминную полку. На лице застыло непроницаемое выражение.

— Я предлагаю тебе свою дружбу, — наконец решилась я, — я буду приходить в твой дом, общаться с тобой, разговаривать... Может даже займусь обустройством замка... — я намеренно сморщила нос и огляделась, — здесь так неудобно.

— Ты дура, если думаешь, что от тебя мне нужна дружба... — резко оборвал меня Грант. Я даже опешила от такой неприкрытой грубости.

Я встретила с ним взглядом и тут же в страхе отшатнулась. Из его глаз на меня глядело Желание. Мощное, первобытное и даже... Пугающее.

— Но, я не понимаю, что ты хочешь от меня... — растерянно начала я.

— Я хочу тебя... — отрезал мужчина, пристально смотря мне в глаза, — я хочу тебя взять тебя быстро и без остатка, как победитель берет в плен поверженного врага. Грубо, резко, насильно ворваться в тебя до конца, до основания, до предела. Чтобы ты испытала

боль и экстаз. Я хочу, чтобы ты кричала в моих руках, извивалась и хрипела в агонии... Я хочу почувствовать своей плотью твой внутренний рельеф, узнать, как глубоко ты сможешь меня вобрать. Я хочу, чтобы ты охрипла от стонов, и сошла с ума от желания принадлежать мужчине... Мне...

С меня как будто сорвали кожу. И оголенные нервы вибрировали в резонанс с его словами... Я впервые в жизни столкнулась с такой страстью, с таким напором... и не знала, что делать и говорить. Просто стояла оглушенная и хлопала глазами в растерянности.

— И тогда, когда мой первый безумный голод будет утолен, я буду ласкать тебя часами... Я не оставлю на твоей коже ни единого нетронутого места, мои пальцы и губы будут везде, снаружи и внутри, я буду терпелив и холоден, я буду измываться над тобой пока ты не будешь рыдать и умолять меня взять тебя, пока ты не потеряешь свой хвalebный контроль... Пока твои глаза не помутнеют от страсти, пока ты не перестанешь связно говорить...

Я буду брать тебя без остановки, врываться в твою нежную плоть, утверждать свое господство и власть над тобой... Как завоеватель, как диктатор, как варвар... Я не буду с тобой нежен и ласков... Я не умею этого.

Он даже не притронулся ко мне. Мы так и стояли на расстоянии двух метров друг от друга. Я возле кушетки, он у камина. А казалось, что только что я побывала внутри доменной печи. Меня сунули на миг в лаву и резко выдернули наружу. И я стою здесь, с обожженной кожей, опаленными волосами и не знаю, что делать. Я один на один с разрушительным тайфуном, землетрясением. Непонятным природным катаклизмом, совершенно непредсказуемым и бешеным.

Что он прочитал в моих глазах?.. Страх? Неприязнь? Отвращение? Я сама не понимала, что я чувствую, но под пальцами Гранта вдруг начал крошиться гранит, из которого был сделан камин. Я с величайшим усилием оторвала взгляд от его искаженного лица и сбежала домой. Струсилa...

Приходила в себя я, наверное, пару дней. После услышанного признания я перенеслась на свой одинокий остров посреди моря и несколько часов тупо пялилась на воду без единой мысли в голове. Потом пришел гнев и негодование. Меня всю затрясло от злости. Почему я? Почему он избрал меня своей целью? Чем хуже Аманда? (Тем более, она вроде не против с ним близко пообщаться). Может потому, что мы вечные антагонисты? Может потому, что он просто хочет подчинить меня своей воле? Подчинить Любовь? Я ни секунды не предполагала, что он мог в меня влюбиться. Только не Бог Войны. Он просто не способен на чувства... Похоть? Страсть? Власть? Подчинение? Возможно... Но не любовь...

Разобрав по составляющим его и свои чувства, логически поразмыслив и немного успокоившись, я пришла в себя. Ведь никто меня не заставит быть с ним? Я такой же Хранитель, как и он, с такими же способностями и силой. Насильно он ничего не сделает, только я почувствую малейшую угрозу — сразу же перенесусь к себе.

Со временем, я найду способ противостоять Войне. Впереди долгие годы. А пока буду заниматься своими подопечными. Помогать обрести любовь отчаявшимся и дарить надежду на счастье потерявшим веру. Ведь это в моих руках? А войны?.. Значит, буду бороться только с последствиями.

На этой оптимистичной ноте я отправилась домой, но даже спустя несколько дней его слова звучали у меня в ушах. «Я хочу, чтобы ты кричала в моих руках... сошла с ума от желания принадлежать мужчине...» Они ядовитой змеей залезли мне под кожу и не хотели меня покидать. Я всеми силами пыталась стереть их из памяти. Но пока не удавалось.

Следующие несколько месяцев на общих собраниях я сидела тихонько как мышка. Не участвуя ни в каких шутках и экспериментах, не играя в карты и не соглашаясь на розыгрыши. Как только я видела Гранта ближе, чем десять метров от себя, я тут же переносилась в противоположный конец зала. Даже Аманда заметила, что я его избегаю. Я не могла пока ей рассказать почему. Его слова были так интимны и сокровенны, что казалось, если я перескажу их Аманде, то, как будто предстану голая перед всем честным народом. Грант, наблюдая за мной, насмешливо кривил губы, но пусть лучше считает меня трусихой, чем я опять испытаю тот шок и смятение.

Жизнь вошла в привычную колею. Почти... Только совсем не к месту иногда всплывали в памяти пылающий взгляд Бога Войны или его стальные мышцы на обнаженной груди. Попеременно ввергая меня то в пучину гнева, то возбуждения. Я запретила себе думать о Гранте. У нас ничего не может быть общего... Абсолютно ничего!

Лучше для любви я создам себе Андрея... «Нет, — оборвала я себя, — какого Андрея? Твоего или настоящего, живущего в Нью-Йорке?» Андрей отпадает... Значит Алексея... Точно! Таким, каким я его помню — красивым, высоким, с ласковыми руками и громким голосом, еще до измены. Я загорелась идеей. Аманда сразу меня поддержала.

— Если не можешь определиться с нашими Хранителями, начни с малого... создай себе нежного, ласкового мужчину, — сказала она, — хотя бы для физиологии.

Слово неприятно царапнуло. Именно с Алексеем я эту самую физиологию и проверила. Ну да ладно. Я представила своего бывшего мужа, хирурга из прошлого, такого, как я помнила. Уверенного, сильного, страстного и любящего.

Помнила я его видимо не слишком хорошо. Так как статный красавец, стоящий посреди комнаты и растерянно озирающийся был уж слишком идеальным. Стройный, подтянутый, с атлетической фигурой и классически красивым лицом. Нет, Алексей никогда не занимался спортом так усердно, чтобы иметь такой пресс. Я вздохнула. Но все-равно похож-похож. Аманда захлопала в ладоши.

— А ты была счастливой женщиной Люба, если у тебя в жизни были такие мужчины! Просто красавец!

Алексей обернулся на голос и начал пристально всматриваться в наши лица. Он должен был родиться уже с умением разговаривать и с набором стандартных чувств и эмоций.

— Я прошу прощения, милые дамы... — неуверенно произнес он... Я вздрогнула. Этот голос. Он окунул в прошлое, то, которое я похоронила и забыла... — мужчина продолжал, — кто вы?

— Ладно, — поднялась с кушетки Аманда, — развлекайся, не буду мешать... Я домой... — и исчезла. Я осталась один на один с сотворенным бывшем мужем и странное сомнение в правильности моего поступка начало охватывать меня. Но, что сделано, то сделано. Следующий час я сидела с ним за столом, потчuya гостя отбивной и жареной картошкой с салатом. Учувя запах мяса, прилетел Рыжик. Пришлось покормить и его. Удивительно. Накрытый стол, мужчина с аппетитом уплетающий обед, кот, трущийся о мои ноги (ну и пусть с крыльями, все-равно похож) создал атмосферу земной обычной семьи. Почти так и было у нас с Алексеем (только без кота). Я транслировала мужчине чувство покоя и умиротворения, любви и тепла. Я пока не знала, что с ним делать и просто

окутывала материнской заботой и лаской. За обедом рассказывала, что он живет в этом замке. Уже давно. Его зовут Алексей Слуцкий. В каком качестве живет и что делает, я еще не придумала, да он и не интересовался. Он спокойно и как то равнодушно слушал меня и не задавал вопросов. Я вспомнила, что Аманда мне говорила об искусственных людях. Набор базовых инстинктов. Небольшой словарный запас. Комплект основных потребностей. Ни любви, ни ненависти, ни интереса ждать от Алексея не приходилось. Пока мне было еще трудно с этим смириться, я еще относилась к нему, как к обычному человеку, просто немного заторможенному после рождения. Я показала ему спальню, шкаф с одеждой (пришлось быстренько порыться в памяти и создать пару-тройку комплектов костюмов, рубашек и обуви), ванну, туалет и оставила одного. А сама задумчиво перенеслась на свой остров. Там мне хорошо думалось. Почему то у меня было такое чувство, что я создала еще одного Рыжика? Ребенка, за которым я буду ухаживать? И уж точно, никаких сексуальных влечений он во мне не вызывал. Может, придет со временем? Я задумчиво смотрела на водную гладь, и чувство сотворенной глупости не покидало меня.

Часть третья

Я уже четыре года как Хранитель. Я отметила годовщину бокалом шампанского и клубникой. Рядом на кушетке сидел Алексей и гладил кота. Мои питомцы.

За два месяца, которые у меня в замке жил Алексей я окончательно удостоверилась, что моим мужем (в полном понимании этого слова) ему не стать. Стыдно признаться, но я однажды даже поцеловалась с ним. Захотелось ласки и мужского тепла. Мы выпили немного вина, играла медленная музыка, я пригласила Алексея на танец. Помню, мой второй муж прекрасно танцевал в нашей прошлой жизни. Всегда, когда мы в ресторане или дома кружились в объятиях друг друга, меня охватывал такой трепет и восторг. Но не в этот раз. Тело конечно было шикарным. Мускулистое, стройное. Полные красивые губы. Сильные руки. Я перенеслась двадцать лет назад в свое счастливое время, обняла мужчину и потянулась к его рту. Губы были... теплыми и мягкими... Пожалуй, на этом и все. Я сама попыталась углубить свой поцелуй, немного прикусила нижнюю губу, языком нежно дотронулась до его, обхватила руками голову и наклонила к себе. Алексей подчинился... Как будто я была ведущей скрипкой, а он просто следовал за мной. Он был послушным и пассивным, каким-то замороженным. Меня вдруг посетило чувство, что я целуюсь с зеркалом. Так как он просто повторял мои движения (хотя стоит признаться, что мужское тело реагировало, как положено на ласку), но оставался внутренне безразличным. На том наш поцелуй и закончился.

Он ходил по дому, ел и спал, разговаривал о погоде и любовался со мной картинами в галерее. Но все это было как будто отражением меня, моих эмоций, моих чувств. Своих у него не было. Жаль... Я поняла, что и этот мой план провалился. Придется и дальше любить природу, дом, людей, животных. Увы, Алексея-2 я полюбить не смогу. Он остался у меня в замке, как питомец, с которым можно было поговорить (почти то же, что поговорить с собой), Аманда порывалась его забрать в коммуну, сказав, что с двумястами таких же людей ему там будет веселее. Я пока не соглашалась. Все-таки иногда так хотелось полюбоваться на застывшую копию своего второго мужа. Вспомнить прошлое, но и только.

На этот раз Дэвид принес в подарок свое хорошее настроение и улыбку.

Он сам иронизировал, говоря: — Что можно подарить Богине, у которой все есть? И которая может сделать то, чего у нее нет.

Если честно, Дэвид мне нравился. Еще тогда, во снах я прониклась к нему необъяснимой симпатией и расположением. Он был хорошим собеседником, с ним было интересно и легко. Он первым четко и ясно обрисовал мне влияние, которое я оказываю на мужчин. Правдиво и доходчиво, иронизируя и ничего не скрывая.

Он почти каждую неделю приходил ко мне... как говорил — подпитываться любовью... Мы сидели или на ступенях моего замка или в беседке, стоящей почти на краю скалы. Мой замок возвышался на высокой скале, ограждающей стены вокруг него не было, только низенькая декоративная изгородь из кустов жасмина, поэтому из беседки открывался великолепный вид на бескрайнее море внизу. Мы разговаривали, слушали музыку, шум волн, читали стихи. Иногда с нами сидела Аманда, иногда Алексей-2 с Рыжиком.

Дэвид взял мою руку и поцеловал ладошку. Я ласково улыбнулась и покачала головой. Бог торговли притворно вздохнул, — «Придется пока довольствоваться только дружескими объятиями».

Вдруг на ступенях появился Саймон с букетом нарциссов.

— Иди сюда, — махнула рукой я, тут же создавая вазу с водой, — мы здесь плюшками балуемся.

Если Саймона и покорило присутствие Дэвида — он не подал виду. Весело заулыбавшись, он присоединился к нашему чаепитию.

— А где Аманда? — поинтересовался Саймон.

— Уже ушла, — ответил Дэвид, — полетела на землю, у нее там появились любимчики, двое годовалых близнецов. Где она их откопала... Но теперь постоянно сидит у них в детской и хохочет вместе с ними. Она даже в коммуне создала несколько ребятишек... Ты знала?

Знала, — вздохнула я, — отговаривала, но все бесполезно. Может ей не хватает детей? — спросила я у Дэвида.

Это у меня в своей земной жизни не было своих детей, у большинства же Хранителей они были. Наверное, трудно им сейчас. Тем паче Посланник создал такие жесткие и сложные условия для рождения детей, что, скорее всего у меня их никогда и не будет.

— А что Грант здесь делает? — вдруг спросил Саймон, удивленно вытаращившись, — ты его приглашала?.. Я в замешательстве обернулась.

Появившись возле ступенек дворца Грант на секунду замер ориентируясь, потом решительно развернулся и направился к нашей беседке через двор... Непроницаемое лицо заставило меня напрячься... «Что он хочет? Зачем пришел?» с того памятного разговора больше двух месяцев назад мы с ним не перебросились ни единым словечком и я немного боялась его непредсказуемости.

— Тут я смотрю, занимают очередь, чтобы... пообщаться... с Любовью, — скрестил руки на груди Грант.

— Ничего подобного, — агрессивно и резко ответила я, — если хочешь, может присесть, так же как все... Поговорим...

— Обойдусь как-нибудь, — скривился мужчина и тут же перешел на оскорбительно ласковый и интимный тон, — я пришел сказать, дорогая Любовь, что обдумал твое предложение, высказанное мне в прошлую нашу встречу, — Саймон и Дэвид изумленно уставились на меня. Выглядело достаточно двусмысленно, как будто у нас с Грантом были... скажем, отношения...

— Я согласен обсудить твой план, милая, — продолжал Бог Войны... — не здесь, — оборвал он меня, видя, что я что-то собираюсь сказать, — жду тебя у себя в замке... — не бойся, не съем, — добавил он почти страстно и исчез.

После его ухода я несколько секунд сидела, неподвижно уставившись в одну точку. Его хрипловатый голос заставил меня всего за минуту разговора почувствовать жаркий огонь и ледящий холод, волнение и страх. Только чего из этого было больше? Почему я так реагирую на него? Боюсь? Или что-то другое? Я ощущала, что Дэвид и Саймон удивленно едва сдерживая интерес, рассматривают меня. Они молчали, и я не собиралась ничего говорить.

— Ну что? Поиграем в карты или развлечемся, слетая в Лас-Вегас? — деланно веселым тоном спросила я.

— Лучше на Землю, — ответил Дэвид, — я знаю одно местечко — в Москве недавно открыли новое заведение... Вам понравится.

Хранители целый день развлекали меня разговорами и ставками, но Любви делать в новом клубе было нечего, там правили совершенно другие эмоции и чувства. Это была парафия Дэвида и Саймона. Азарт, обман, любопытство, увлечение игрой. Деньги, сила, власть, охота. Я с улыбкой смотрела на горящие глаза мужчин, которые выбрали себе по объекту и теперь спорили, кто выиграет, а слова, недавно сказанные мне Грантом, не шли из головы. Я думала об этом весь вечер. Значит ли это, что Война согласен заключить перемирие? Согласен прекратить кровопролитие?

— Я домой, — крикнула Хранителям, — вы и без Любви здесь прекрасно справляетесь. Мужчины кивнули, и я переместилась в свой замок.

Я уже час ходила из угла в угол, никак не решаясь навестить Гранта. «Неужели я такая трусиха?» — корила я себя. «Возьми себя в руки, ну что он тебе сделает?». Но как только представляла его высокую хищную фигуру, сердце колотилось от страха и решительность испарялась, как первый снег. Наконец, взяв себя в руки, я пожелала оказаться в его замке.

Казалось не прошло и секунды, как Грант сидел рядом в кресле напротив меня. Мы некоторое время молчали. Я собиралась с храбростью, он просто со странным выражением рассматривал меня. Когда молчание уже становилось совершенно неприличным, я сипло прокашлялась и произнесла.

— Что же, я опять предлагаю тебе дружбу, — Грант скривился, как будто выпил уксуса, но промолчал... — я подумала, что могла-бы... приходить к тебе в замок... Делать что-нибудь полезное, обставлять комнаты, заняться дизайном интерьеров, вырастить парк или сад за домом, а еще лучше — приходи ты ко мне... — вдруг пришла новая мысль в голову.

— Нет, — оборвал меня Грант, — исключено.

— Хорошо, — согласилась я послушно, — буду приходить я... А в ответ я требую... нет, прошу тебя прекратить все войны на Земле.

— Это невозможно, Любовь, — холодно произнес Грант, — я не могу совершенно их прекратить.

Я впервые подняла на него глаза. До этого я смотрела на камин, стены, колонны, только не на Гранта. Красивое, как будто высеченное из гранита лицо мужчины застыло, он явно не привык торговаться и идти на уступки. Не привык подчиняться.

— Как не можешь? — удивленно заявила я, — а зачем же ты звал меня к себе? Я думала... — Я растерялась.

— Я не прекращу их совсем... — медленно начал Грант, — но я буду объявлять перемирие каждый раз, когда ты будешь приходить. Но то время, которое ты будешь находиться рядом со мной.

— Но этого мало! — воскликнула я, — я смогу здесь быть ну может пару часов в неделю, у меня же есть и другие дела!

— Какие же? — издевательским тоном поинтересовался Грант, — развлекать Саймона, Дэвида, Николя, других Хранителей? За полное прекращение войн я хотел от тебя немного больше, чем просто декорировать гостиную, — я вскочила на ноги, услышав оскорбительный тон.

Я чувствовала его злость, злость загнанного в ловушку сильного зверя, его нежелание идти на уступки, и в то же время его сумасшедшую жажду во мне, горячность, ревность, весь этот непонятный клубок эмоций. Его борьбу, его войну, с собой, со мной. Я не умела торговаться, но сейчас почувствовала свою силу. Настоящую силу женщины, которая может свернуть горы. Во мне нуждались, меня хотели, меня жаждали. Не знаю почему, не знаю зачем. Но если я была нужна ему, значит нужно торговаться.

— Ты мне обещаешь, что на время моего пребывания здесь будут прекращены все войны на планете, ни один человек не погибнет и не умрет, — громко и четко заявила я... Грант насмешливо скривился.

— Что, даже от болезни или от старости? Ты уж совсем хочешь невозможного.

— Не передергивай. Ты меня правильно понял... Я имела в виду, не умрет от оружия, —

я немного подумала и добавила, — и весь следующий день тоже... Я все продумала. Если Дэвид прав, то со временем Грант, находясь рядом со мной, общаясь, разговаривая немного изменится. Была такая небольшая вероятность. Станет мягче, добрее. Возможно сговорчивее. А пока я «на коне» нужно дожимать.

Грант молчал и пристально смотрел на меня, обдумывая. Я стояла в своем легком голубом платье, длинные волосы были заплетены в косу. Это обычная моя прическа и обычный наряд, почему же Грант на меня так смотрит?

— У меня возникает только одно желание, глядя на тебя, — тихим напряженным голосом начал говорить мужчина, — покорить и присвоить себе... Как вещь, как рабыню. Чтобы ты была всегда доступна, каждую минуту, каждую секунду, когда я захочу. Чтобы ты не могла уйти от меня, я бы приковал тебя к себе, запер, закрыл в своем замке навеки. Но не могу. Увы... Ты исчезаешь и просачиваешься сквозь пальцы. Зачем мне это могущество, если моя воля не может удержать тебя рядом... И если я хочу тебя все-таки заполучить — придется играть по твоим правилам.

Я сжала руки в кулаки, внутри все дрожало мелкой противной дрожью.

— Как вещь?.. — дрожащим гневным тоном произнесла я, — как рабыню?.. Ты ко всем женщинам так относишься?.. Неудивительно, что ты так ни разу и не был женат в своей жизни... — воскликнула я в возмущении.

— А говорила, что ничего не помнишь обо мне по снам, обманщица... — обидно рассмеялся Грант и, подняв руки, как будто сдаваясь, произнес, — ладно-ладно, я согласен с твоими требованиями... Любовь... Как мне, наверное повезло, что есть чем тебя завлечь к себе... Есть чем шантажировать, — и более серьезно, — Ты будешь приходить в мой замок по субботам утром. Как только ты переступишь порог моего дома, я начну отсчет перемирия на Земле... Только ты ошибаешься, девочка.

Я в возмущении вскинула голову.

— Это еще почему? — высокомерно заявила, мысленно празднуя победу. Я склонила перед собой этого сложного грозного мужчину! Я победила!

— Потому что, — насмешливо произнес Грант, — чем меньше меня будет на Земле, тем больше будет Альфреда и Анжелики. Люди все-равно будут умирать... Ты не сможешь сделать всех счастливыми, Любовь.

— Ну, я постараюсь, — хмыкнула... — до субботы, — и исчезла.

В первую субботу я решила просто осмотреть дом... Грант меня пока не трогал, не настаивал на своем близком присутствии, на общении. Может, он думал, что у нас уйма времени впереди, что вечность в его распоряжении. Может, решил не действовать нахрапом, видя, как я пугаюсь каждого его движения в мою сторону. Только поприветствовал меня, утром появившись в холле почти одновременно вместе со мной.

— Отсчет пошел? — задиристо поинтересовалась я.

— Можешь не сомневаться, — криво улыбнулся краем рта Грант. Теперь, когда, наконец, он меня заполучил в свой дом, и мы заключили соглашение, он как будто успокоился и расслабился, — я буду в кабинете. Я кивнула.

Грант исчез, а я подошла к колонне. Положила обе ладошки на холодный шершавый камень. «Ну, привет, дом», — поздоровалась я и послала сильную волну тепла и любви замку. «Ты станешь самым красивым и уютным на свете. Не то, что твой хозяин». Мои ладони потеплели, я услышала ответный отклик. Еще робкий и нерешительный. «Мы подружимся?». Похоже, замок согласился... «Я обещаю, что сделаю тебя прекрасным. Каким ты хочешь быть?». От замка в ответ пришло недоумение и замешательство. «Еще не решил?.. Тогда я буду тебя украшать, а ты мне будешь говорить, понравилось или нет»... Теплая волна согласия ветерком прошла по залу.

И началась моя работа, как декоратора. Впервые я делала что-то другим, точнее другому мужчине. Я боялась, что не понравится, поэтому сначала выискивала красивое сочетание цветов и фактур в базе данных, потом переносила это в комнату и спрашивала замок. Если ему нравилось — оставляла. Ведь замок — создание Гранта, и они почти родственные души, если нравится одному — понравится и другому. В итоге через несколько недель замок было не узнать. Я обрядила гостиную в красивые панели из ореха и кедра. Строгий геометрический рисунок дубового паркета украсил пол. Изогнутые медные канделябры и подсвечники висели на колоннах. Кованые решетки на камине, бордовые ткани драпировали окна и стены. Остальные комнаты (а их было достаточно много в замке) так же преобразились. Единственно чего я не понимала, зачем они Гранту? Сама я использовала не более пяти комнат у себя в замке, плюс еще кинотеатр и библиотека. Все остальные огромные помещения у меня были отведены под выставку музейных экспонатов. У Гранта ничего этого не было. Я иногда создавала нужную для интерьера копию статуэтки или картины. В основном мужской тематики — морские пейзажи или портреты великих полководцев. От дома приходило в ответ одобрение, и я продолжала дальше. Временами ко мне перемещался Грант. Он молча стоял возле стены и смотрел, как я работаю над комнатой. Сначала я нервничала, вздрагивала и пугалась, ощущая его рядом, но потом просто привыкла и перестала на него обращать внимание. Привыкла к его непонятным резким появлениям и таким же быстрым исчезновениям.

Я уже заканчивала декорировать столовую, как совсем рядом раздался голос Гранта.

— Посиди со мной в кабинете... Я кивнула, обернувшись... — Сейчас, минутку...

В кабинете я еще не была. Две комнаты, в которые мне было запрещено заходить (по словам Гранта, они ему и так нравились и он ничего не хотел бы в них менять) были спальня и кабинет. Спальню я уже видела (в тот памятный раз). Огромное полупустое помещение с невероятной по размерам королевской кроватью с балдахином. Шкуры на полу, пара

кушеток, обитых кожей. Вот и вся мебель. Кабинет выглядел поприличней. Скорее всего, Грант его скопировал где-то уже виденный. Письменный стол из красного дерева, добротное удобное кресло, многочисленные стеллажи вдоль стен, несколько картин с изображениями сражений. Посреди комнаты какое-то непонятное полотнище. Толи диорама, то ли пазл, лежащее на квадратном столе метра три на три. Я присмотрелась и ужаснулась. Это был маленький полигон. Крошечные макеты танков и самолетов, еще более крошечные люди. И они были живыми! На полотнище постоянно что-то происходило. Что-то двигалось, горело маленькими вспышками, доносились слабые глухие хлопки. Я заворуженно подошла поближе и напрягла зрение, увеличивая масштаб. Разглядела миниатюрные машины, едущие по дорогам, самолеты летали где-то на расстоянии сантиметра от поверхности стола. Я прикинула — километр реального расстояния. Значит масштаб один к ста тысячам. А если уж совсем точно, то карта на столе охватывает триста на триста километров. Вполне уместится небольшая локальная война.

Я ошеломленно обернулась к Гранту. Он пожал плечами.

— Ну, ты же запрещаешь развлекаться на Земле. Вот приходится отрабатывать стратегию здесь.

— Спасибо тебе, — миролюбиво поблагодарила я Хранителя, за эти несколько недель (я тщательно следила за Землей) заметно сократилось количество убитых и раненых в войнах и военных конфликтах. Почти сутки, а то и более, в неделю продолжалось перемирие.

Грант скривился, как будто я не поблагодарила, а нагрубила. Ну что за непредсказуемый человек! Я его совершенно не понимала. Но все же, за эти недели я привыкла к его ненавязчивому присутствию рядом. Не скажу, что мы сильно переплетались эмоциями, но все-таки немного влияли друг на друга.

Аманда немного ревниво восприняла мое решение бывать у Бога Войны.

— Станный выбор, — фыркнула она, — особенно для тебя... Есть намного лучше варианты, и Грант тебе совершенно не подходит.

— Почему? — деланно возмутилась я, просто затем, чтобы поспорить... Я и сама не планировала близко с ним сходить. На общих собраниях Хранителей мы по-прежнему почти не общались. Я со своей компанией сидела в одном конце комнаты, он в другом.

— Сама говорила, что может быть общего между Войной и Любовью?

— Да не собираюсь я с ним спать, — обиженно воскликнула я, — я же говорила, мы заключили сделку! Прекращение войн в обмен на мою работу декоратором.

— Ты действительно в это веришь? — скептически прищурилась Аманда, — какая ты наивная, подруга... Ты думаешь, ему нужен декоратор? Я покраснела и опустила голову, вспомнив его слова «Присвоить и все такое...»

— Вот-вот... — вздохнула Аманда... и добавила со смешком, — но я все-равно рада, что ты хоть с кем-то встречаешься... Когда он тебе надоест, скажешь, я попытаю счастья, — многозначительно ухмыльнулась...

Я шуточно замахнулась на нее... — Перестань! Ничего такого не будет.

Аманда развернулась и тихо прошептала в сторону.

— Посмотрим... Он производит впечатление человека, который добивается того, чего хочет... А пока он хочет тебя.

Теперь я сидела в его кабинете в созданном для меня персональном кресле и читала,

смотрела на Землю, но в основном с интересом наблюдала за работой Хранителя Войны. Он постоянно ходил вокруг этого макета, что-то размышляя, планируя. Взмахом руки, перестраивая ряды танков и количество вооружений с той или другой стороны. Добавлял трудностей воюющим, устраивая природные катаклизмы. На арене событий сверкали грозы и шли ливни, мешая перемещению войск, размывало грунтовые дороги, снегом заносило технику. Иногда он стирал одним махом половину холста, и на месте земли появлялось синее бескрайнее море. Крошечные авианосцы и темные пятная подводных лодок приковывали его внимание. Его сосредоточенность и тонкий расчет импонировали мне. Он в уме выстраивал многоходовые задачи и почти никогда ничего не записывал.

Я восхищалась гибкостью и точностью его мышления. Я не умела долго думать над какой то проблемой. Это было не в моем характере. Если я в своей жизни сталкивалась с трудностью, с каким-то препятствием, и если не получалось решить ее сразу — обходила стороной, прогибалась и уступала. Грант же всегда сталкивался в лоб в лоб. И боролся, пока она не сдастся. Тщательно, упорно, внимательно. Плановмерно расставлял ловушки и капканы на своих же противников, и они, конечно туда попадали.

Иногда я ловила себя на мысли, что уже так привыкла к Гранту, что почти не чувствую страха или неприязни в его присутствии. Мы иногда сидели в своих креслах, он, за столом планируя и вычерчивая свои стратегии, я, в своем, читая или прислушивалась к эмоциям людей на земле. Иногда он брал меня на свой большой полигон (как он его называл). На некотором расстоянии от замка простирались сотни и сотни километров рвов, ям, траншей и барачков. Там вечно шла война. Под непроницаемым куполом, накрывавшем огромную территорию гибли люди, взрывались бомбы, ревели низко летящие истребители и бомбардировщики. Умом я понимала, что гибли не настоящие люди, а куклы. Но все равно сердце сжималось и настроение портилось.

— Почему ты ни разу не принял мое приглашение побывать у меня в замке? — как-то задала я вопрос Гранту, — у меня там красиво и уютно.

Грант поднял на меня тяжелый взгляд. Я не часто с ним разговаривала. Мы в основном молча занимались каждый своим делом и не стремились общаться.

— Мне хватает твоего присутствия здесь, я и так постоянно борюсь с собой... — Грант запнулся, сверкнув глазами... и помолчав, добавил, — Тем более что я видел твой замок... Я несколько раз бывал около него.

— Ну а внутри? Внутри ты же не бывал, — настаивала я... Не знаю, может мне хотелось похвастаться своим творением, может еще что-то... Но я почему-то хотела видеть его среди дорогих мне вещей... Странное желание.

— Может как-нибудь потом, — буркнул Грант, — ты и так на меня сильно воздействуешь, я просто опасаюсь, что посетив твои личные владения, наполненные твоей сущностью совершенно не смогу держать себя в руках.

Что он имеет в виду? Последние несколько месяцев наших совместных встреч проходили достаточно спокойно и чинно. Никаких страстных признаний, никаких слов о «присвоить» или «принадлежать». Я уж подумала, что моя сила уже сделала его добрее и мягче, а оказывается он просто держит себя в руках?

Я лукаво улыбнулась, теребя кончик косы. Я его совершенно уже не боялась, даже наоборот, хотела немного потормозить.

— Ну, хорошо, не хочешь — не надо... А может тогда слетаем на Землю? Посмотрим, как мы можем вдвоем воздействовать на людей?

И вынудив его вымученно кивнуть, неосознанно протянула свою руку. Сильные пальцы обхватили мою ладонь, и я дернулась от волны захлестнувших меня разнообразных эмоций. Большинство из них были чужими. Мощное нестерпимое желание обладать, удержать рядом, присвоить. Мучительный голод, яростная борьба с собой, со своей волей, решимость. Жесткие рамки самоконтроля и дисциплины. И страсть, темная, необузданная, почти маниакальная. Я резко выдернула ладонь, тяжело дыша. Сердце казалось, хотело выпрыгнуть из груди. Пару секунд я была полностью дезориентирована... Вот и спокойный. Вот и уравновешенный... Нет, больше никогда добровольно не притронусь к нему.

— Прости, — буркнул Грант, — в основном я держу все свои эмоции под контролем.

Я подняла голову и посмотрела ему в лицо.

— Это так тяжело? — тихо поинтересовалась я... — мне жаль.

Грант дернулся как от пощечины.

— Не смей жалеть меня, — высокомерно и холодно произнес он, — мне не нужны ни твоя доброта, ни твоя нежность. Мне нужно только твое тело... И все... — отрезал он и вдруг сильно и резко притянул меня к себе, впившись в губы... Я даже ничего не успела сообразить, как меня полностью поглотил неистовый вихрь... Грант прижал меня так сильно, как будто боялся, что я сейчас исчезну или растворюсь. Как-будто это последний глоток воздуха в его жизни, как будто мир катится в пропасть, а я единственное основание, его незыблемая точка опоры... Мне даже мысли в голову не пришло перенестись, так я была сбита с толку и ошарашена. Твердые жадные губы яростно терзали мои, мягкие и безвольные. Как дикий безумный зверь он поглощал и упивался, моей беспомощностью и растерянностью. Его крупное тело трясло лихорадочной дрожью от едва сдерживаемой страсти. Одной рукой он зарылся в мои волосы и прижимал голову к своей, другой — резко и сильно притиснул мои бедра к своим и я почувствовала животом каменную пульсирующую выпуклость. Язык хозяйничал у меня во рту, ритмично погружаясь внутрь, переплетаясь с моим, жадно выпивая мои всхлипы и стоны. Я забыла, как нужно дышать и не дышала вовсе. Я тихонько жалобно постанывала и неосознанно стремилась прижаться еще ближе, каждой клеточкой почувствовать твердое сильное тело, железные мышцы, восхитительно-горячую гладкую кожу. «Совершенно не так как с Алексеем-2» — мелькнула на краю сознания мысль... Меня с головой захлестнул водоворот его эмоций, чувств, желаний... Они переплелись с моими и Грант немного успокоился. Через некоторое время он понял, что я не исчезну, губы стали мягче и спокойнее, он покрывал почти нежными поцелуями мой лоб, глаза, брови. Крупные жесткие ладони обхватили мое лицо, как чашу с восхитительным напитком, мужчина пил меня и не мог напиться. Мое сердце грохотало внутри кузнечным молотом, я вдруг почувствовала себя живой и настоящей... Как человек, как земная женщина... Восхитительно мокрая, дрожащая, жаждущая. Что? Я жажду? Войну? Мысли заставила меня напрячься и прийти себя. Я телепортировалась на несколько метров в сторону и оказалась почти у двери кабинета. Мы смотрели друг на друга осоловевшими глазами и тяжело дышали.

— Я, пожалуй, пойду... пока... — прохрипела я и тут же перенеслась к себе домой.

Я всегда была с собой честна и не предвзята. Нужно посмотреть правде в глаза. Это было желание. То, что я испытала с ним. Я хотела этого мужчину, еще минута и я бы сама начала стягивать с него одежду. Только чего было больше в моем желании, его эмоций или это были мои собственные? «Если мои, то я определенно попала», — подумала я в страхе.

Мы все-таки полетели на Землю. В следующую субботу Грант, как ни в чем не бывало, коротко поздоровался и равнодушно сказал, что согласен попробовать поработать вместе. Я осторожно кивнула, и мы перенеслись в Рим.

Немного полетали над городом, присматриваясь, пока не выбрали одну из центральных площадей с красивым фонтаном и множеством кафе и ресторанчиков по периметру.

Девушка и парень ссорились. Уже давно. И скорее всего пришли в кафе, чтобы или поставить точки над и, или окончательно расстаться. Странно, я видела, как в их сердцах горит огонь любви, настоящей любви. Я видела страсть и нежность в их душах. Но почему они тогда ссорятся? Почему девушка отворачивается от любимого лица, а парень в сердцах бросает какую-то колкость? Грант так же обратил внимание на ругающуюся пару. И подлетел ближе. От его близости ругань вспыхнула еще сильнее.

— Ты меня никогда не любил! — воскликнула девушка.

— Это ты меня не любила! — злобно бросил парень. Ссора зашла в тупик. Только я хотела вмешаться, добавить побольше любви и нежности в их сердца, как Грант произнес.

— Подожди. Дай я.

— Ты что, — обернулась я к Хранителю, ты же видишь — еще немного, и они разругаются вдрызг. Тебе не стоит вмешиваться, от твоего присутствия становится еще хуже.

— Им нужно выговориться. Выяснить отношения, — ответил Грант, — я просто немного подтолкну их.

— Не нужно! Из-за тебя они окончательно расстанутся! — вспыхнула я, переместившись вперед, неосознанно загораживая пару.

— Если сейчас они не выяснят отношения до конца, эта недосказанность так будет висеть над ними тяжелым грузом... — Грант попытался меня образумить, — ты сейчас приглушишь костер, добавишь любви, нежности, они конечно помирятся, поцелуются. Но едва тлеющие угли недопонимания останутся, и в следующий раз, когда тебя не будет рядом ссора вспыхнет намного сильнее. Дай им выговориться.

— Откуда ты знаешь? Ты что изучал психологию? — прошипела я, в глубине души признавая его правоту.

— Просто я собаку съел на поприще тактической войны... — ухмыльнулся Грант, — борьба везде одинакова, и в стратегии ведения боя и в личных отношениях.

Я склонила голову и переместилась вправо, давая ему пространство. Грант же подлетел ближе к паре, открывая свою сущность. Те уже даже не разговаривали, а девушка нервно рылась в сумочке, пытаясь найти телефон.

— Хочешь сбежать? — раздраженно крикнул парень, — давай, беги, ты всегда уходишь от неприятных тебе разговоров и тем. И тогда, когда неделю назад твоя лучшая подруга при мне заявила, что я похож на лысого колобка, ты только мило улыбнулась и ни сказала, ни слова в мою защиту!

Парень был и в правду немного полноват, но это его не портило, на мой взгляд, он был очень милым и приятным.

— А ты... — девушка начала всхлипывать, — ты, когда мы встретились случайно с твоими родителями, сказал — это моя знакомая, случайно встретились... А мы уже почти год встречаемся! Стыдишься меня? — уже почти рыдала девушка.

Атмосфера накалилась до предела. Я со стороны наблюдала за двумя еще любящими друг друга молодыми людьми. Слушала их оскорбления и упреки. И как будто наяву видела тонкие острые иглы, которые пронзали их сердца, оставляя там маленькие кровоточащие ранки. Грант еще больше усилил нажим. Я попыталась приблизиться, но он решительно махнул мне рукой «Не мешай».

— Ты негодяй и подлец! — вдруг сквозь рыдания закричала девушка, — я так тебя любила, а ты!..

— Ты любишь меня? Но ты же минуту назад сказал, что... — растерянно начал парень.

— Я соврала. Я хотела сделать тебе больно, как ты мне... — всхлипывала девушка.

Грант с усмешкой приблизился ко мне и произнес — «Теперь ты, Любовь»

Я подлетела к рыдающей девушке и стоящему рядом с ней парню. На лице последнего застыло неподдельное страдание и боль. И принялась за работу. Стерла все кровавые ранки на сердце, наполнила его чистым ярким светом нежности и тепла. Их нужно было только немного подтолкнуть друг к другу. Они и так любили, без меня. Я просто добавила доверия и искренности в их отношения. И пусть эта доброта и вера не покидает их никогда.

— Я люблю тебя, Катрин... Прости меня, я по-прежнему сильно-сильно тебя люблю... И давай на этих выходных поедem к моим родителям? Я познакомлю тебя с ними? Согласна?

Девушка бросилась в его раскрытые объятия, одновременно и плача и целуя парня.

Мы, хохоча, переместились в замок Гранта. Атмосфера между нами была почти дружеской. Оказывается, мы что-то можем вместе. Я была действительно рада.

— Ой, — воскликнула я, — я даже не заметила, как прошло четыре часа. Мне пора. Наверное...

— Выпьешь со мной? — мужчина небрежно кивнул на кушетки, стоящие рядом с камином.

Я на секунду задумалась.

— Брют, пожалуйста, — улыбнулась я небрежно и плюхнулась на диван.

Грант шутливо склонился в поклоне, как вышколенный официант, и в его руках оказался поднос с бокалами и бутылка шампанского. Я пригубила напиток, пузырьки ударили в нос и я весело рассмеялась, чихнув. Грант сел напротив и без улыбки, как то напряженно смотрел на меня. Смотрел так, что казалось взгляд, прожигал во мне дыры... Я смутилась и опустила глаза.

— Перестань, — пробормотала я, — мы же почти друзья.

— Извини, милая, но я никогда не буду тебе другом, — произнес Грант, — кем угодно, только не другом. Я растерянно молчала.

— Но мы же сегодня...

— Ты хотела этого, я согласился, но не думай, что мне это понравилось... — Грант иронично усмехнулся, — Извини, но я не понимаю тебя... Мне совершенно чужды твои порывы, твоя доброта, нежность... Твоя готовность всем помогать... — я потрясенно и возмущенно смотрела на него. Негодование разгоралось внутри.

— Значит, ты меня обманывал все это время? — воскликнула я.

— Как раз наоборот. Я тебя и не обманывал, Любовь... Я говорю честно — я сделаю все, что угодно, чтобы ты была со мной... И если для этого нужно будет летать с тобой по миру и соединять ссорящихся влюбленных — я сделаю и это... — Грант пристально и серьезно смотрел на меня, опять ломая все мои тщательно выстроенные убеждения и уверенность, -

Я так тебя хочу, что мне больно смотреть на тебя, но я не в силах не смотреть... — У меня вдруг пересохло в горле... Где-то глубоко внутри начала зарождаться мелкая лихорадочная дрожь.

— Я знаю о тебе все... — продолжал он тихо, — Я знаю, что ты закусываешь губу, когда над чем размышляешь... Знаю, что любишь сладкий чай с лимоном и полусухое красное вино. Знаю, что когда ты читаешь книгу, то опираешься на правый локоть, а пальцы периодически трогают кончик носа.

Я торопливо отхлебнула шампанского и со стуком поставила бокал на столик.

— Мне пора, Грант... — встала я с кушетки.

— Ты всегда убегаешь, когда слышишь, то, что тебе неприятно или тревожит... — утвердительно заявил Грант, по-прежнему неподвижно сидя на диване... — но когда-нибудь тебе придется остаться.

— Не придется, — отрезала я, — ничего не изменилось за эти месяцы. Ты по-прежнему тот же неприятный Хранитель Войны, каким и был. И я по-прежнему презираю тебя.

— Ой, ли? — спокойно произнес Грант... и добавил, — ничего, я умею ждать, моя дорогая Любовь... Терпение — основная добродетель хороших полководцев.

Я презрительно фыркнула и перенеслась к себе домой.

По сравнению с Грантом я была трутнем. Все мое времяпровождение было развлечениями и увеселением. Часто встречалась с друзьями, смеялась и шутила с Амандой, Саймоном, Дэвидом. Реже проводила время с Софией и Максом. Если летала на землю, то в основном чтобы просто поднять настроение влюбленным, добавить нотку нежности и тепла в их сердца. Ничего серьезного не затевала. Не меняла судьбы, не планировала грандиозных потрясений и громких скандалов на любовной почве. Иногда мне так хотелось что-то совершить, что-то великое, дерзкое, отчаянное. Так скучно сидеть и радоваться своей благополучной сытой вечной жизнью. И вдруг опасная мысль посетила меня — «А если Грант влияет на меня, так же как я на него? А что, если его сущность так же просачивается и заражает меня огнем желаний. Желанием бороться, сопротивляться, противостоять ему». В моей голове в последнее время стали бродить совсем опасные мысли, особенно после того, как я помешала ему развязать небольшую войну в том же Карибском бассейне. А дело было так.

Как то я заметила на его полигоне знакомые очертания моря и островов. Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы не узнать Карибское море, Кубу, Нассау и Багамские острова. Я немного скосила взгляд, чтобы рассмотреть расположение авианосцев и крейсеров сверху. Я, конечно, ничего не понимала в тактике ведения морского боя (тем более что Грант всегда говорил, что на «малом» макете он просто отрабатывает различные выдуманные им сражения), но я решила проверить. И на следующий день планомерно облетела все военные базы, как со стороны Кубы, так и со стороны США. Что-то затевалось. Прошлый шпионский скандал разгорелся с новой силой. Часто среди военных мелькало имя адмирала Доунсона. Я разузнала и о нем. Он был один из кандидатов на назначение главнокомандующим ВМС США. О нем говорили, как о очень консервативном и радикально настроенном человеке. Крепкий орешек. Шестьдесят два года. Уже десять лет как состоит в разводе. Есть двое взрослых детей. Никаких тайных любовниц (и явных тоже), никаких увлечений, кроме военной службы. Жесткий негибачаемый вояка. Я все раздумывала, чем мне может грозить назначение Доунсона. И ничего толком не придумав, решила подсмотреть записи в блокноте Гранта. Он отлучился на свой «большой» полигон. Сказал на пару минут — нужно пополнить патронами и оружием воюющих. Я же категорически отказалась лететь с ним. Как только Грант исчез, я переместилась за его стол и начала лихорадочно рыться в его записях. Конечно, свои планы, стратегии и тактики он держал в уме, но как в недалеком прошлом человек, он иногда просто рисовал, задумавшись, или чертил какие-то замысловатые схемы. Вот на одной из таких непонятных рисунков я увидела букву Д с вензелями и фразу — «идеально подходит».

После этого я стала копать похлеще крота. Планирование не было моей сильной стороной. Я не умела, как Грант держать в памяти весь проект стратегической кампании, поэтому сосредоточилась на главном — просто не дать Доунсону занять пост командующего. Если это план Гранта, значит он уже априори связан с войной и гибелью людей. А так как я — Любовь, значит, и действовать я смогу только через свою сущность. Осталось найти адмиралу подходящую женщину, чтобы он потерял голову от любви и вышел в отставку. Нет, конечно, я смогла бы насильно заставить Доунсона влюбиться хоть в двадцатилетнюю стажерку, но насилие претит всей моей сути. Все-таки я бы хотела, чтобы

избранники подходили друг другу, и по возрасту и по внешности, и по желаниям. Времени оставалось совсем мало. Возможно, неделя или меньше. Я узнала, что адмирал вскоре встречается во Флориде с важными шишками. И летит обычным самолетом как гражданское лицо. Я перелопатила всех, купивших билеты на тот же рейс и нашла! Подходящая по параметрам женщина летела в гости к своему сыну в Веллингтон. Идеальный вариант. Пятидесяти пятилетняя домохозяйка, вышедшая на пенсию, бывшая учительница. Милая, умная, интеллигентная. Немного полноватая женщина, но это ее не портило. Я радостно потирала руки. Держись, Грант... Была, конечно, небольшая вероятность, что влюбившись в мою учительницу-домохозяйку, адмирал не захочет выходить в отставку, но я подобрала ему решительную женщину, так же как и я не любящую войну и кровопролитие. Остальное было дело техники. Они сидели в самолете через проход. И нужно было один единственный раз им встретиться взглядом, чтобы больше не расставаться никогда. Любовь поглотила их. Я даже немного перестаралась... Такое сильное и страстное чувство получилось на склоне лет... Они вышли из самолета вдвоем и поехали в гостиницу.

Вот оказывается, что-такое любовь с первого взгляда. Кто в этом виноват, и как это происходит. А я не понимала, когда жила на земле. Может потому, что со мной это ни разу не случилось? Я всегда влюблялась, скажем так, не быстро.

Через неделю адмирал подал в отставку, решив посвятить себя жене и разводить лошадей на своем ранчо в Техасе. Его коллеги недоуменно пожимали плечами, но я-то знала, адмирал сделал правильный выбор. Он выбрал любовь. Он знал, что настоящее счастье бывает только тогда, когда рядом с тобой находиться любящий и близкий человек. И уж, конечно, не тогда, когда планируешь войну и убийства.

Провернув свою небольшую аферу, я раздувалась от гордости... Как же, я победила Хранителя Войны, спутала ему карты!

В следующую субботу Грант был хмур и задумчив... Отведенные мне три часа я провела, сначала украшая елку в холле (Грант просто раздраженно махнул рукой на мой вопрос — можно ли?), а потом час сидела в кресле, читая книгу. Приближалось Рождество, свой замок я уже украсила всевозможными гирляндами и конфетти. Теперь добралась до замка Хранителя Войны. Грант молчал, только иногда странно поглядывал на меня. А я что — безгрешна и кротка, как овечка... Читаю новый любовный роман и пью чай с эклерами...

Если у Гранта и были сомнения в том, что в сорванном плане по Доунсону виновата я, то доказательств не было. Только то, что его адмирал неожиданно влюбился? Маловато.

Я с радостью заметила, что на столе уже не красуется Карибское море. Значит ли это, что Грант пока прекратил нагнетать противостояние?

Пятилетие со дня начала нашей жизни, как Хранителей мы отметили с размахом. Аманда сказала, что это почти юбилей, одна двухтысячная всего срока, так что будет настоящий праздник. Были и фейерверки, и фонтаны с шампанским, огромные воздушные шары в небе, изображающие сказочных существ. Аманда перенесла в реальность (если можно было так назвать наше измерение) лучшие сказки, написанные людьми. Мы наблюдали за разворачивающейся трагедией Золушки, потерявшей туфельку прямо на ступенях нашего замка, и за длинной косой Рапунцель, свешивающейся из высокой башни. В одной из них, кстати, спала спящая царевна, но почему-то никто не захотел к ней подниматься и будить. Так бедняжка и проспала весь праздник. Красная шапочка ходила по улице и всем предлагала попробовать вкусных пирожков, а прекрасный Принц приставал к нам, требовал примерить туфельку. По траве гуляли единороги и пегасы, в огромном фонтане плавали русалки и завлекали Николя к себе искупаться.

На месте той комнаты, где мы встречались с Посланником, а потом начали проводить наши собрания, давно уже красовалась огромный шикарный замок, окруженный теннисными кортами, лужайками для гольфа и трассами для спорткаров. Каждый проводил время как ему вздумается. Дэвид азартно гонял с Саймоном на картингах или Порше. Более собранный и вдумчивый Макс творил различные приспособления в стоящем рядом ангаре и мы иногда с Амандой заглядывали к нему, ходили по залу и восхищались удивительными и гениальными изобретениями. Конечно, Макс со своими божественными возможностями мог придумать что-угодно, даже космический корабль собрать, но он планомерно изобретал то, что в настоящее время можно было сделать на Земле, исходя из земных технических возможностей. Потом свое изобретение он вкладывал в голову (или во сне или еще как) какому-либо ученому и в мире людей появлялось еще одно чудо. Частенько мы обнаруживали Софию и Ионну в его ангаре.

Аманда прыснула «Любовь на троих». Я шикнула на нее «Если цивилизации от этого только лучше, то пусть хоть что творят — это их дело».

Я все чаще ловила себя на мысли, что думаю о Гранте. Все-таки почти год я нахожусь рядом с ним каждую неделю, и мимо воли он просочился в мои мысли и сны. Мы с ним такие разные. Его душа — мрачная каменная крепость с толстыми стенами и глубокими темными подвалами. Моя — наполненная светом и нежностью песня. Я хочу сделать всех людей счастливее и добрее, он — планирует военные перевороты и революции, дает в руки оружие и ведет в бой. Я открыто и искренне дарю людям свою любовь, он — сталкивает на поле боя извечных противников и разжигает пламя войны. У нас ведь нет ничего общего? Правда?

Как то проходя мимо стола Гранта я краем глаза заметила листок с небольшой записью «Питер Джонс — ок»... Я задумалась... Потом, уже дома я потянулась к базе данных и узнала, что Питеров Джонсов было несколько десятков в мире. Теперь нужно было найти того самого, кто заинтересовал Гранта. В итоге я отсеяла почти всех, оставив двоих, живущих в Америке и достаточно умных и амбициозных чтобы привлечь Хранителя. Только вот ни один из них не был связан с войной. Оба были вполне мирными людьми, один работал в банковской сфере, другой был генеральным директором нефтяной компании «Сантирайс».

Я наблюдала за Грантом, зорко, как коршун выслеживала свою добычу. Он почти забросил свой полигон и переместился за стол, что-то чертил, рисовал, записывал. Но, к сожалению, через некоторое время одним движением уничтожал все записи. Он что-то задумал. Только вот что? Я стала частым гостем в Америке. Почти своя в Нью-Йорке, где живет Питер-1 и в Бостоне, где обитал Питер-2. Я стала посещать генеральные собрания акционеров «Сантирайс» и просматривать записи дневников и ежедневников Питеров. Почти сразу Питер-2 отпал, так как я нашла интересный факт, изобличающий второго. Питер-1 планировал крупную трансконтинентальную аферу, связанную с нефтеперерабатывающим сектором. Если у него все удастся, то «Сантирайс» станет почти монополистом по производству биотоплива нового поколения. Для этого Питер планировал разорить и подмять под себя несколько крупных компаний в этой сфере. Он уже за последние два года поглотил четыре фирмы и на очереди «Нокс». «Неужели Грант занимается уже два года этой аферой?», — думала я. Я узнала все об «Ноксе». Семейная старинная компания, которой уже семьдесят лет. Имеет несколько нефтеперерабатывающих заводов, химических комбинатов, множество собственных заправок. На данный момент владельцем был четвертый Нокс — Ричард. Я все думала, что может быть общего между Сорокапятилетнем Ричардом и тридцати двухлетним амбициозным и расчетливым Питером? Питер ломился напролом как танк, только я с ним (фигурально выражаясь) познакомилась, то сразу почувствовала влияние Гранта. Его жизнь тоже была борьба. Он был удачливым и беспринципный дельцом, для которого нет ничего святого. В его сердце я не увидела никакого чувства любви или привязанности к кому-либо. Только возможно к своему отцу, который его всему научил. Ричард же мне понравился сразу. Он искренне и сильно любил свою компанию, доставшуюся ему от отца и деда, а еще свою единственную дочь Марию от первой жены, умершей десять лет назад от рака. Мария училась в университете на последнем курсе и собиралась стать дизайнером.

Вот оно что! Я загорелась идеей. Мария. Я перенеслась в университет и увидела миловидную скромно одетую девушку, сидящую на лекции по искусству. Ее глаза горели настоящей заинтересованностью и страстью. Под неприметной внешностью скрывалась пылкое и доброе сердце.

«Ричард не переживет разорения», — пришла в голову мысль. Для него этот удар будет фатальным. А Мария так любит своего отца. От разорения станут несчастными столько людей, потеряют работу, дома. «Нужно что-то делать...» — завертелась я волчком. Но что? Питер жил в Нью-Йорке, а Мария училась в Сиэтле. И в ближайшее время не планировали никуда уезжать. Скоро сессия, да и зачем?

Я перестала спать и встречаться с Амандой. Я целыми днями и ночами перебирала из базы данных тоненькие ниточки связей, которые тянулись от Марии, и от Питера. Ничего общего. Никаких общих знакомых и друзей. Но я не отчаивалась. Возможно на выставке? — Нет, отметаю идею. Может она полетит отдыхать? Но Питер то не собирается развлекаться, пока не разорит «Нокс». Может заставить Питера прилететь в Сиэтл? И что? Как они встретятся? Нужны общие знакомые. Я перебрала всех коллег Питера и подруг Марии, и нашла! Однокурсница девушки сейчас отдыхала в Малибу со своими родителями, и там же находился двоюродный брат Питера Стивен. Остальное было дело техники. Малибу маленький город и столкнуть их вместе не представляло мне трудности. Они влюбились сразу же. Девушка познакомила Стивена с отцом и не долго думая, через неделю назначили помолвку. «Любовь с первого взгляда — хорошая штука» — потирала руки я.

На помолвку пригласили Марию и еще несколько однокурсниц из университета. Питер попытался отказаться, но я так давила на влюбленного Стивена, что тот почти насильно усадил своего двоюродного брата в самолет и они полетели в Сиэтл.

«Вот ты и попался, Грант!» — мысленно аплодировала себе я, видя, как ошарашенный Питер не мог отвести влюбленных глаз от дочери своего злейшего врага... Естественно, все закончилось свадьбой и последующим слиянием и переименованием «Сантирайса» в «Нокс».

— Мне кажется, или в последнее время ты вмешиваешься в мои дела? — в следующую после свадьбы Питера и Марии субботу произнес Грант, сидя в кресле и неотрывно буравя меня своими холодными серыми глазами, — ты становишься небезопасным гостем.

Я подняла взгляд и недоуменно пожала плечами.

— Тебе кажется...

— Любовь, ты умеешь врать так же плохо, как я говорить нежности... — у меня сложилось впечатление, что Грант не злится, а просто развлекается... — ты всерьез думаешь, что сможешь мне помешать в действительно важных проектах?

Я с деланным удивлением смотрела на Гранта и хлопала глазами..

— Я никогда не записываю их, и уж точно ничего не оставляю на столе.

У меня закралась мысль, что меня сейчас обидят.

— Но ты молодец, Любовь... — произнес серьезно Грант. Ну, теперь уж я точно ничего не понимаю... — ты учишься бороться со мной... На моем поле, но своими методами... Я хотел, чтобы ты научилась этому.

— Но как же... — растерянно начала я... — зачем?

— Тебе пора повзрослеть, милая моя, — почти ласково сказал Грант.

— Я взрослая женщина, — отрезала я раздраженно, — меня забрали с земли, когда мне было пятьдесят лет... Ты считаешь пятьдесят лет — это юность?

— Главное не возраст, — произнес Грант, — главное твое поведение... Ты видишь только хорошее и думаешь, что все люди могут быть одинаково счастливы... Когда ты пролетаешь над городом, ты смотришь только на влюбленных людей и не видишь другую изнанку человечества... Пороки, жестокость, ненависть, злобу.

— Я не хочу этого замечать! Я такая, какая есть! — воскликнула я запальчиво, — и я всегда была такой и буду... Я хочу видеть добро, и я буду его видеть везде! Что хорошего в том, что ты всегда планируешь войну или разорение компаний?

— Хорошо, — умиротворенно произнес Грант, — Ты — Любовь, ты самая прекрасная и нежная. Да... Я не понимаю тебя... — его голос вдруг налился силой, — но ты должна была заметить, что за прошедший год, когда я прекращал войны и убийства, в мире произошло несколько крупных эпидемий — новые вирусы, штампы гриппа? И кстати, от них умерло намного больше народу, чем от моих предполагаемых гипотетических войн. Анжелика с Альфредом постарались... Или ты и с ними найдешь общий язык? И к ним будешь приходить декорировать дом? — язвительно и жестоко отрезал Грант.

Я растерянно молчала... Я особо не обращала внимания на землю, если не было ярких вспышек боли от умирающей любви, или погибших влюбленных. Медленное угасание от болезней растянуто во времени и не так бьет по чувствам. Я медленно опустила голову в задумчивости и обратилась к информационному банку. Да. Он прав. Слезы навернулись у меня на глаза.

— Значит все бесполезно? — прошептала я, — то, что я прихожу к тебе, мы работаем вместе, я вставляю тебе палки в колеса, точнее пытаюсь... Все это пустое?

— Дорогая моя Любовь, — Грант оказался вдруг так близко, что я даже немного испугалась. Присев на корточки рядом с креслом он положил обе ладони на подлокотники, полностью окружив собой, — я тебе сразу сказал, еще год назад, что ничего из твоей затеи

не выйдет. Я согласился с твоими дурацкими требованиями только потому, что хотел видеть тебя рядом.

Я подняла на него красные глаза и уткнулась в бездонные серые провалы, прожигающие насквозь.

— Я сделаю все, что ты хочешь, — горячо прошептал мужчина, наклоняясь ближе, — все что угодно, чтобы видеть тебя рядом... — и хрипло добавил, — Ты всецело владеешь мной и я без ума от тебя...

Я еще была в расстроенных чувствах, дезориентирована от недавних неприятных открытий, от своей глупости и недалекости, поэтому молча сидела и всхлипывала. Грант почти нежно дотронулся пальцем до щеки, стирая слезинки.

— Моя Любовь, — шептал он, — ну что мне с тобой делать? — Он сел на ковер и обхватил мои ноги, положив голову на колени. Мои руки непроизвольно, как будто живя собственной жизнью, потянулись к нему, и зарылась в волосы. Он ласково гладил пальцами мои лодыжки, проводил горячей ладонью по икрам, а я перебирала длинные густые пряди, наслаждаясь почти земным, забытым ощущением покоя, доверия, почти семейной идиллии.

Мысли вяло шевелились в голове. Ни хотелось, ни о чем думать, планировать, ссориться, бороться... Хотелось просто сидеть рядом с женщиной и гладить его по волосам.

Так мы и сидели, почти до самого вечера.

Аманда заявила ко мне на следующий день.

— Ну что, тебя можно поздравить? — воскликнула она с порога.

— С чем? — обернулась я на возглас, отвлекаясь от кормежки Рыжика с Ночкой.

— Ну как же! Я вчера почувствовала такой всплеск чувств... И нежность, и страсть, и ласка... Подумала, что вы, наконец, с Грантом.

— Нет, — резко прервала я Аманду, — ничего не было... Я просто расстроилась, он меня успокаивал.

— Люба! Ну, ты даешь, — Аманда плюхнулась на кушетку, — вы уже больше года тесно общаетесь, это помимо наших обычных еженедельных встреч, и ты до сих пор не залезла к нему в постель? Ты меня пугаешь, дорогая.

— Иногда я сама себя пугаю, — вдруг рассмеялась я... И тут же перед глазами возникло мужественное красивое лицо человека, который стал мне за это время... Небезразличным? Чувственные губы, которыми я брежу, как только закрою глаза. Запах, преследующий меня дома, в своем родном замке. Я испуганно дернулась. «Мамочки» — прошептала мысленно. «Я пропала».

В следующую субботу я не пошла к Гранту. Зачем? Я поняла, что он был прав — я никудышный стратег, ничего из моей идеи о всеобщем мире не вышло. Как он сказал год назад «Чем меньше меня будет на Земле, тем больше будет Альфреда и Анжелики. Люди все-равно будут умирать.» Он был прав, как это не прискорбно.

А через пять минут после моего предполагаемого по времени посещения, Грант появился в мой замок.

— Струсил? — заявил он с порога.

— Нет, — холодно ответила я, — просто какой в этом смысл теперь?

— Смысл в борьбе, — отрезал Грант, — смысл пытаться, а не сидеть и смотреть на застывшие картины великих мастеров... — я дернулась от жестких слов, — смысл проигрывать и выигрывать, смысл что-то делать, а не стенать и говорить «У меня все-равно ничего не получится».

— Ну, ведь у меня действительно ничего не получилось! — крикнула я,

— Значит, нужно будет попробовать другую стратегию, — ответил Грант, — думай, борись, планируй.

— Не хочу я ничего пробовать, — вздохнула я, — я не умею бороться.

— Значит, сложишь лапки и позволишь мне творить что угодно на Земле? Военные конфликты? Офисные войны? Религиозные распри? — мне показалось или меня подстрекают?

— Ты жестокий, — я сузила глаза и нахмурила брови, — ты говоришь то, что не хочется слышать.

— Я не жестокий, — мужчина фыркнул и сложил руки на груди, — я справедливый.

Мне вдруг захотелось его уязвить. Сделать больно, как больно сейчас мне. Сказать что-нибудь обидное, грубое, оскорбительное. Уязвить, ударить. Я зло рассмеялась.

— Какая же была справедливость в том, чтобы убивать невинных женщин? Я помню, как ты приказал расстрелять двух молодых девушек. Этот сон я никогда не забуду. Они

плакали. Ты зверь! — мужчина нахмурился, вспоминая.

— Ты наивная, как ребенок, — саркастически произнес он, — ты увидела краткое мгновение сна и сделала такие далеко идущие «правильные», — он особо ехидно подчеркнул это слово, — выводы.

— А какие еще я выводы должна была сделать? — не отступала я.

— Эти две невинные, по твоим словам, девушки, — сжал руки в кулаки Грант, успокаиваясь, — под видом шлюх пробрались в наш военный лагерь и убили в общей сложности около пятидесяти человек, сначала в постелях, потом подсыпав яд в ужин. Я в тот вечер не ел из общего котла, ужинал в городе, а когда вернулся в лагерь — больше сотни человек кричали от диких болей в животе. Более сорока из них не выжили, остальные остались инвалидами. Я собственноручно догнал шпионку уже на границе страны и привез казнить в лагерь, перед всеми... — Грант помолчал. Я не смела поднять глаза, мне было так стыдно за свои поспешные выводы, и в большинстве случаев не правильные.

— Да, Любовь... Я считаю, если женщина идет воевать наравне с мужчинами, она перестает быть женщиной. И должна отвечать по всей строгости военного времени, как солдат. У тебя же тоже в больнице не было мужчин и женщин. Все были пациентами.

Я попыталась улыбнуться и развеять тягостную атмосферу.

— Это другое... Не сравнивай... И, — я тронула его за рукав, — прости меня... Я сказала, не подумав. Ты, действительно справедлив и честен. Ты же борьба в чистом виде, — хмыкнула я, вспомнив слова Посланника.

Грант медленно повернулся ко мне и бережно взял за руку, как будто боясь спугнуть.

— Люба, — осторожно начал он, — Я всегда говорю то, что чувствую... И больше всего на свете сейчас я хочу...

— Нет! — крикнула я испуганно, прервав мужчину, — я ничего не хочу слышать...

Мне вдруг стало страшно. Не хотелось разрушать почти дружескую атмосферу, установившуюся между нами. Я стояла на распутье с одной стороны — моя застарелая ненависть, уже почти непонятная для меня и истлевшая от старости. С другой — все возрастающее чувство невольного уважения и симпатии к Гранту...

— Опять боишься? Опять прячешь голову в песок, — раздраженно произнес Хранитель.

— Ты — Война! — выдохнула я нервно, — ты борьба и соперничество, ты все время состязаешься, враждуешь, воюешь. Это твоя природа. Но не моя. Мы совершенно разные. И мы не можем быть вместе, — резюмировала я поспешно.

— Трусиха, — почти нежно прошептал Грант, приблизившись, — Да, мы разные... Я не понимаю тебя, ты не понимаешь меня... Но в этом же и смысл... — он почти вплотную стоял рядом и не дотрагивался до меня, только говорил. И от его хриплого тихого голоса я медленно погружаюсь в бездонную пропасть, откуда нет возврата, постепенно начинаю сходить с ума, дрожать как в лихорадке, а сердце выскакивает из груди.

— Я все помню о тебе... В моей памяти выжжена огнем каждая секунда из снов, где появлялась ты... Каждое мгновение было запротоколировано и помещено в хранилище... Каждый твой час, подсмотренный мной, каждая минута... Эти крохи я хранил в памяти долгие годы. Я видел маленькую белокурую девочку, сидящую на подоконнике в большом доме... Я видел серьезную девушку с длинной косой, читающую книгу и что-то пишущую в тетради. И больше всего на свете хотел найти тебя. Я убежал из дома в шестнадцать, чтобы объездить мир... И в каждой части света я искал город с высокими домами и странными ровными улицами, освещенными яркими огнями на столбах... Пока, наконец, я повзрослел и

не понял, что тот мир, в котором живет моя девушка для меня так же недоступен, как звезды и солнце, потому что это не мой мир.

Я всхлипнула и задрожала.

— Ты... — начала я робко, — любишь меня?.. Грант как-то странно сморщился.

— Я бы так не сказал... Я не знаю, что такое любовь... Прости, но я честен с тобой...

Я обиженно фыркнула и отвернулась. Направилась прочь, резко взмахивая рукой, — «Ну и ладно. Проваливай»

Грант переместился на метр впереди меня и загородил собой дорогу. Его руки обхватили мои плечи, а губы приблизились к моим.

— Тихо-тихо, моя девочка... Не злись... Ты же сама знаешь, это все-равно случиться между нами, как ты не убегай... Нас тянет друг к другу... Я же вижу, как ты вибрируешь... Как тонкая струна, как самая нежная прекрасная мелодия. Я вижу, как цветы распускаются за твоей спиной, когда ты идешь ко мне... Ты ведь тоже хочешь меня... Признайся...

Я в замешательстве обернулась, весь пол моей гостиной был усыпан ландышами. От меня расширяющимся клином расходился белоснежный ковер. Цветы росли прямо из паркета и наполняли чарующим ароматом воздух. Я прошептала растерянно.

— Но Посланник сказал...

— Я догадываюсь, что он сказал... Но тебе нужна плотская любовь, это входит в твою... «программу»... Я знаю, что та кукла твоего земного мужа не может дать тебе этого...

— Откуда ты?..

— Я был у тебя в доме, когда ты летала на землю...

Я дрожала как в лихорадке.... Его губы так близко от моих... Его дыхание опалает кожу. Заставляет волосы подниматься в возбуждении и ожидании прикосновения. Какое давнее забытое «земное» чувство... Ожидание.

— Это будет просто плотская любовь... — шептал Грант успокоительно, — ничего серьезного. Не бойся, — Горячие широкие ладони легли на плечи, пальцы обхватили затылок, ласково массируя кожу головы, зарываясь в волосы.

— Почему ты? — простила я, уже почти смиряясь с неизбежным, почти соглашаясь, — почему из всех Хранителей ты?

— Потому, что я лучший... И я хочу тебя...

— Все хотят, — усмехнулась я горько.

— Не так как я... Я больше всех...

В памяти пронеслось давнее воспоминание. Его слова «Хочу присвоить тебя, сделать рабыней». Как давно это было. Годы назад. Целую вечность назад. Он изменился за это время. Возможно, это я так на него повлияла? Наши еженедельные встречи, наша совместная работа, наше шуточное противостояние. Значит ли это, что эти встречи прошли не даром? Что из агрессивного, хмурого и упрямого самца, завоевателя Грант превратился в... Кого? Нет, нежным и ласковым он не будет никогда. Но то, что Хранитель Войны изменился — это точно. Или он притворяется, чтобы добиться меня, чтобы покорить и привязать? Я уже ничего не понимаю... Голова кружится от ласковых прикосновений.

«Моя Любовь, моя Богиня» — шепчет мне Грант, и я таю.

Его слова — афродизиак, его руки — умелый профессиональный смычок, который перебирает мою душу, как струны на скрипке.

— Мне нужно подумать, — едва слышно шепчу я, ничего не соображая.

— Я не дам тебе подумать, — его руки притягивают меня все ближе, мы уже

соприкасаемся одеждой. Тонкая прослойка воздуха между нашими телами искрится от напряжения, — ты слишком много думаешь, милая моя... Пора начать чувствовать...

Он крепко обнял меня, и я вскрикнула, оглядевшись.

Мы оказались в раю. Грант перенес меня в сказочно прекрасное место, такого я еще никогда не видела. Красиво изогнутая маленькая лагуна с чистой прозрачной водой. Желтый ласковый песок под ногами, зеленое буйство тропического леса подступает почти вплотную к берегу. В глубине леса я разглядела оригинальную подвесную конструкцию — небольшую хижину из тростника, висящую на дереве и укрытую листьями.

— Что это? — восклицаю я, обернувшись к Гранту.

— Как-то раз, еще молодым, я воевал в Мексике, и мы с ребятами отлучились порыбачить... Я отошел от основного отряда и набрел на эту лагуну. Тогда она мне показалась самым прекрасным уголком на свете, настоящим первозданным раем.

— Это действительно рай, — прошептала я ошеломленно.

— Я никому не сказал о лагуне. Это была моя тайна... Потом, много лет спустя, я пытался найти ее, я обошел все побережье, но так и не обнаружил это место... Теперь я иногда задумываюсь, может это мне все привиделось?

— И как ты сделал ее сейчас? — я подошла к берегу, сбросила босоножки, и потрогала пальцем теплую воду.

— По памяти... — усмехнулся Грант, — правда, я могу ошибаться, это было многие десятилетия назад... Даже сейчас, став Богом, я не смог ее найти.

— Ну, это понятно, — засмеялась я, — прошло больше ста лет, — теперь на месте той лагуны вилла, или дом отдыха.

— Пойдем? — Грант протянул руку, внимательно и серьезно смотря мне в глаза.

Я заколебалась. Но скорее по привычке. Я понимала, куда меня зовет Хранитель. Не зря там висит эта хижина. Грант не торопил меня. Просто стоял и смотрел, и пусть желваки ходят на скулах, напряжены все мускулы и дрожит протянутая рука, я знала, что он будет спокойно и молча ждать моего решения... Я залюбовалась — как он красив, мой сильный грациозный хищник... В голове пронеслась непрошенная мысль, заставив мысленно улыбнуться... Как долго и планомерно он шел к этому моменту, как долго он добивался меня, как терпеливо приучал к себе, медленно, упорно... Сначала огнем ненависти, распаляя словами, заставляя постоянно думать о нем, злиться и негодовать... Потом огнем страсти, преклонения, желания... Затем своим недюжинным умом, силой характера, твердостью и решительностью. И в конце нежностью и терпением... И вдруг я так ясно поняла, что это все-равно произойдет. Если не сейчас, то завтра, если не завтра, то через год. И даже не потому, что Грант прет напролом как танк, всегда добивается поставленной цели. Не потому, что он упорный и настойчивый, а потому, что я сама этого хочу... В глубине души я уже давно хочу сдаться. Сдаться, на милость победителя, как сдается слабая женщина сильному мужчине. Покориться, подчиниться и склониться ниц.

Я вложила свои пальцы ему в ладонь, и мы перенеслись внутрь домика. Заинтересованно огляделась... Тростниковые плетеные стены, тростниковая мебель — несколько кресел-качалок, стол, табуреты и, конечно же, кровать... Широкое низкое ложе, застеленное пушистыми шкурами и шелковым покрывалом сверху.

Теперь, когда Грант был уверен, что я согласна, кажется он успокоился. Исчез этот лихорадочный маниакальный блеск из глаз. Бешеное нетерпение, страх. Да, он жадно неотрывно смотрел на меня, но уверенно зная, что уже получил меня.

— Прости, первый раз, скорее всего, будет быстро, — немного дрожащим голосом произнес он.

— Да, я помню, — процитировала я весело, — «хочу тебя взять быстро и без остатка, как победитель берет в плен поверженного врага». Грант улыбнулся краешком красивых губ.

— Это ты меня взяла в плен, моя девочка... и уже давно, — прошептал он и подхватил на руки. Несколько шагов и он опускает меня на шелковое покрывало. Я смотрю снизу вверх сквозь полуопущенные ресницы. Грант стоит возле кровати уже обнаженный и дико возбужденный. Что же, тогда и на мне медленно исчезает одежда. Я томно вытягиваюсь на покрывале, закидывая руки за голову, и слышу длинный свистящий прерывистый вздох. Заострившиеся скулы, побледневшее лицо, испарина на лбу, все это выдает его лихорадочное волнение. Грант пристально смотрит на меня, и тело колотит крупная дрожь. Я снизу вверх гляжу на мужчину и мне кажется, что он уже начал заниматься со мной любовью, даже не притронувшись. Только взглядом... Таким он был материальным и тяжелым...

— Я так долго этого ждал, — шепчет он хрипло, склоняясь, — даже не помню, сколько лет, сколько веков...

Я ничего не отвечаю, просто обнимаю его руками и притягиваю к себе.

Пиршество ощущений! Всей поверхностью кожи, каждой клеточкой, соприкосновение, проникновение друг в друга, обладание... Никаких нежных слов, никакой ласки и поцелуев — только ненасытная жажда, которую необходимо утолить, голод, который выворачивает наизнанку. Быстрее... Сильнее... Глубже... Подчинить... Подчиниться... Насытить... Насытиться... Покорить... Покориться...

Все стерлось из памяти — прошлое, настоящее... Мои прошлые мужчины, пережитые ранее радости и горести, восторги и наслаждения. Прошлая любовь. Остался в фокусе он один. Он закрыл собой всех, весь мир, всю вселенную. И я с радостью растворяюсь в нем, в своем единственном мужчине на свете.

Извечный танец двух тел, тысячу лет назад, и пять тысяч, и десять тысяч все происходило точно так же... Эта животная память инстинктов, изначальная, первичная.

И нет ничего лишнего, только хриплые стоны и вскрики, только лихорадочный невнятный шепот и утробное рычание, только его губы на мне, во мне. Только его дрожащие сильные руки, стискивающие мои плечи, сжимающие бедра.

Он ненасытен и беспощаден. Я отдаю себя на растерзание с радостью и восторгом. Была бы я земной женщиной, я бы не смогла выдержать такой напор и мощь. Но я тоже сильна. Я выгибаюсь дугой, вбирая и принимая его силу, его натиск, пытаюсь прижаться еще ближе, хотя на самом деле ближе уже некуда. Мне кажется, мы вросли друг в друга, слились в одно существо и не сможем разъединиться после. Как давно я не ощущала эту восхитительную наполненность, этот жар внутри, пульсацию его жизненной энергии, этот упоительный ритм, скользящую стальную мощь и огонь. Как я могла жить так долго с пустотой внутри? Да я и не жила вовсе... Мы переплетаемся телами и эмоциями, я его неистовой жаждой и одержимостью, он моей нежностью и мягкостью. И когда я взрываюсь ослепительной вспышкой, сердце рвется из груди, и я кричу от невыносимого наслаждения, ощущая такой же яростный взрыв внутри у Гранта.

Из меня выплескиваются, расходятся широкими волнами вокруг блаженство и экстаз. Я чувствую, как мое тело охватывает весь мир, обнимает Землю, и нет ни единого человека, который бы в этот момент не почувствовал себя счастливым и любимым. Хотя на секунду,

хоть на миг. Даже последний негодяй, убийца или вор в этот момент ощущает ликование и счастье. Я укрываю своей нежностью планету и вдруг слышу один единый общий восторженный выдох, исторгшийся из многих миллионов губ. Мое тело — это вся Земля, мои дети — все люди, живущие на ней. Я люблю их всем сердцем, всей душой, всей своей сутью, и они боготворят меня в ответ.

Я медленно открываю глаза, еще вздрагивая от наслаждения и слепо, как сонный котенок тянусь губами за поцелуем. И натываюсь на странное выражение глаз лежащего рядом мужчины. Он с каким-то безграничным восторгом рассматривает меня всю, отодвинувшись на край кровати. И тут я вижу комнату позади его и ошарашенно охаю. Наша маленькая хижина превратилась в волшебную сказочную пещеру. Стены, потолок, окна затянули цветущие лианы, погрузив хижину в полумрак. Вокруг бушует море цветов. Белоснежные чайные розы, алые маки, пионы, нарциссы оплели стол, стулья, скрыли немногочисленную мебель, что здесь была. Ковер из незабудок и ландышей полностью покрыл пол. Сверху пышными гроздьями свисали гирлянды из лилий и орхидей.

— Я попала в рай? — спросила я задумчивости, прикусив губу.

— Это я попал в рай, — прошептал Грант и склонился ко мне.

В этой хижине мы провели неделю. Купались обнаженными в лагуне и нежились на горячем песке под обжигающим солнцем. Птицами парили над морем и дельфинами резвились в воде. Разговаривали обо всем на свете. О своих победах и поражениях, о тех промежутках, которые не попали в сны. Я рассказала о своей работе в больнице, он — как ему удалось избежать виселицы. Оказывается Грант так и не женился, когда его объявили предателем и лишили всех титулов, девушка разорвала помолвку. А спас его верный отряд соратников, с которым он прошел всю войну. Они окружили площадь и под дулами винтовок вывели оборванного и израненного командира. И вместе с ним ушли из той страны воевать дальше.

Мы отрешились от всего на свете, забросили друзей и наши встречи на общих собраниях. Мы окружили нашу райскую лагуну непроницаемым куполом, и никто бы не смог нас найти. Мы спали в тени пальм и ели бананы и кокосы, которые Грант сбивал с деревьев.

— Их же можно создать прямо на тарелке, зачем? — хохотала я.

— Мужчина должен быть добытчиком, — рычал Грант, оплетая меня руками, — вот я и добыл.

Я откидывала голову ему на грудь и сидела в теплом коконе рук, слушая стук сердца.

— Наверное, на земле за эту неделю произошел всплеск любовного безумства, — смеялась я.

— Пусть, — отвечал Грант, — людям это не мешает, после пяти лет то любви без страсти.

Я рассказала все о своих мужьях. Об Андрее, Алексее, Сереже. Я рассказала о детдоме и своей болезненной застенчивости.

— А все думал, откуда в твоём доме столько детей, — задумчиво произнес Грант, глядя мои волосы.

— Я иногда так жалею, что я стала Богиней, — шепчу я, — если бы не это, я бы могла прожить свою спокойную жизнь, без потрясений, без боли, без трагических событий.

— А я не жалею от том, что произошло... — твердо сказал Грант, — Я не жалею, что прошел все эти ужасные испытания, что меня вешали и растягивали на дыбе, что на моем теле ран было больше, чем листьев на дереве... Потому что они все в итоге привели меня к тебе... И не говори ничего..., - видя мой открывшийся в ответном возмущении рот, закрыл его поцелуем. Когда мы отдышались, Грант продолжил, — Я знаю, ты бы прожила счастливую тихую жизнь со своим первым мужем, но я рад. Я действительно рад, что ты попала сюда... Иначе, я бы просто никогда тебя не встретил... Прости... Не говори мне, что жалеешь, потому что весь этот долгий путь, длинную в вечность, я шел к тебе...

Мы потерялись в своем безумии, в этом пьяном любовном угаре. Но нужно было возвращаться в свой мир.

— Я бы все десять тысяч лет провел с тобой в это хижине, но нам действительно, пора, — со вздохом произнес Грант и крепко обнял, будто пытаюсь задержать меня здесь.

— Я бы тоже, — эхом ответила я, и добавила, со смешком, — странно... Мы — Боги, мы — всесильны, а тоже подвержены рамкам и нормам поведения... И у нас тоже есть обязанности.

— Ты будешь жить со мной, — утвердительно заявил Грант, как будто это само собой разумеется. Я мгновенно вспыхнула, нахмурившись.

— Это еще почему? У меня прекрасный замок, намного лучше твоего... Будем жить у меня...

— Твой замок — пряничный домик, весь такой сказочный и прекрасный, что аж тошно, — отрезал Хранитель Войны... — я не смогу там не то что разместить свой полигон, но и разработать маломальскую стратегию войны.

— И не нужно мне никаких полигонов вблизи моего чудесного замка, — вскрикнула я, насупившись... и добавила задумчиво, — вот, без году неделя вместе, а уже ссоримся... Мы такие разные.

— Нет, милая моя. Ссоры — это прекрасно, — улыбнулся Грант, — мы будем ссориться, будем доказывать друг другу свою точку зрения... Это правильно... Самое страшное — безразличие... — и добавил, — Будем встречаться вечером, или ты ко мне, или я к тебе... Ведь для нас нет ничего невозможного... Мы же Боги...

И перенеслись домой, каждый в свой замок.

Только я очутилась в своем мире, Аманда появилась в гостиной. «Ну, сейчас начнется допрос» — вздохнула я.

— Как? — горящие любопытством глаза уставились на меня.

— Офигенно! — честно, без притворства ответила я.

— Твое «Офигенно», наверно почувствовали все в этом мире, и не в этом тоже. Ко мне заявился неожиданно Дэвид, и мы пару дней не вылазили из постели... Другие — то же самое... Вы бы хоть куполом накрылись, а то ваши эмоции фонтанировали, как...

— Так мы и накрылись, — удивленно уставилась я.

— Представляю, что было бы без купола, — рассмеялась Аманда.

Я смущенно опустила глаза, щеки вспыхнули румянцем.

— Да ладно, скромница, хватит прибедняться... Ты посмотри на себя в зеркало — ты вся светишься, как маленькое солнышко... Ура! Наконец наша Любовь любит...

Я нахмурилась, собираясь возразить... И вдруг мне всё все стало понятно и кристально ясно... Конечно, люблю! Это же так просто, любить! Я же Любовь, это в моей природе, для меня нет ничего более естественнее и проще... Как-будто я вдруг узнала, что дважды два равняется четырем.

Аманда искренне рассмеялась, взяла меня за руки и закружила по комнате.

— Как я рада! Ты не представляешь... Мы все за тебя рады...

— Но Посланник, — попыталась возразить я, наверное, самой себе.

— Да наплюй ты на него! — воскликнула Аманда, — он будет здесь через десять тысяч

лет, за это время реки текут вспять и горы сравниваются с землей... Если тебе сейчас хорошо, то какая разница, что кто сказал!

Грант появился под вечер. Я веселилась со своим котом, создавая бабочек, а Рыжик за ними пускался в погоню, кувыркался и хлопал лапами в полете. Почувствовав Хранителя, я тут же обернулась. И радостно засмеялась, бросившись к нему в объятия.

Грант даже опешил от такого пылкого проявления чувств... Все мои внутренние сомнения разрешились. Я ощущала себя юной девушкой, как будто в первый раз окрыленной любовью... Грант крепко меня стиснул и с каким-то исступлением зарылся в волосы.

— Я скучал по тебе, — хрипло выдохнул он, — я так безумно скучал. Весь день не мог сосредоточиться...

— О! — воскликнула я, — я нашла еще один способ прекратить войны и насилие — не дать Хранителю Войны сосредоточиться на составлении планов и стратегий... Какая я коварная!

Грант ничего не ответил, только властно прижал себе и впился в губы собственническим поцелуем. Я мгновенно вспыхнула, будто ко мне поднесли зажженную спичку и, слабая от желания, повисла у него на руках.

Непередаваемое наслаждение и экстаз. Я не помню, чтобы так когда-то было на Земле, в моей прошлой жизни. А ведь я действительно любила своих мужей. И мне всегда нравилось заниматься с ними любовью. Возможно это божественная энергия? Или возможности тела, которое никогда не устает и не утомляется? Но все-таки рано или поздно я прошу пощады у Гранта. Я охрипла от стонов и полностью одурманена. В голове ни единой мысли. Я устаю эмоционально. Устаю испытывать наслаждение... Оказывается, бывает и такое...

Грант с усмешкой смотрит на меня и шепчет.

— Вот такую женщину я хочу видеть в своей постели... Всегда... Изможденную любовью, обессиленную и покорную... — его рука проводит по моей обнаженной коже и я непроизвольно откликаюсь на ласку, выгибаясь вслед за ней.

Но стоит только немного поспать, и я опять до безумия хочу его.

Мы такие разные. Как лед и пламя, как тьма и свет.... Он — воплощение борьбы и агрессии. Внутри него постоянно идет война, с собой, со мной, со всем миром... Я чувствую эту борьбу, она выматывает его, лишает сил и покоя. Он борется со своими чувствами ко мне, пытается не поддаться на мою нежность. Кто победить в ней? Как мы сможем быть вдвоем? Что получится из нашего союза? Так много вопросов и ни одного ответа.

Я перестала задумываться о словах Посланника. Мой выбор... Правильный он или ошибочный? Я не знаю. Сейчас, сию секунду я просто обычная земная влюбленная женщина, и я выбрала своего мужчину.

Как-то утром Грант серьезно спросил.

— Чем ты сегодня занимаешься? — я отмахнулась.

— Аманда пригласила полетать с ней по значным местам... Еще не решили куда...

— С Амандой полетишь завтра... Сегодня я хочу показать тебе свой дом. Место, где я родился.

Он взял меня за руку, и мы перенеслись в Шотландию. Я увидела полуразвалившийся каменный дом, стоящий на небольшой возвышенности. Если бы у меня было тело, оно бы, наверное, содрогнулось от мрачной тоскливой безысходности, которая лезла из всех щелей. Дом красовался черными провалами окон, обрушившейся крышей и гуляющим ветром по длинным коридорам. Пусто, обреченно, уныло. Единственные жители — серые вороны и мелкие грызуны, всполошившиеся от нашего незапланированного визита.

— Мне никогда не нравились такие пейзажи, — сказала я... — Наверное, я просто не люблю север.

Дом, или, пожалуй, его можно было назвать небольшим замком, был расположен на маленьком острове. Пару десятков километров в самой широкой части... Со второго этажа замка можно было увидеть море. Как же здесь, наверное, было скучно зимой!

— Я помню тебя здесь, — произнесла я... — мне снились сны...

— Да, — эхом ответил Грант, — и я тебя впервые увидел здесь... Маленькую светловолосую девочку, сидящую на подоконнике в непонятном доме, полным людей и детей... Я так тебе завидовал... У тебя были друзья, сверстники. Я же был единственным ребенком на многие мили вокруг... На всем острове не было ни единого ребенка моего возраста... Да и женщин почти не было, только старуха кухарка и ее полусумасшедшая сестра.

Грант взял меня за руку, и мы переместились на самый край почти обвалившейся башни, что выходила на север. Мы ничего не весили, поэтому я не боялась, иначе было бы страшно ступать на эти крошащиеся под ногами камни и обваливающуюся от малейшего дуновения ветра черепицу.

— После второго восстания якобитов в 1745 наша семья потеряла все. У нас отобрали все земли, богатства, титулы. Мой дед, когда еще был жив рассказывал о своем деде, принимавшем участие в восстании... Мне на это было наплевать... Гордость предков, почести, бывшая слава рода. Из Лэйрдов мы превратились в обычных крестьян. Победители англичане нам оставили полуразрушенный старый замок на острове и бедный каменистый клочок земли. Вот и все богатство, оставшееся от бывших великих баронов Грантов. Отец с детства вбивал мне в голову, что я должен восстановить честь рода, возродить баронство и славу. А сам бил мать измывался над немногочисленными слугами. Как же я его ненавидел. Жестокий ублюдок... Она умерла, когда мне было десять. Думаю, просто не выдержала этой беспросветной тоски и холода.

Грант сжал кулаки в бессильной ярости... Что-то темное и злое закрубилось у него внутри.

Я приблизилась почти вплотную. Стала за спину, окутывая теплом своей нежности.

— Ты сбежал, как только представилась возможность, — произнесла я тихо.

— В действительности я сбежал четыре раза, — поправил мужчина, — первые три чуть

было не закончились моей смертью. Рука отца была тяжелая, но как ни странно, именно это и давало мне повод сбегать в следующий раз. Он думал, что после того, как содрал мне кожу на спине, и после недели горячки я даже не подумаю о побеге. Он глубоко ошибался, после этого я еще больше убеждался в его необходимости...

Я послала сильную волну любви своему мужчине. Он вздрогнул и очнулся от горестных дум.

— Я ни разу в своей земной жизни даже не подумывал, что можно приехать обратно... Увидеть отца, разузнать, что с ним произошло. Странно... Сколько себя помню, я все время шел напролом, боролся до последнего. Всегда добивался своего... — Грант помолчал... — Была еще одна причина уехать из дома, — он обернулся ко мне и обвел мое полупрозрачное лицо ладонью, — это ты... каким я был наивным мальчиком, когда решил, что найду тебя... — с ироничным смешком произнес он.

— Но ты же добился своего, — прошептала я, и, видя недоуменный вопросительный взгляд Гранта, пояснила, — ты ведь всегда добиваешься всего, чего хочешь?.. Ты хотел найти меня. И нашел... И пусть таким странным способом, но ты добился своего, я сейчас с тобой. Ведь так?

Ореол вокруг тела мужчины засиял белым слепящим светом.

— Как же жаль, что наши тела здесь не материальны, — прошептал мне Грант прямо в губы, — но когда мы вернемся в наш мир, я обещаю, ты почувствуешь, как же сильно я хотел тебя. И хочу до сих пор.

Мы еще немного побродили по дому. Грант мне показал свою комнату, где он жил до шестнадцати лет. Изломанная прогнившая мебель была покрыта толстым слоем пыли и времени.

— Ну вот, теперь мы приведения! — картинно захохотала я, разогнав птиц... — и будем вечно скитаться среди каменных развалин. И туристы начнут приезжать сюда, чтобы услышать наши завывания... Твой дом станет знаменитым, Грант... Будет так, как хотел твой отец. Замок возродиться и сюда потянутся тысячи паломников.

Мне таки удалось его развеселить. И когда мы покидали замок, темное пятно горечи, клубившееся у него внутри растаяло, как залежавшийся снег на ослепительном солнце.

Мы по-прежнему встречаемся с Хранителями. Только теперь каждый занимается своим любимым делом. Макс изобретает в своем ангаре, вместе с Софией и Ионной. Саймон с Дэвидом гоняют на спорткарах. Иногда к ним присоединяется Грант. Ему нравится азарт, нравится борьба, соперничество. Я сижу на созданных декоративных трибунах вместе с Амандой и азартно кричу «Вперед! Давай!», размахивая флажками, и болею за своего мужчину.

Иногда мы вместе играем в карты или смотрим фильмы. И его теплые руки обнимают меня весь сеанс, а горячий шепот ввергает в дрожь и смятение, описывая все те ужасные вещи, которые он со мной сделает, когда мы переместимся к нему в замок.

Пока Аманда не прикрикнет на нас.

— Хватит уже! От вас исходят такие флюиды, что находиться рядом небезопасно для здоровья. Идите уже отсюда... И мы уходим...

Я всегда жду его. Каждую минуту, каждое мгновение. Он появляется каждый раз неожиданно. Иногда, когда я в галерее любуюсь на свои картины. Он подходит сзади, близко-близко и замирает, стоя неподвижно, как каменное изваяние. Не притрагиваясь, он обнимает меня своим теплом, своей силой, своей мощью. И я плыву, окутанная знакомым запахом и голова кружится от предвкушения... прикосновения... Я спиной чувствую его невыносимую жажду, но не поворачиваюсь, жду его первого шага. Он медленно, чуть дотрагиваясь, расплетает мою косу и зарывается лицом в волосы. Он купается в них, целует их, наслаждается ими. Как долго... Я первая не выдерживаю и немного отклоняюсь назад, прижимаясь спиной, ягодицами, ногами к его твердому горячему телу и чувствую его едва сдерживаемое возбуждение. Он шумно выдыхает мне в волосы и мурашки бегут у меня по телу.

Иногда он приходит, когда я сижу на скале и любуюсь на бескрайнюю морскую гладь. «Я помню, ты всегда любила море» — шепчет он мне и садиться рядом... И мы уютно молчим, едва касаясь друг друга коленями.

Иногда я жду его, растянувшись на белых простынях в своей спальне. Полностью обнаженная и жаждущая. Он появляется у изножья кровати и молча стоит, рассматривая меня темным пугающим взглядом. Его пальцы стискивают столбики кровати, и он долго, с каким-то извращенным мазохистским удовольствием наблюдает за мной. Его взгляд оставляет на мне жгучие отметины. Я чувствую их горячее прикосновение и изгибаюсь, словно кошка, наслаждаясь. Глажу свою грудь, живот. Откидываюсь на подушки, и волосы рассыпаются шелковистой волной. Я шепчу ему с придыханием «Иди ко мне» и бесстыдно раздвигаю бедра, приглашая.

Иногда я не выдерживаю и сама неожиданно появляюсь в его замке. В его кабинете, где просиживала долгими месяцами, наблюдая за Грантом или читая. Он ходит вокруг макета, выбирая идеальную позицию, или сидит за своим столом, планируя еще одну экономическую войну. Я опять, свернувшись калачиком, замираю в кресле и смотрю на своего мужчину... Как он прекрасен, мог Бог! Мужественное, идеально красивое лицо, бронзовая кожа, золотистые волосы, рассыпанные по плечам. Сильные, мускулистые, но такие бережные и ласковые руки. Я смотрю на его губы и мысленно тянусь к ним,

прикасаюсь и дышу в такт с его дыханием.

— Дай мне пару минут, — умоляет он, ощущая мою жажду... Вряд-ли я буду милосердной...

Я улыбаюсь, а сама медленно обнажаю свое тело, растворяя в воздухе по одной детали туалета. Исчезают сандалии, рубашка, бюстик, трусики. Я сижу в кресле, закинув ногу на ногу, и поигрываю золотой цепочкой на щиколотке.

Грант застывает неподвижно, как мраморная статуя, только горящие глаза выдают живого человека. Он охватывает меня всю — от кончиков пальцев ног до макушки и мне становится жарко от огня, пылающего во взгляде. Он резко отталкивается от стола и идет ко мне с таким выражением на лице, от которого когда-то мне стало бы страшно. Но не сейчас. А сейчас я хочу поиграть и исчезаю, телепортируясь в гостиную. Грант перемещается за мной. Я бесконечно прыгаю из комнаты в комнату, не давая к себе приблизиться. Он чувствует, что я совсем рядом, здесь в его замке, но находит только укрытый цветами пол очередной комнаты и тонкий аромат духов в воздухе. Я слышу разъяренный рык уязвленного в самое сердце мужчины, и мой смех разливается хрустальными колокольчиками по коридорам и залам. Я знаю, в глубине души ему нравится погоня. Он хищник, быстрый, свирепый, неутомимый. Это в его природе — догонять и подчинять себе.

И когда я даю себя поймать, между нами уже нет нежности. Только невыносимая, сумасшедшая жажда и одержимость. Он распален до предела этой игрой, погоней, моим запахом. Мы два сцепившиеся друг с другом зверя с низменными порочными инстинктами. Сильные, быстрые и ненасытные. Я впираюсь ногтями ему в спину и кусаю его шею. Он распинаят меня на кровати, пригвоздив всем телом, не давая ни глотка свободы, и одним мощным сильным толчком глубоко входит в меня. Жестоко, грубо, до предела... Так, как когда-то обещал...

Иногда я вмешиваюсь в его планы, путаю ему карты, вселяя любовь в сердца его союзников или противников. Он недовольно бурчит, но я знаю в глубине души ему нравится это. Он хочет, чтобы я участвовала в его проектах, пусть в самых незначительных и пустячных. Хочет, чтобы я боролась, но я по-прежнему не люблю войну и насилие. Даже бескровные офисные войны между женщинами, за обладание желанным холостяком, или борьба на религиозной почве. Все это претит моей сути Любви. Мы ссоримся по этому поводу и даже не разговариваем несколько минут... Мы по-прежнему такие разные... И никуда от этого не деться...

Он говорит, что не знает, что такое любить. И никогда не любил в своей жизни. Мой умный, наивный мужчина... Пусть говорит, что хочет, но я-то знаю, что он любит меня. Это так же очевидно, как то, что трава зеленая, а небо голубое. Я вижу этот яркий свет, что горит у него внутри. Я ведь Хранительница Любви. И знаю, что это такое. Я смотрю на этот огонь регулярно, посещая землю и наблюдая за влюбленными парами. Я постоянно вижу, как вспыхивают и гаснут эти маленькие огоньки, если любовь прошла, или горят ровным теплым светом, если она поселилась в сердце надолго. Поэтому тот яростный пожар, пылающий внутри у Гранта, я уж точно не смогла бы не разглядеть. Я только улыбаюсь и киваю, соглашаясь... «Как хочешь, мой дорогой. Хочешь бороться с собой — борись... Я подожду, когда ты сдашься».

Иногда он внимательно и цепко смотрит на меня, когда я прихожу после встреч с Амандой, Саймоном и Дэвидом. Мне кажется, он почти принюхивается к моим эмоциям и запаху, и успокаивается.

— Неужели ты думаешь, что если я захочу уйти от тебя, ты меня сможешь остановить? — шутливо его поддеваю и улыбаюсь его ревности.

— Ты никогда меня не покинешь, — отвечает без улыбки Грант... — все десять тысяч лет ты будешь со мной...

— Как ты можешь загадывать так далеко? — мне по-прежнему весело от его хмурого вида, — я не знаю, что будет через пять лет, а ты говоришь — тысячи... Может, мы уже будем к тому времени бестелесными энергетическими оболочками и будем висеть где-нибудь в стратосфере, наблюдая за миром...

— Значит, будем висеть рядом, — отрезает Грант... и уже мягче добавляет, притягивая к себе и обнимая, — я не отпущу тебя... Смирись с этим... Если захочешь уйти — я найду способ тебя вернуть... Ты же знаешь, я всегда добиваюсь поставленной цели... Даже если для этого мне нужно будет шантажировать тебя апокалипсисом или мировой войной...

Я возмущенно смотрю ему в глаза.

— Это какое-то рабство. Можно мне хоть капельку свободы?

— Конечно... Но рядом со мной... — шепчет Грант, целуя меня за ушком, и я уже согласна на все, на что угодно, даже на вечное рабство, только чтобы он не останавливался.

Я наполнена любовью до краев, до предела. Даже Дэвид, приходя ко мне в гости, за своей (как он говорит) порцией нежности, говорит мне, что сейчас ему хватает минуты рядом со мной, чтобы насытиться полностью под завязку.

Мои друзья подшучивают надо мной. Смеются, что даже если и не хотят, то влюбляются

и очаровываются. Все разбилось по парочкам, если не друг с другом, то с созданными девушками и парнями.

Я чувствую, что могу все. Мне даже не нужно летать на землю, чтобы влиять на людей. Я могу воздействовать отсюда, как будто я стою с человеком рядом. Моя сила возросла многократно.

Я дышу, я живу любовью. Я люблю весь мой прекрасный мир, всех существ на планете, людей, животных, траву, облака — все пронизано моей любовью. Они откликаются на мои чувства. Я так же ощущаю их волнение и нежность ко мне. Их ответный трепет и восторг.

— Уважаемый Хранитель Войны, — начала я издалека. Грант неувовимо напpягся, чувствуя подвох в моих словах. И правильно чувствует же! — а что ты мне подаришь на день рождения? А он у меня очень скоро... — ничто так не беспокоит мужчину, чем непонятная щекотливая ситуация... Что подарить, если все есть?.. — А ко всему скоро и шестилетие нашего нахождения здесь... Так что, двойной праздник.

— А что ты хочешь? — осторожно интересуется Грант.

— А давай еще раз перенесемся в ту лагуну? — мне вдруг так захотелось опять оказаться в маленькой тростниковой хижине, что я задрожала от нетерпения, — надеюсь, она еще жива? Ты ее не стер?

— Как я мог ее стереть, если там ты впервые стала моей?... Эта лагуна — самое счастливой место в моем мире... — ответил Грант и протянул руку. Мы оказались на берегу.

— Она еще прекраснее, чем я ее помню! — воскликнула я.

— Мне тоже так кажется, — удивленно огляделся Грант... — может она без нас тут преображалась и развивалась? Здесь был такой взрыв положительных эмоций в наше прошлое посещение полгода назад, что немудрено... — и добавил, нежно обняв, — пойдём? Так хочется опять оказаться в сказочном раю.

— Нет, — заартачилась я, — это еще не весь подарок, который я озвучила, — и прошептала таинственно — Я хочу всего того, что ты мне так необдуманно обещал больше года назад... — и видя его недоуменный взгляд, процитировала «Я не оставлю на твоей коже ни единого нетронутого места, мои пальцы и губы будут везде, снаружи и внутри, я буду измываться над тобой пока ты не будешь рыдать, и умолять меня взять тебя, пока твои глаза не помутнеют от страсти, пока ты не перестанешь связно говорить»... — и добавила, — вот все это, пожалуйста, и еще немного больше...

Глаза Гранта полыхнули огнем.

— Ты хочешь всего этого? — внезапно севшим голосом, хрипло произнес он, — ты это получишь, но не говори, что я не предупреждал...

И я действительно умоляла...

Одурманенная, смертельно уставшая, полная сладким блаженством до краев, раскинув руки в разные стороны, я лежу на кровати и тяжело дышу. Я забыла, как разговаривать и думать, кожа превратилась в один сплошной оголенный нерв, вибрирующий и трепещущий. Это больше чем «плотская любовь», озвученная Посланником. Я даже не могу подобрать таких слов, чтобы описать весь этот водоворот разнообразных эмоций, которые меня переполняют. Кажется, сейчас я разлечусь на миллионы осколков по всему миру, взорвусь сверхновой звездой, рассеюсь на атомы и перестану существовать как человек. Я потрясена и немного испугана этим переполняющим меня счастьем.

Грант еще ласкает меня короткими скользящими поцелуями, медленно проводит горячей ладонью сверху вниз, как собственник, очерчивая изгибы и впадинки моего тела. Я могла бы возмутиться его самодовольством, но у меня нет сил...

— Знаешь, чего я хочу больше всего на свете? — хрипло говорит Грант, повернувшись ко мне и опираясь на локоть...

— Кроме меня? — смогла я сыронизировать и даже немного приподняться... Грант без улыбки пристально смотрит мне в глаза, и я понимаю, что он серьезен, как никогда...

— Я хочу стать обычным человеком... Прожить с тобой простую человеческую жизнь. Я хочу, чтобы ты готовила мне завтрак. А вечером, когда я приходил бы с работы, или с фермы, с поля, ты встречала меня поцелуем у двери... Я хочу, чтобы ты родила мне детей, и мы ссорились, воспитывая их... — мои глаза вдруг непроизвольно стали наполняться слезами. Я смотрела на сосредоточенного мужчину, и что-то горячее и тревожное разрасталось внутри...

— Я хочу нянчить с тобой внуков, — шептал Грант, — состариться вместе, и чтобы мы вечерами сидели в кресле-качалке и вспоминали наши многочисленные годы вместе... Я хочу целовать твое морщинистое лицо и любить тебя в старости... Я хочу умереть с тобой в один день и, обнявшись пойти в вечность... Вместе...

— Может быть, — говорю я сквозь слезы, — мы сможем когда-нибудь это сделать... В другой жизни, после этих десяти тысяч лет... Если мы справимся с работой, нам же дадут возможность выбирать наш дальнейший путь?..

— Может быть, — эхом отвечает Грант и нежно целует мое лицо... — и тогда я бы опять выбрал тебя...

Я, уже не сдерживаясь, рыдаю... Так меня растрогали его слова... Как самая обычная земная женщина... Некрасиво прерывисто всхлипываю и размазываю слезы по лицу. Уткнувшись ему в грудь, что-то шепчу бессвязное и глупое... Как я его люблю, какой он замечательный и сильный, самый лучший на свете мужчина, как мне хорошо с ним... Грант пугается моих слез, растерянно обнимает меня дрожащими руками и срывающимся голосом шепчет.

— Ну что ты, девочка моя... Перестань... — и успокаивает самым действенным способом — глубокими немыслимо упоительными поцелуями...

— Видишь ли, — произносит Грант задумчиво и сосредоточенно, — я всегда думал, что не знаю, что такое любовь... Но если ты есть Любовь в чистом виде, и я живу тобой, дышу тобой, наполнен тобой... Значит, я люблю тебя... Да?

Я ласково улыбнулась... Логика железная... И ничего не сказала. Пусть решает сам.

— Вот что значит эта невероятная тяга к тебе, эта жажда, безумное вожделение и желание сделать тебя счастливой... — Грант словно разговаривает с самим собой, со своим сердцем, отрешенно и серьезно, — Вот что значит постоянно хотеть тебя видеть, чувствовать, трогать... Хотеть знать все твои мысли, чувства, залезть тебе в голову, узнать о тебе все... Желание владеть тобой всецело, и в то же время стараться понять тебя и уступить...

Я могла бы ему сказать, что давно это знаю, что вижу его насквозь и чувствую его эмоции как свои собственные, но промолчала, только хрипло прошептала «Я тоже сильно-сильно люблю тебя, мой Хранитель»...

И вдруг я ощутила внутри себя вспышку, болезненную и обжигающую... У меня в животе как будто родилось маленькое солнышко и растеклось по телу жаркой волной... Я вздрогнула и испугалась...

— Грант, — дрожащий голосом произнесла я, — что со мной? Мне вдруг стало так жарко, и больно, и приятно... Я не знаю, что происходит... Я боюсь...

Грант встревоженно приподнялся на кровати...

— Ты светишься, — благоговейно прошептал он, — вся сияешь, как солнце...

И вдруг его взгляд остановился на уровне моего живота и глаза начали ошеломленно округляться...

— Я не верю... — его голос дрогнул, — Я... - голос опять сорвался и Грант не мог выдавить из себя ничего, только отрывистые хрипы и судорожное дыхание.

— Что ты там видишь? — спросила я, — нет, не может быть... Ты думаешь, я беременна? — это казалось так невероятно, что я со смешком уткнулась носом в подушку.

— Люба, милая моя, любимая, дорогая девочка, самая прекрасная на свете, моя Богиня, мое солнце, моя радость... — Грант с полубезумным выражением на лице покрывал поцелуями мой живот... — Я, наконец, присмотрелась повнимательнее к себе и почувствовала мощный эмоциональный отклик зарождающейся души нашего ребенка, в ответ на страстные поцелуи отца... Еще только маленькая искорка, новорожденная и слабенькая... Но уже такая пылкая и энергичная...

Сердце подскочило к горлу. Я смотрела на белокурую голову склонившегося надо мной Хранителя, а чувство сказочной нереальности охватывало меня. Грант шептал что-то бессвязное и лихорадочное. Мне даже показалось, что что-то капнуло на кожу. Станные сильные и такие слабые мужчины. А такие грозные и неприступные на вид... А ведь это его первый ребенок в жизни... Мы вместе сотворили Бога... Невероятно!

— И как же мне спрятать этот яркий свет? — пробормотала я, когда Грант немного успокоился и просто спеленал меня руками, ногами, всем телом, обхватив ладонями живот... — я же буду ходить как лампочка... Все будут тыкать пальцами...

Я чувствовала затылком, как губы Гранта расплылись в улыбке...

— Пусть завидуют... а еще лучше, я спрячу тебя ото всех в своем замке, и ты будешь только со мной... Всегда...

— Нет, — попыталась обернуться к нему — не дал, по-прежнему горячо и возбужденно дыша в ухо, — неизвестно, сколько будет длиться беременность... Я же впервые жду ребенка, еще и Богиней... Девять месяцев или дольше... Я что, буду игнорировать наши встречи и свою работу как Хранительницы? Нет-нет и нет... — капризно заявила я... — я теперь беременная нервная женщина и мне во всем нужно потакать...

Но Гранта ничего не могло уже обескуражить. Он баюкал меня в своих руках и

счастливого глупо улыбался, ероша дыханием мои волосы.

— Я буду во всем тебе потакать, моя Любовь... Все, что захочешь... Что угодно...

Я тут же загорелась идеей.

— Это ты зря сказал, — прошептала я таинственно, — у меня сразу же есть просьба — когда родиться наш ребенок, ты прекращаешь все войны на планете. Он же будет там жить.

Грант невольно напрягся. Но скорее по привычке. Внутренне он готов был мне уступить.

— А Альфред и Анжелика? Что с ними? — тихо поинтересовался он.

— Разберемся по ходу, — меня переполняло бурное ликование, я дрожала от возбуждения — наша с Грантом любовь сотворила новую божественную душу... Это так прекрасно — мы станем родителями!

Все Хранители встречали нас, собравшись у Гранта возле замка и когда увидели меня, вышедшую к ним, единый восхищенный вздох пронесся по двору... Даже Альфред преобразился, и в его глазах впервые отразилась не ненависть, а потрясение и восторг.

Аманда с неба осыпала меня лепестками роз, ее радостный смех звенел колокольчиками в вышине, весь двор был усыпан яркими экзотическими цветами, в воздухе золотыми искорками кружились конфетти, и лилась дождем чудесная музыка... Хранители устроили мне настоящий праздник. Всем хотелось приблизиться и потрогать мой живот. Для всех это было чудо. Грант задвинул меня за спину и грозно сказал, что представление окончено. Записывайтесь в очередь на посещения.

Я засмеялась и подмигнула Аманде «Приходи завтра — поболтаем».

Мы с Грантом перенеслись домой, в замок. Он не отпускал меня ни на шаг, все время загадочно улыбался и рассматривал, как диковинную редкость. А я светила мягким теплым неярким светом, купаясь в его любви. Когда я была в одежде, этот свет распределялся по всему телу и окружал меня солнечной аурой. А когда я была обнажена — сосредотачивался ярким пульсирующим огоньком внизу живота. Это было так волшебное и захватывающее...

Я пригласила Аманду завтра не просто так... Не знаю, догадывается ли Грант, но у меня созрел план. Уже давно, а сейчас только окреп и утвердился... Я тоже, находясь рядом с ним, училась планировать и бороться. Я собралась с Амандой идти к Максусу... Мы создадим союз с ним, Софией и Ионной... Убойная смесь — Любовь, Радость, Талант, Изобретения и Магия... Мы будем открывать свои сущности, и воздействовать друг на друга... У меня в планах изобретение космических кораблей для межзвездных перелетов. Ближайшая пригодная для заселения планета находится на расстоянии всего лишь тринадцати световых лет... Я уже побывала там... Я исследовала всю базу данных по нашему дому — галактике. Нашла несколько подходящих планет с кислородной атмосферой. Осталось дело за изобретениями. И если мы все вместе решим сотрудничать — у нас все обязательно получится!

Раздумья и тревоги терзают меня. Женщины ведь всегда тревожатся и переживают. Я думаю о нашем ребенке, я беспокоюсь о нас с Грантом... Я не знаю, сколько продлится наша любовь, может десять лет, может сто, может тысячу. И не хочу загадывать. Если думать о плохом, то его можно приблизить (мы же Боги — наши мысли материальны).

Что будет с нами? С миром? С людьми? Исчезнут ли войны в человеческой истории? Или наоборот? И как в этом случае сохранить равновесие в мире, где не будет войн и насилия?

Нужно будет думать, чем кормить многочисленный народ... Нужно будет изобретать космические корабли, и строить колонии на других планетах. Столько работы впереди, столько планов, и мне еще столькому нужно учиться... Учиться быть смелой и решительной. Брать на себя ответственность и спорить, отстаивая свою правоту. Но я уверена, мой любимый Хранитель Войны поможет мне... Он ведь и сам изменился. Стал более человечным и уступчивым, демократичным и терпимым. Как-будто я заполнила своей любовью все пустоты в его душе, наполнила до краев теплом и нежностью чернильную непроглядную бездну его одиночества, сделала цельным и полным.

Он действительно глубоко и сильно любит меня. Я чувствую его любовь на расстоянии. Всегда, где бы я не находилась, у себя в замке или на Земле — я слышу его мысли обо мне, как свои собственные. Я вижу эту крепкую неразрывную нить, связывающую нас, тянущуюся от моего сердца к его. Особенно сейчас, когда наш ребенок еще более усиливает интенсивность эмоций. Я чувствую, когда он думает обо мне. Чувствую всей кожей, всей своей сущностью как его душа тянется к моей, вижу как вспыхивает нежность в его сердце или яростный огонь желания. Я ощущаю, как незримые руки обнимают меня, и сама тянусь лаской в ответ...

Когда мы в очередной раз спорили, я как-то сказала Гранту, — «Пусть будет война на ринге и соревнованиях, борьба в олимпийских играх и в чемпионатах мира, спортивные победы и поражения, борьба в онлайн играх и чартах, противостояния на бирже и война человека с самим собой, со своими страхами и комплексами, только не та, где гибнут люди и плачут женщины. Только не та, где дети остаются сиротами, а люди покидают свой дом, чтобы никогда в него не вернуться»...

Грант пообещал подумать... Я верю, он обязательно что-нибудь придумает. Он же

самый умный и замечательный на свете... Мой любимый Бог... Я по-прежнему чувствую себя слабой земной женщиной рядом с ним. Мне нужна защита и опора. Поддержка и уверенность в себе, в нем, в нашей любви. В голове бродят самые разные мысли. И пугающие и радостные, и тревожные и оптимистичные. Грант нежно и крепко обнимает меня, а я спрашиваю себя...

Каким он будет, наш ребенок? Принесет он людям радость и свет, или тьму и ужас? Будут ли люди счастливы или разразятся кровопролитные войны? Я не знаю... Он зреет во мне ярким теплым светом, и где-то какая-то женщина, бедная или богатая, во дворце или в подворотне родит его людям... Я смогу только сверху наблюдать за ним, иногда помогать ему во снах, иногда давать советы внутренним голосом... Но он никогда не увидит меня, не узнает, что я его мать... Только возможно, когда умрет, там, на земле, и его душа яркой искрой поднимется сюда... Каким бы он ни был, каким бы он не вырос, добрым или жестоким, великодушным или бессердечным, я буду ждать его, я буду верить в него, я буду любить его... Всегда...

Больше книг на сайте — Knigolub.net